

Верни меня

Серия
«Преследуя пламя»

Энн Мари Уолкер и
Эми К. Роджерс

— Быть вместе
слишком опасно...
но они просто не могут
держаться порознь

Нет почти ничего, чего Алессандра Синклер не сделала бы для Хадсона Чейза. Он был ее первой любовью, и она решила, что он станет и последней. Но когда всплывает ужасная тайна Хадсона, Алли оказывается втянута в смертельно опасную игру в кошки-мышки с мужчиной из своего прошлого, который собирается использовать эти сведения, чтобы уничтожить Хадсона. Теперь единственный способ спасти мужчину, которого она любит — это потерять его навеки... Хадсон всегда знал, что его секреты могут его погубить, но он никогда не думал, что жизнь Алли окажется в опасности. Пришло время признаться во всем, пока все, чего он желал, не разрушилось...

Верни меня

Энн Мари Уолкер, Эми К. Роджерс

Картина может стоить тысячи слов, но фотография Дэвида Ганди стоит
целого романа. Или трех. Спасибо, Дэвид. Ты всегда будешь нашим любимым
отвлечением.

С гребаным Новым годом, подумал Хадсон, пока черный Mercedes S65 плавным рывком заворачивал за угол. Макс управлял роскошной арендованной машиной, а Хадсон получил возможность просмотреть досье, предоставленное главой его службы безопасности меньше чем за час. Не было лишь медицинских записей мадам Бернадетт Бюшон. Их получение вероятно, заняло бы у Макса те два часа, что он изначально давал, но знание ее уровня холестерина не изменит текущего положения дел. Хадсон даже не был уверен, что Бюшон не заведет его в тупик, но это была единственная ниточка, и он, черт подери, собирался за нее дернуть.

Тогда, на железнодорожной станции, он ходил по всей платформе, смотрел на часы, разворачивался, шел обратно и снова смотрел на часы. Чем больше времени проходило, тем чаще колотилось его сердце, и когда он понял, что Алли не появится, с него будто кожу заживо содрали. Он достал телефон и позвонил в отель Георга Пятого, чтобы выяснить местонахождение водителя, затем Макс, чтобы запросить сведения. Судя по имеющейся информации единственным логичным заключением было то, что Алли его бросила. Чего он не знал, так это почему. Теперь он полностью переключился на автопилот с единственной миссией, и с каждым шагом секундной стрелки почва уходила у него из-под ног.

Хадсон нетерпеливо сглотнул и бросил еще одно фото из прессы на кожаное сиденье. Все указывало на то, что женщина, которую Алли назвала одной из ближайших подруг матери, была лишь богатой европейкой с даром организации собраний. И многочисленные мероприятия, на которых она фотографировалась, давали ему лишь краткий курс, как отличить Валентино от Шанель. Все досье было полно бесполезной информации, начиная от ее брачного марафона до обширного семейного древа, и все же Хадсон продолжал внимательно его изучать, пытаясь найти что-то, хоть что-нибудь, что могло объяснить, что за хрень происходит.

Было ли посещение Бюшон лишь предлогом? Были ли последние дни тщательно разыгрываемой сценой в ожидании идеального выхода? Или это было окончательное прощание — затрахать друг друга до бесчувствия, чтобы вытравить его из своего организма? Неужели она осознала, что несмотря на его адрес, он все еще недостаточно хорош? Хадсон крепче стиснул документы, чтобы не вдарить кулаком по тонированному стеклу. Ему даже не представилось гребаного шанса поговорить с ней.

— Мистер Чейз, — голос Макса оборвал поток риторических вопросов, и острый как бритва взгляд Хадсона метнулся к зеркалу заднего вида. — Самолет на месте, команда готова взлетать, как только мы приедем. Расчетное время прибытия — восемь минут.

Хадсон посмотрел на часы.

— Спасибо, — он глубоко вздохнул, пытаясь превратить всю свою нервную энергию в сосредоточенное спокойствие, но его нужда найти Алли пересиливала любую логику. Если она думала, что сумеет уйти, не выслушав его... Ну, сенсационные новости, она ошибалась. Охренеть как ошибалась.

Проехав через частный въезд на территорию аэропорта, Мерседес вырулил на взлетную полосу и подъехал к ангару, в котором стоял самолет Чейз Индастриз. Машина резко остановилась внутри, шины взвизгнули о гладко полированный бетонный пол. Хадсон

вылетел из авто. Плевать он хотел, если придется пролететь полмира, он последует за ней. Вернуть Алли было жизненной необходимостью, и если она хочет сыграть в эту игру, он, черт побери, в деле.

***

Алли ходила туда-сюда по обюссонскому ковру перед камином в кабинете Джулиана. Она не отводила взгляда от часов на каминной полке, украшенной замысловатой резьбой. И чем дольше она смотрела на часы, тем громче становилось их тиканье. Еще десять ударов, и они пробьют так же, как делали последние четыре часа. Еще одно пронзительное напоминание, что она пропустила встречу с любимым мужчиной.

В груди стало тесно от мысли, что он ждет ее на парижской железнодорожной станции. Поначалу он мог подумать, что она просто опаздывает. В конце концов, это не такая уж редкость. Но Хадсон знал, что она бы позвонила или написала в таком случае. В конце концов он понял, что что-то не так.

Закрывая глаза, она могла представить, как он стоит на платформе, проводит рукой по волосам, смотрит на часы, как хмурит брови, как напрягается его челюсть. Долго он ждал? Звонил ли в полицию? Они, наверное, не признают ее официально пропавшей, пока не пройдет несколько часов. В любом случае, Алли была уверена, что он допросит сотрудников отеля, куда ее отвез лимузин. И не понаслышке зная, каково иметь дело с решительно настроенным Хадсоном Чейзом, она не сомневалась, что ему дадут любую информацию. Значит, он узнает, что водитель отвез ее не на чай со старой подругой семьи, а в аэропорт. Боже. Он подумал, что она его бросила? Неужели он уже на пути в Чикаго?

Часы пробили очередной час, и Алли открыла глаза. Ей нужно отсюда выбираться. Ей нужно найти Хадсона, сказать, что она любит его и никогда бы его не бросила. Никогда.

Где, черт побери, Джулиан? Он заставил ее торопиться с самого момента своего звонка, потребовав, чтобы она лично доставила его кольцо в невероятно короткие сроки. Но как только она вошла в дверь, к нему обратился внушительный джентльмен, чтобы передать сообщение. За последние несколько недель Алли видела достаточно, чтобы узнать в нем телохранителя. Бывший военный, предположила она. Прочтя записку, Джулиан извинился и попросил мужчину проводить Алли в его кабинет. Она не особо раздумывала, пока он не забрал ее телефон и не запер в комнате.

И с тех пор она мерила шагами ковер.

Нетерпение мучило ее осознанием жестокой иронии, ведь она хотела никогда больше не видеться с Джулианом Лореном. Она бы сбросила его звонок — нет, вычеркните, она послала бы его к черту и потом сбросила его звонок — но он разыграл единственную карту, гарантировавшую ее сотрудничество. Хадсон. Алли понятия не имела, что случилось с женщиной, чье безжизненное тело лежало у ног Ника на том видео, или как в это был втянут Хадсон. Но это неважно. Она абсолютно доверяла Хадсону и сделала бы что угодно, чтобы его защитить. Вот почему она была вынуждена в точности следовать инструкциям Джулиана. Она сделала все, как он просил, и в итоге он запер ее в кабинете на несколько часов. С нее хватит. Джулиан не мог держать ее в заложниках.

Алли пересекла комнату, напоминавшую пещеру, и подергала ручки двойных дверей. Заперто. Заколотив кулаками по дереву, в ответ она услышала лишь эхо тишины. Зачем, черт подери, он делает это? Дрожь осознания пробежалась по спине Алли. Он играет с ее психикой, ломает ее защиту. Но зачем? Она не собиралась оставаться здесь достаточно

долго, чтобы выяснить. Она должна выбраться, найти Хадсона и рассказать ему все. Вместе они найдут способ управиться с Джулианом.

Ее глаза метнулись через всю комнату к арочному створчатому окну на противоположной стене. Она торопливо обошла стол Джулиана и отчаянно дернула за ручку. Не слишком высоко, если прыгнуть аккуратно...

Позади нее скрипнул дверной шарнир и двери распахнулись.

— Садись, Алессандра, — тихо сказал Джулиан с сильным акцентом. — Ты никуда не пойдешь.

За считанные секунды Хадсон поднялся, перескакивая сразу через две ступеньки. Взойдя на борт своего частного самолета, он услышал, как капитан связывается с диспетчерской вышкой. Почти сразу же его поприветствовала бортпроводница.

— Добрый вечер, мистер Чейз, — женщина заглянула через плечо Хадсона. — Мисс Синклер к нам присоединится?

— Изменения в пассажирском манифесте, — Хадсон расстегнул шерстяное пальто и бросил его на кремовый диван напротив двух кожаных кресел. — Только один пассажир, — пояснять не нужно было, да он и не собирался.

Бортпроводница тут же просто ответила:

— Да, сэр.

Хадсон плюхнулся в то кресло, что стояло лицом к двери, и провел руками по волосам. Мечтать не вредно, но он не отводил взгляда от двери, он надеялся — черт, да он просто молился — что Алли внезапно появится в проеме. Но вместо того парень из наземной команды подбежал к лестнице, чтобы закрыть люк.

Опустив голову, Хадсон потер переносицу, как будто это могло смягчить мысли, атаковавшие его лобную долю.

— Сэр? — мягкий голос донесся до него сквозь звук разогревавшихся двигателей. — Могу я предложить вам ибупрофен или аспирин?

— Я в норме, спасибо. Лишь стакан во...

Его телефон зазвонил в руке.

— Мистер Чейз, мы готовимся к взлету, вам придется выключить телефон или перевести его в авиа-режим.

Подняв один палец, Хадсон посмотрел на экран. Его живот скрутило, когда он понял, что это была не Алли, а какой-то неизвестный номер.

— Чейз, — резко ответил он.

— *Bonsoir, Monsieur Chase. C'est Claudette de la George V (1).*

Хадсон принял бокал прохладной воды от бортпроводницы.

— *Procéder (2),* — произнес он на почти идеальном французском. За окном пейзаж начал плавно скользить.

— *Bien sûr, monsieur. Mlle Sinclair a rencontré un passager de Chicago, une jeune femme rousse selon le pilote. Il l'a emmenée à l'hôtel Ritz Carlton (3).*

Гребаный ад, она тараторила слишком быстро.

— *Ralentissez, Anglais, s'il vous plaît (4).*

— *Désolé (5)...* — мои извинения, мистер Чейз. Для отеля Георга Пятого вы ценный клиент, и в порядке вежливости мы хотели бы сообщить последнюю информацию по вашему запросу насчет мисс Синклер, — небрежный тон теркой прошелся по его нервам. И какого хрена, эта пауза едва не довела его до термоядерного взрыва. — Мисс Синклер отвезли к терминалам прибытия.

— Прибытия? Вы уверены?

— *Oui.* Она встретила рейс из Соединенных Штатов.

— Соединенных Штатов пятьдесят штук, поконкретнее, пожалуйста, — воздушное

судно начало выкручивать на взлетную полосу, и вода в стакане перед ним задрожала.

— Чикаго, сэр. Водитель сказал, что он забрал рыженькую с... эээ... разноцветным багажом, затем отвез ее в Риц Карлтон.

— Мисс Синклер поехала с ней в отель? — и какого черта она повезла ее именно в тот отель?

— Нет, сэр.

Боже, это напоминало удаление зубов.

— Водитель отвез мисс Синклер в другое место?

— Нет, мистер Чейз, он вернулся один.

— Merci, — Хадсон завершил вызов. С чего Алли вдруг возвращаться в Штаты, когда ее лучшая подруга здесь, в Париже? Частички пазла из разных коробок смешались воедино и никак не желали складываться в картинку. Он откинулся в кресле, и в тот же момент пилот дал газу. Двигатели взревели, самолет начал набирать скорость.

Проклятье.

Хадсон дернул ремень безопасности, звякнув пряжкой о подлокотники, и приказал остановить самолет.

***

Алли вздрогнула от звука распахнувшейся двери. Она повернулась и увидела Джулиана, стоявшего в дверном проеме. Его остекленевшие зеленые глаза плотоядно блуждали по ее телу, отчего все ее инстинкты забили тревогу. В последний раз, когда она находилась в одной комнате с Джулианом, он попытался изнасиловать ее. Порезы и синяки, которые она получила от его руки той ночью, зажили, но один лишь его вид пробудил панику, дремавшую всю это время.

— Кажется, я сказал тебе сесть, — он вошел в комнату и закрыл за собой дверь.

— Ты не можешь удерживать меня здесь, — сказала она, ощущая, как внезапно пересохло во рту. — Это похищение.

Его губы изогнулись в усмешке.

— Ты пришла сюда по доброй воле, Алессандра.

Ей понадобилась вся сила воли, чтобы сдержаться.

— Ты заманил меня шантажом.

— Я просто дал тебе стимул нанести мне визит, — он усмехнулся. — В качестве гостыи, — он неспешно подошел к камину, остановившись перед небольшим столиком с несколькими хрустальными графинами. — Выпьешь что-нибудь?

Алли покачала головой.

— Ты всех своих гостей запираешь в кабинете?

— А ты предпочла бы башню?

С ужасом Алли поняла, что он, возможно, и не шутил. В любом случае Джулиан не стал дожидаться ответа, и вместо этого продолжил, как будто минувшие несколько часов были ничтожным неудобством.

— Мне нужно было разобраться кое с чем, — Джулиан наполнил льдом квадратный бокал, затем снял крышку с одного из графинов и налил себе огромную порцию водки. — Но теперь я здесь, так что, как вы, американцы, говорите, приступим к делу, да? — когда она не ответила, выражение его лица помрачнело. — Сядь, Алессандра. Не заставляй меня повторять снова.

Алли опустила в одно из кресел перед столом Джулиана. Он прошел мимо нее, оставляя след из сладкого запаха одеколона и застарелой вони сигаретного дыма. От этой смеси ее желудок сделал кульбит. Подойдя к столу, он пригвоздил ее жестким взглядом.

— Полагаю, у тебя есть нечто, что принадлежит мне?

Алли вытащила из сумочки кожаную коробочку и поставила на стол между ними. На мгновение он оценивал ее, глядя поверх кромки бокала и потягивая водку. Не желая доставлять ему удовольствия знать, как он на нее влияет, Алли не отвернулась.

Спустя, казалось, целую вечность, Джулиан наконец взял коробочку одной рукой и открыл крышку большим пальцем. Лучи позднего солнца, проникавшие сквозь окно, отразились от граней камня, заставив бриллиант переливаться белым и голубым. Несмотря на то, что воплощало собой это кольцо, Алли была вынуждена признать, что оно ошеломляло. Бриллиант в добрую дюжину каратов действительно был единственным в своем роде. Подарок Луи XIV первому маркизу Лорену. Это кольцо хранилось в семье Джулиана столетиями и являлось одним из самых ценных во всем его имуществе. И все же, глядя на свою драгоценную фамильную ценность, покоившуюся на черном атласе, он оставался бесстрастным и спокойным. Слишком спокойным.

На протяжении нескольких мучительных секунд единственным звуком, раздававшимся в комнате, было тиканье часов на каминной полке. Алли украдкой глянула на них, но Джулиан этого или не заметил, или ему было все равно. Он сидел неподвижно, не отводя глаз от коробочки, но в то же время глядя на нее невидящим взглядом. Как будто он был за миллион миль отсюда.

Когда он наконец заговорил, Алли выдохнула, не осознавая, что все это время задерживала дыхание.

— Американская королевская свадьба, — пробормотал он, делая еще один глоток. Голос его был таким тихим, что она сомневалась, правильно ли расслышала.

— Прости?

— Так писали в прессе, — Джулиан захлопнул коробочку и поставил обратно на стол. Отстраненное выражение ушло из его взгляда, и на его место пришла столь ощутимая злоба, что Алли почти почувствовала ее кожей. — Ты была слишком занята, раздвигая ноги перед всем Чикаго, но наше предстоящее слияние было во многих заголовках.

Алли невольно вздрогнула от выбранного им слова. Слияние, не свадьба. И определенно не любовь. Для него все их отношения были лишь бизнес-делкой, которую ее дальновидные родители бессердечно заключили, чтобы спасти Ингрэм Медиа от банкротства. Джулиана выбрали, потому что в глазах ее отца он был самым желанным покупателем, а не потому, что он ее любил. Все это было аферой. Со дня их первой встречи до ночи, в которую он сделал предложение, все это ухаживание было тщательно организованной шарадой.

— Это я должен сейчас управлять Ингрэм. Не ты и не тот беспризорник, который десять лет назад увязался за тобой домой с пляжа, — Джулиан сделал еще один глоток водки и медленно облизал нижнюю губу. — Должно быть, тогда ты была той еще штучкой, потому что я уж точно никогда не испытывал чего-то настолько... вдохновляющего.

Алли этого уже наслушалась.

— Ты получил, что хотел, Джулиан. Я привезла кольцо. Просто отдай мне карту памяти, и мы больше никогда не увидимся.

— Обещания даны, Алессандра. Контракты подписаны. Деньги перечислены.

— Мой адвокат вернул тебе все, что ты заплатил отцу, — тихо произнесла она. Тот

факт, что отец брал деньги у Джулиана, заставил ее чувствовать себя шлюхой, проданной и оплаченной.

Кулак Джулиана резко ударил по столу, и Алли вздрогнула.

— Ты думаешь, это все исправит? — заорал он. Лицо его покраснело, на подбородке нервно дергался мускул.

Между ними повисла напряженная тишина.

— Посмотри вокруг, — прорычал он сквозь стиснутые зубы. — Мне не нужны твои деньги. Что мне нужно, так это руководящий доступ на американский рынок. Конгломерат, который прибавился к холдингам Лорен. Мне нужна, — рявкнул он, — Ингрэм Медиа.

Алли старалась глубоко дышать через нос, пытаясь успокоить бешено бившееся сердце. Вспыльчивый характер Джулиана, ухудшившийся от алкоголя, был нестабилен как вода. Она должна сохранять спокойствие, сочувствовать ему, если понадобится. Все что угодно, лишь бы убраться отсюда.

— Я понимаю твоё раздражение, Джулиан. Но не знаю, чего ты от меня ожидаешь в этом плане.

Джулиан успокоился так же быстро, как и вспылал. Одним глотком он прикончил остатки водки. Медленно и методично он поставил стакан на стол, откинулся в кресле, устроив локти на подлокотниках и переплетая пальцы у рта.

— Все просто, Алессандра. Ты станешь моей женой.

(1) Добрый вечер, месье Чейз. Это Клодетт из 'Георга Пятого' (франц.)

(2) Продолжайте (франц.)

(3) Конечно, месье. Мадмуазель Синклер встретила пассажира из Чикаго, молодую женщину, рыжую, согласно водителю. Он отвез ее в отель Риц Карлтон (франц.)

(4) Помедленнее. По-английски, пожалуйста. (франц.)

(5) Извините (франц.)

Кулак Хадсона обрушился на дверь точно кувалда. Он давно миновал стадию деликатных подъемов, хотя смена часовых поясов наверняка вырубил рыженькую. И судя по тому, сколько раз ему пришлось стучать, так и было. Пока он стоял там, ждал... и еще ждал, он осмотрел от пола до потолка дорожную обстановку заведения. Несколько серебряных подносов были оставлены у номера, соседнего с комнатой Харпер, а прямо к нему направлялась горничная со стопкой свежих полотенец. Он подождал, пока она пройдет, и снова затарабанил по дереву.

Дверь наконец-то открылась, и свет из коридора проник в номер. Харпер зажмурилась от ослепительного вторжения. Ее волосы торчали во всех направлениях, и как только она сумела открыть глаза, они расширились. Проклятье, ему показалось, что они выскочат из черепа и покатятся по ковру.

— Что ты здесь делаешь? — она покрепче затянула пояс белого махрового халата, пока он протолкнулся мимо нее в номер.

— Я собирался спросить у тебя то же самое.

— В любом случае, — пробормотала она, — проходи.

— Где Алли?

— Я думала, она с тобой, — Харпер закрыла дверь и попыталась пальцами привести волосы в порядок. — Разве вы двое не посреди крышесносного романтического побега?

— К этому времени мы должны были пить коктейли в Лондоне.

— Ты пробовал звонить ей на сотовый? — Харпер чертовски пыталась увернуться от его линии вопросов. Хадсон не удивился, что она покрывает Алли, но это его выбешивало.

— Периодически. Когда ты в последний раз с ней связывалась?

— Она позвонила мне... — Харпер потерла глаза, затем помедлила, позволив руке упасть. Манжет огромного халата проглотил ее руку. — Погоди, какое сегодня число?

— Первое января, — выплюнул он.

— Она позвонила мне вчера утром.

— Во сколько?

Харпер нахмурилась.

— Рано. Ну, тут было рано. Часов шесть, наверное.

Хадсон провел рукой по волосам, обдумывая новую информацию. Мыслями он вернулся к прошлому утру. Завтрак был первым вопросом на повестке дня после ночи чистого траха на каждой поверхности их комнаты — у холодного окна его тело вжималось в нее, пока мимо пролетали французские загородные пейзажи; на полу, задыхаясь, но чужеродная мысль остановиться полностью исчезла из их словарного запаса; даже богом забытые двухъярусные кровати не остались не у дел. На том поезде не существовало никого и ничего, лишь они двое, даже в переполненном вагоне-ресторане. Или он так думал.

— Что она сказала? — Хадсон нетерпеливо ждал, что Харпер заполнит пробелы. Ее глаза метались по комнате, как будто стол, или кресло, или шторы смогут ей помочь. Господи Боже, ей надо было завязывать с уклонением и начать давать ему информацию.

— Я знаю, ты думаешь, что защищаешь подругу, но она должна была встретиться со мной три часа назад, и так и не появилась.

— Ох проклятье, — прошептала Харпер, опускаясь на темно-синий диван.

— Полностью согласен. Говори.

— Она хотела, чтобы я ей помогла.

— С чем?

— Ей нужно было, чтобы я поехала в ее квартиру и кое-что привезла, сказала, что билет будет ждать меня в аэропорту О'Хара, а здесь она встретит меня в де Голле.

— Что еще?

— Вот и все. Звонок был коротким.

— А в аэропорту?

— То же самое. Мы говорили всего несколько минут.

Хадсон знал, что она говорит правду, по крайней мере, насчет звонка — он выходил ненадолго. Но он также знал, что как только эти двое встречаются, в одно предложение укладывается рекордное количество слов. Она должна была знать больше. Но рыженькая перешла из захлопнутого состояния в шокированное.

— Что она сказала? — подтолкнул он. — Повтори разговор.

— По большей части она благодарила и рассказывала, о чем договорилась для меня. Затем запихнула меня в машину и приказала водителю отвезти меня сюда. Я собиралась позвонить и узнать, как у нее дела, но так вымоталась, что вырубилась, как только зашла в номер. О! Может, она звонила... — Харпер метнулась, схватила телефон со столика и провела большим пальцем по экрану.

— Давай назад. Что она просила привезти?

Харпер посмотрела на него.

— Ее помолвочное кольцо.

— На черта оно ей понадобилось?

— Не ей. Джулиану.

— Что, еще раз? — типичная Харпер, подумал Хадсон, оставлять самую важную хренову деталь.

— Он позвонил ей тем утром, сказал, что хочет кольцо обратно, и выдвинул ей какой-то ультиматум.

Хадсон быстро подошел к окну, пытаясь справиться с агрессией. Каждая клетка в его теле кричала желанием взять стул, лампу — черт, да даже диван — и крушить комнату.

— Я сказала, что это не лучшая идея, и что ты должен знать, что происходит, но Алли сказала, что справится и...

Хадсон резко развернулся.

— Справится?

— ... что все это будет кончено через пару часов, и тогда она сумеет наладить свою жизнь и больше никогда не увидит этого ублюдка, — Харпер тараторила на запредельной скорости. — Мне так жаль. Я не должна была соглашаться помогать ей. Я же знала, что этому мудаку нельзя доверять.

Он достал телефон еще до того, как она закончила предложение. Макс ответил после первого гудка.

— Подай машину, — рявкнул Хадсон в телефон. — И мне нужен адрес Джулиана Лорена, — он направился к двери в тот самый момент, когда Харпер принялась вытаскивать одежду из чемодана.

— Дай мне одну минуту, чтобы одеться.

— Я разберусь.

— Ты сошел с ума, если думаешь, что позволю тебе выйти из этой двери без меня, — Харпер напряженно нахмурилась, руки до побеления костяшек стискивали разноцветную грудку одежды.

Он обреченно выдохнул.

— Тогда поживее.

Алли не сомневалась, что она неправильно расслышала. Джулиан не мог говорить это серьезно. После всего, что всплыло между ними, он не мог так заблуждаться, думая, что она действительно выйдет за него.

— Я хочу то, что было мне обещано, — сказал он, откидываясь в кресле. — Что принадлежит мне по праву. Все было бы моим, все — кабельные сети, газеты, журналы. После слияния с моими европейскими и азиатскими холдингами Ингрэм стала бы глобальным лидером.

— Есть и другие медиа-конгломераты, Джулиан.

Он покачал головой.

— Не такие, как Ингрэм. Активы этой компании уникальны, — его налившиеся кровью глаза блуждали по ее телу. Даже в приглушенном вечернем свете она видела, как раздуваются его ноздри. — И даже не имея родословной, фамилия Ингрэм приблизилась к королевской, насколько это вообще возможно для американцев.

— Я не люблю тебя, Джулиан. И ты вполне ясно дал понять, что тоже меня не любишь.

— Любовь бывает только в сказках, Алессандра. Ей не место в реальном мире. Я думал, твоя мать хоть этому тебя научила на собственном примере.

Алли застыла.

— Я не похожа на свою мать.

Джулиан с резким смешком запрокинул голову.

— Ты серьезно настолько слепа, что не видишь этого? Ты копия своей матери. И я говорю не о твоей внешности, хотя, полагаю, я должен быть благодарен, что трофей блестит, — он провел рукой по светло-каштановым волосам, которые тут же легли обратно в безупречную прическу. — Если так тебе будет легче спать по ночам, считай, что наш брак — дань твоему наследию.

— Сейчас не средневековье. Ты не можешь силой на мне жениться.

— Верно, — он погладил свою губу указательным пальцем. — Решение целиком и полностью за тобой. Хотя если ты будешь сопротивляться, то видео может оказаться в соответствующих руках.

Так вот в чем был его план с самого начала. Спешка с возвращением кольца была лишь поводом, чтобы он смог открыть свой истинный замысел.

Извращенное веселье мелькнуло в его глазах.

— Не надо так удивляться, Алессандра. Ты же не думала, что я так легко сдамся, а?

— Тебе необязательно делать это, — сказала она, как будто была еще возможность урезонить его.

— Вот тут ты ошибаешься, *ma chérie*. Ты не оставила мне иного выхода.

— Я? — звук получился слишком писклявым, выдавая все эмоции, которые она пыталась сдержать.

— Oui, — его взгляд сделался бесстрастным. — В конце концов, это из-за тебя распалась сделка. Все это, — он махнул рукой в воздухе, — твоя вина. Ты сама вызвала это, разорвав нашу помолвку.

Алли посмотрела на руки, сжавшиеся в кулаки на коленях.

— Ты напал на меня.

Джулиан фыркнул.

— А как ты думаешь, я должен был реагировать, когда узнал, что моя невеста развратничает по всему городу в мое отсутствие? Ты должна быть благодарна, что я готов закрыть глаза на твои проступки, но вместо этого ты выбрала мужчину, который буквально был твоим слугой. Еще один урок, который должна была преподать тебе мать — с персоналом трахаются в тени, Алессандра, а не шествуют через лобби в симфонию, — он перекачивал кубики льда в пустом бокале. — Настоящий позор. Если бы ты только оставила это позади, все эти неудобства не понадобились бы. Ты бы жила здесь как маркиза Лорен, буквально королева этого замка; твой дражайший мистер Чейз и его братец-голодранец не рисковали бы отправиться на плаху, а твои родители все еще были бы живы.

Алли вскинула голову.

— Какое отношение ко всему этому имеет смерть моих родителей?

— Твои родители хотели, чтобы Ингрэм оставалась семейной компанией. Твой отец лишил бы меня поддержки, как только ты отменила свадьбу, а без благословения всемогущего Ричарда Синклера у меня не было шансов убедить остальную совет, — он откинулся в кресле, положив лодыжку на колено. — Мне нужно было, чтобы к власти пришел кто-то, кого легче контролировать.

Алли пробил холодный пот.

— Что ты сделал? — прошептала она.

Пронзительный взгляд Джулиана оставался ровным.

— Все, что потребовалось.

Нет, нет, нет...

— Выяснив, что холдинги Ингрэм-Синклер перейдут к их единственной наследнице, я попросту переключился на знаменитого мистера Чейза, чтобы найти на него рычаг давления. Мне даже не пришлось копать слишком глубоко. Укрывательство убийства? — уголок рта Джулиана изогнулся в отвратительной ухмылке. — Считай, что он протянул тебя мне на блюдечке с голубой каемочкой.

Алли пыталась дышать ровно, пока Джулиан злорадствовал по поводу организации убийства ее родителей, как будто это была победа в матче по поло.

— Все встало на свои места так просто, что даже немного скучно стало. За исключением того, что тот имбецил взял кольцо твоей матери как сувенир, — он цыкнул. — Как профессионал он должен был знать, что я не позволю оставить такой хвост. Но опять-таки, тот факт, что кольцо было у него, когда обнаружили тело, идеально помогло свалить на него вину. Насколько я слышал, полиция практически закрыла дело.

Алли ощутила во рту вкус желчи и на мгновение подумала, что ее сейчас стошнит.

— Уверена, что не хочешь выпить, Алессандра? Ты выглядишь немного бледной.

Ее голова закружилась, она пыталась переварить услышанное, но одно было ясно — Джулиан хладнокровно убил ее родителей. Угроза обличить Хадсона была лишь верхушкой айсберга. Он мог зайти бесконечно далеко ради достижения своей цели. Она бы сделала что угодно, чтобы защитить Хадсона, но не могла дать Джулиану то, чего он хочет.

— Унаследованных акций недостаточно, чтобы дать тебе контроль над компанией, — сказала она. — Значительная сумма принадлежит Хадсону.

— Я прекрасно осведомлен об его пакете. И я также осведомлен о слабости, которую он питает к тебе. Ты его Ахиллесова пята, Алессандра. Ты без проблем заставишь его подписать

отказ от имущественных прав на компанию.

— И как, по-твоему, я должна это сделать?

— Порвав с ним.

— Он не поверит мне, — Хадсон ни за что не поверил бы, что она его бросает, что она его не любит. Или поверил бы? Она так ужасно вела себя с ним, когда узнала правду о скупке акций Ингрэм и попытке враждебного захвата. И теперь, если он подумал, что она уехала из страны без него...

— Убеди его. Скажи, что передумала, что все же не можешь простить его, или что просто от него устала. Мне плевать. Но порви с ним.

— Он будет за меня бороться.

Джулиан глумливо усмехнулся.

— Я на это и рассчитываю. Позволь ему унижаться, как раньше, а затем поставь ультиматум. Заставь доказать свою любовь — пусть перепишет все акции на тебя. Это достойный поступок, учитывая, что ты единственная оставшаяся в живых наследница Джонатана Ингрэма. Затем, конечно же, ты нанесешь его это решающий удар, свив со мной счастливое семейное гнездышко, — его слова были полной противоположностью презрительному тону. — И поскольку ты уже доказала, что не можешь себя контролировать, позволь мне кое-что прояснить. Манипулируй им, Алессандра, но не трахайся с ним. Эта услуга зарезервирована для твоего будущего мужа.

— Если ты думаешь, что я стану спать с тобой, ты выжил из ума.

— Что бы тебе ни наговорил этот дворняга, ты не лучший трах столетия. Далеко не лучший. В моем распоряжении масса ресурсов, которые намного лучше удовлетворят мои потребности. Ты будешь спать в моей постели по приглашению. Частота их будет зависеть от твоей фертильности, — он усмехнулся. — Ну и от моего настроения, конечно же.

Алли изумленно раскрыла рот.

— Ты ожидаешь, что я рожу тебе ребенка?

Он поднялся со стула.

— Двух. Наследника и запасного, как любят говорить британцы.

Алли съежилась, когда он обошел стол.

— Расслабься, — сказал Джулиан, насмехаясь над ее страхом. — Никто не посмеет назвать Лоренов ублюдками. Я не возьму тебя до первой брачной ночи, — он прошел мимо нее к ряду хрустальных графинов и наполнил стакан доверху. — Что наводит на мысль о временных рамках. Ежегодное собрание акционеров будет в апреле, и мои источники сообщают, что совет будет избирать постоянного гендиректора в марте.

Его источники? Алли едва успела обдумать, кто в Ингрэм сливает секретную информацию Джулиану, как он сбросил на нее очередную бомбу.

— Нам нужно провести церемонию до этого собрания. Крайний срок — середина февраля, — он выгнул бровь. — На День Святого Валентина? Возможно, это больше подходит для кровавой бойни, чем для херувима в памперсе, но тем не менее.

— Ты хочешь, чтобы мы поженились в следующем месяце? — хрипло спросила Алли.

— Oui. Организация не будет проблемой, учитывая, что планы уже были составлены. Большинство из них без проблем можно будет адаптировать под февраль. Этого хватит для громких заголовков в прессе... я представляю что-то вроде 'Лихой принц спасает наследницу-сиротку'. Неплохо звучит, не так ли?

Очевидно, он выжил из ума. Но она должна была подыгрывать. Это была единственная

надежда выиграть немного времени, чтобы разобраться со всей этой хренью.

— Почему так быстро... Я хочу сказать, у нас вся жизнь впереди, что за спешка?

— Нам нужно оставить в запасе достаточно времени, чтобы краснеющая невеста осознала, сколько компании пришлось вынести от рук корпоративного захватчика, и заменить его новым мужем.

— Идея содиректорства была временной, Джулиан. Не думаю, что кто-то планирует работать так на постоянной основе, кто бы ни сидел в этом кресле.

— Не будь душой. Я не собираюсь работать с тобой, — он сделал глоток из хрустального бокала. — Как только мы вернемся из медового месяца, ты передумаешь, решишь, что тебе не место в зале совета, и используешь свой внушительный пакет акций, чтобы выдвинуть на это место своего мужа.

— И чем я должна заниматься?

Он пожал плечами.

— Наполни свою жизнь благотворительностью и теннисными матчами, как это сделала твоя мать.

— И после всего, что я сделала, я должна внезапно передумать и отдать компанию своего деда тебе? — Алли выпрямилась в кресле. Она гордилась своей работой в Ингрэм. Ее победы в зале совещаний были маленькими, но она понемногу заслуживала уважение. Уходить на этом этапе было бы бессмысленно. — Никто в это не поверит.

— Как ты подашь историю, не мои проблемы, Алессандра. Но я думаю, тебе стоит поработать над выражением лица, — он сократил дистанцию между ними, встав прямо перед ее креслом. — На людях ты должна будешь разыгрывать любящую жену.

Его пальцы проследили венку, бешено пульсировавшую на шее. Алли зажмурилась, борясь с желанием отпрянуть.

— Я не настолько хорошая актриса.

— Я тоже, но если я справляюсь, справишься и ты. С достаточным количеством практики ты научишься, а если нет, я с удовольствием познакомлю тебя с кое-какими мотивирующими методами, — его рука сжалась на ее шее. — Некоторые тренировки могут быть весьма интересными.

— Этого не потребует, — пробормотала она, пытаясь справиться со страхом.

— Убеди меня, — он вытащил ее телефон из кармана и бросил на стол перед ней. — Полагаю, где-то там есть сердце, которое нужно разбить.

— Что ты хочешь от меня?

— Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. Считай это жестом доброй воли со своей стороны. Хотя теперь, когда я думаю об этом, дополнительный стимул никогда не повредит, — Джулиан залпом допил остатки водки и подошел к противоположному краю стола. — Мои источники в чикагской полиции были весьма дотошны, — он открыл верхний ящик и достал конверт. Алли знала его содержимое еще до того, как Джулиан его открыл. Она постаралась справиться с нахлынувшими эмоциями, хотя ничто не могло подготовить ее к тому, что она вот-вот должна была увидеть.

— Визуальные образы всегда очень помогают. Разве ты не согласишься со мной, Алессандра?

Одним жестом Джулиан вытряхнул несколько фотографий на стол. Одна отвратительнее другой. Ее отец, рухнувший на стол, заливающий кровью столешницу. Мать на полу столовой, пустой взгляд отражается от разбитых зеркал на стенах. В тот момент

Алли осознала, что речь шла уже не только о защите Ника и Хадсона от судебного преследования. Это вопрос жизни и смерти. Она не сумела защитить родителей, но могла уберечь любимого мужчину от судьбы, запечатленной на этих фотографиях.

— Довольно, — она взяла телефон и включила его. Почти немедленно аппарат завибрировал, сигнализируя о входящих сообщениях, пропущенных звонках и голосовой почте. Ее взгляд затуманился. Проклятье. Она ненавидела саму мысль о том, чтобы плакать перед Джулианом, ненавидела доставлять ему это удовольствие. Но осознание того, что произошло с родителями в сочетании с тем, что ей предстояло сделать, было слишком, и нежеланные слезы потекли по щекам.

— Уже начинаешь сомневаться? Возможно, мне стоит применить более действенную мотивацию.

— Нет, — вздрогнула она. — Я справлюсь.

Разрыв отношений с Хадсоном убьет ее, но у нее не было выбора. Она должна подыгрывать Джулиану, хотя бы временно. Это единственная возможность обеспечить безопасность Хадсона.

Она вытерла лицо тыльной стороной ладони и зажала клавишу быстрого набора Хадсона. Он ответил после первого же гудка.

— Алли, — отчаяние в его голосе едва не разбило ей сердце. — Где ты?

— Я в порядке, — заверила она вместо того, чтобы отвечать на его вопрос.

— Какого черта ты согласилась встретиться с этим мудаком?

Он знал про Джулиана. Но как?

— Скажи мне, где ты, и я заберу тебя.

— Ни за что, — выпалила она. Алли не хотела, чтобы эти слова прозвучали так резко, но она должна была защитить Хадсона, и для этого нужно было держать его как можно дальше от Джулиана. — В этом нет необходимости. Сегодня я лечу в Чикаго. Одна.

— Какого хрена происходит?

Она глубоко вздохнула, пытаясь успокоить расшатанные нервы.

— Я думала, что могу справиться со всем произошедшим, но похоже, надо было уехать, чтобы это осознать, — боль пронзила ее сердце, и она приготовилась нанести последний удар. — Все кончено.

— Черта с два, — его раздражение было ощутимо, но Алли знала, что под слоем ярости ему очень больно.

— Пожалуйста, не усложняй все еще сильнее, Хадсон.

— Ты думаешь, что я сдамся без борьбы? Ты же меня знаешь. Я отслежу твой телефон, если понадобится, — пригрозил он. — А теперь скажи мне, где ты.

Проклятье. Ей надо сбросить вызов и выключить телефон.

— Дай мне поговорить с ней, — произнес женский голос.

— Харпер там?

— Да, она со мной. Ты ее тоже собиралась бросить?

Как, черт побери, он нашел Харпер?

— Дай ей трубку, пожалуйста.

Хадсон раздраженно выдохнул, но через секунду на линии оказалась Харпер, выпаливавшая вопрос за вопросом.

— Что происходит? Где ты была весь день? Почему не отвечала на телефон? Этот французский слизняк угрожал тебе? — если бы Харпер только знала, насколько попала в

точку.

— Нет, мне просто нужно было время подумать, только и всего.

— И вот к чему ты пришла?

— Я не хочу сейчас это обсуждать.

— Слушай, я не знаю, какого черта сейчас творится в твоей голове, но вам двоим надо разобраться друг с другом, — Харпер была не просто лучшей подругой Алли, она была ей как сестра. И убедить ее в том, что она передумала, было почти так же сложно, как убедить Хадсона.

— Здесь нечего обсуждать. Я лечу домой.

Последовала долгая пауза. Алли могла четко представить их — Харпер кусает нижнюю губу, Хадсон раздраженно проводит рукой по волосам.

— Ладно, — наконец сказала она. — Я встречу тебя в аэропорту.

— Нет, оставайся. Наслаждайся Парижем, ты же только приехала.

— Ты издеваешься? Я лечу с тобой. Напиши мне информацию о рейсе, когда повесишь трубку.

Довольная ухмылка на лице Джулиана была почти невыносимой, когда Алли повесила трубку. Она должна как-то разобраться со всем этим. И в ее распоряжении всего несколько недель.

Алли устроилась в кожаном кресле и закрыла шторку на небольшом окошке. Ей не терпелось убраться из Франции. Чем быстрее ее с Джулианом будет разделять немалое расстояние, тем лучше. Честно говоря, то же самое относилось к Хадсону Чейзу. Очевидно, он не поверил сказанному по телефону. И если прошлое играло хоть какую-то роль, лишь вопрос времени, когда он загонит ее в угол, требуя ответов. И после всего пережитого за день, она была меньше всего готова лицом к лицу столкнуться с мужчиной, который знал ее лучше всех на свете.

— Не хотите выпить перед взлетом? — спросила стюардесса. — Возможно, бокал шампанского? — коктейль перед полетом был одним из многих преимуществ первого класса, но Алли была не в настроении для празднования. В этот момент она должна была танцевать с Хадсоном на яхте на Темзе, а не лететь домой после того, как вынужденно разбила его сердце.

— Нет, благодарю вас. Но не откажусь от подушки и одеяла, — если повезет, она сумеет проспять весь полет, отложив неизбежный допрос от Харпер Хейз и получив время придумать убедительную историю.

И кстати об ее лучшей подруге, где она? Салон быстро наполнялся, и все же место рядом с ней оставалось свободным. Она посмотрела на часы. Всего несколько минут до отправления рейса. Харпер застряла в пробке? Или на таможне?

Алли потянулась к телефону. Если Харпер пропустит рейс, может, она сумеет помочь ей забронировать новый билет, пока самолет не вырулит на взлетную полосу. Звонок ушел сразу на голосовую почту. Она собиралась оставить сообщение, но тут раздалось оповещение.

'Леди и джентльмены, добро пожаловать на рейс 220, следующий прямым курсом до международного аэропорта О'Хара в Чикаго. Пожалуйста, убедитесь, что ваши сиденья находятся в полностью вертикальном положении, а ремни безопасности застегнуты. Все ноутбуки должны быть отключены, а частные электронные устройства переведены в режим полета'.

Дерьмо. Ей не хватило времени даже на короткое сообщение, как вновь появилась стюардесса.

— Боюсь, мне придется попросить вас выключить телефон, — сказала она, протягивая Алли аккуратно сложенное одеяло и небольшую подушку. — Мы вот-вот минуем ворота.

В салоне началась суматоха, и затем последовало еще одно сообщение. В этот раз пилот обращался через громкоговоритель.

'Бортпроводникам приготовиться к отправлению. Двери в автоматический режим. Перепроверить и доложить'.

Алли нагнулась, чтобы убрать телефон в кармашек сиденья, расположенного перед ней. Дрожь осознания пробежалась по всему телу, и она застыла. Хадсон. Она ощутила его присутствие столь же явственно, как если бы он ее коснулся. Но несмотря на короткий промежуток времени, который она использовала, чтобы подготовиться, от его вида все равно перехватило дыхание. Он стоял в проходе, мышцы его груди и рук напряглись, пока он снимал шерстяное пальто и протягивал его стюардессе. Его волосы были влажными,

конечно же, от снега, валившего снаружи, и когда он провел рукой по неуправляемым космам, его свитер слегка задрался, позволяя ей мельком увидеть точеный пресс и дорожку темных волос, скрывавшуюся под ремнем.

Хадсон посмотрел вниз, замечая ее взгляд.

— Нравится то, что ты видишь?

Она проигнорировала его намек, предпочитая переключиться на более важную проблему.

— Что ты здесь делаешь?

— Иду за тем, что принадлежит мне, — он опустил в сиденье рядом с ней. Он не отводил от нее взгляда, быстро пристегнувшись. Напряженность в его глазах была почти невыносимой, и Алли пришлось прикусить щеку изнутри, чтобы не вывалить на него все, что случилось за последние два дня. Желание броситься в его объятия было почти непреодолимым. Она отдала бы все, чтобы он просто держал ее, чтобы его руки гладили ее по волосам, чтобы его голос шептал, что они смогут справиться со всем, пока они вместе. Но Джулиан заверил, что это больше не вариант, и чтобы защитить Хадсона, она сделает все, как сказано. Так что вместо того, чтобы сказать, как она рада его видеть, Алли накинулась на него за отбирание билета у ее подруги.

— Где Харпер? — спросила она, когда самолет вышел из ворот.

— Думаю, сейчас она где-то над Атлантикой, наслаждается чудесным обедом на кожаном диване, который, должен сказать, намного больше наших нынешних удобств.

Решив, что лучшая защита — это нападение, она выпалила:

— Никто не заставлял тебя лететь этим рейсом.

— Ты правда думаешь, что я вернулся бы в Чикаго, не разобравшись, какого черта тут происходит? Ты же знаешь меня, Алессандра.

— Я сказала тебе по телефону.

— Не начинай. Нихрена ты мне не сказала по телефону.

— Я сказала тебе, что все кончено, Хадсон, — от этих слов в горле встал ком. — И действительно имела это в виду.

— Все было хорошо, даже лучше чем хорошо, — он помедлил, мускул на подбородке напрягся. — До звонка этого ублюдка.

Самолет ускорился, стремительно проносясь по взлетной полосе. Живот Алли сделал бешеный кульбит, когда колеса оторвались от земли, но это ощущение не имело ничего общего с гравитацией. Оно было вызвано страдающим выражением на лице Хадсона.

— На самом деле, я могу определить день и время, когда он позвонил. Потому что в тот момент я почувствовал, как ты начинаешь ускользать сквозь мои пальцы.

Ну конечно же он ощутил изменения. И он был прав. Все было абсолютно идеально до того утра, когда Джулиан прислал ей тот черно-белый снимок. Каким-то образом она должна была убедить Хадсона, что между этим не было никакой связи.

— Джулиан позвонил лишь потому, что хотел вернуть свое кольцо.

— Да, Харпер просветила меня, что привело ее в Париж. Но дело было не в чертовом кольце, не так ли?

— Это две разные вещи, Хадсон. Мое решение положить конец связано лишь с нами. Это не имеет отношения к Джулиану.

— Черта с два, — он буквально выкрикнул эти слова.

Алли обернулась. Освещение салона приглушили, пассажиры спали или смотрели

фильмы на мониторах, расположенных в сиденьях перед ними. Некоторые погрузились в электронные книги или журналы, а женщина, сидевшая через проход, играла в солитер на планшете. И все же кое-кто обернулся на крик Хадсона.

— Говори тише, пожалуйста, — прошептала она.

Хадсон оперся локтем на подлокотник между их сиденьями и склонился ближе. Когда он заговорил, голос его был тихим и грубым, и в нем звучала безошибочно узнаваемая решительность.

— Джулиан из тех людей, которые всегда играют тылами. И я знаю, что ты ни при каких обстоятельствах не ответила бы на его звонок и тем более не стала бы с ним встречаться, если бы тебя не вынудили. И что хуже всего, ты солгала мне. Ты не дала мне возможности помочь тебе разобраться с этим. Так что завязывай и расскажи мне, какого черта здесь происходит.

Он не отводил взгляда, но она оставалась непреклонной. С тяжелым вздохом Хадсон откинулся на своем сиденье.

— Ладно. Я подожду. У нас есть девять часов до того, как мы приземлимся в Чикаго, так что рано или поздно ты заговоришь. И заметь, Алли, в этом предложении нет гребаного слова 'если'.

'Леди и джентльмены, наш пилот только что отключил сигнал о необходимости пристегнуться. Вы можете свободно перемещаться по салону'.

Слава Богу. Алли отстегнула ремень и метнулась к ванным комнатам в центральной части самолета. Но как только она попыталась закрыть дверь, ей помешала рука. Хадсон вошел в крошечную уборную и запер за собой дверь. Пространство было очень узким и тесным, оставляя между ними считанные дюймы.

— Ты не можешь сюда входить.

Он усмехнулся.

— Кажется, я только что это сделал.

— Что если кто-то тебя увидел?

— Половина самолета слышала, как мы спорили, Алессандра. Они решат, что нам понадобилось немного уединения для примирительного секса.

— Этого-то я и боюсь.

— Нет, не этого, — он навис над ней в тесной комнатке, окутывая своим мужественным запахом. Она чувствовала жар, исходящий от его тела, темное желание, пылавшее во взгляде.

Алли отступила, налетев на маленькую раковину. Бежать некуда. Никуда не деться от мужчины, который был ее искушением и ее пыткой.

— Прошу прощения?

— Ты беспокоишься не о том, что подумают лишь. Ты беспокоишься о том, что заставляет твой пульс ускоряться, — его голос понизился до хриплого тягучего шепота. — Потому что, несмотря на всю ту хрень, которую ты пытаешься мне скормить, в данный момент тебе больше всего хочется ощутить в себе мой член.

Его грубые слова заставили ее резко тянуть воздух, но отрицать их эффект было бессмысленно. Ее естество пульсировало жаром, соски напряглись под кружевом белья.

— Не надо.

— Невозмутимое лицо никогда тебе не удавалось, — его глаза блуждали по ее телу. — Я читаю тебя как открытую книгу, Алессандра, и сейчас у тебя тот самый трахни-меня

взгляд. Скажи это. Скажи, что ты хочешь, чтобы мой член сделал тебя моей.

— Хадсон...

Его губы зависли в считанных сантиметрах от ее рта.

— Позволь мне взять тебя, Алли. Скажи, что хочешь меня.

— Да, — выдохнула она.

В то же мгновение его губы обрушились на ее рот. Ощущение его губ, жестко и настойчиводвигающихся на ее губах, окончательно сломило ее последний барьер. С головокружительным облегчением она застонала, сдаваясь. Он воспользовался этим, чтобы углубить поцелуй, и начал ласкать ее жадными ударами языка.

— Ты готова для меня? Потому что я не могу ждать. Я должен почувствовать тебя вокруг моего члена. Сейчас же.

Его необузданное желание послала волны чистой похоти по ее венам. Она потянулась между ними и принялась расстегивать его ремень.

— Нас могут услышать, — выдохнула она, хотя протест прозвучал неубедительно, особенно учитывая, что делали ее торопливые пальцы.

— Никого больше нет, Алли. Только мы.

И в тот момент это было правдой. Не было сотен людей прямо за этой дверью, не было угрозы, повисшей над их головами. Не существовало ничего, кроме их двоих и безумной нужды слиться на самом интимном уровне.

Его руки скользнули вниз, к подолу юбки, задирая ткань, ладони коснулись обнаженной кожи. Одним движением Хадсон поднял ее на край маленькой раковины, располагая под идеальным углом. Он раздвинул ее ноги, поглаживая внутреннюю поверхность бедер, кончиками пальцев находя промокший атлас трусиков. С шипением выдохнув, он крепче сжал нежную ткань. Алли почувствовала, как материал разорвался от резкого рывка, и затем ее естество омыло прохладным воздухом.

Она потянулась к нему, стягивая штаны настолько, чтобы освободить его из боксеров-брифов. Он застонал, когда она обхватила рукой его горячий и тяжелый ствол, и сократил дистанцию между ними, запечатывая губы поцелуем и закидывая ее ноги себе над бедра.

— Введи меня внутрь.

Она направила его к влажной изнывающей плоти, и одним жестким глубоким толчком он вошел в нее по самое основание. Ее голова запрокинулась, ударяясь о зеркало, и хотя она знала, что они должны быть потише, она не смогла сдержать тихого стога. Он отступил и вновь вернулся, быстро находя ритм, которого они оба так жаждали, и начал двигаться гладкими безжалостными ударами.

Гудение двигателей стало громче, толчки Хадсона стали резче и отчаяннее.

— Между нами никогда не будет все кончено, — прорычал он, обдавая ее теплым прерывистым дыханием. — Никогда.

Он опустил руку между их телами, поглаживая ее в том самом ритме, который всегда заставлял ее кончить.

Алли вцепилась в его волосы, крепко стискивая, когда ее захлестнула волна ослепительного наслаждения. Самолет попал в воздушную яму, и кратковременное ощущение невесомости лишь усилило ощущения, заставив ее разум разлететься на части от безумного наслаждения. Хадсон вдолбил в нее в последний раз и застыл, дрожа всем телом и проливаясь в нее.

Как только судороги утихли, Хадсон осторожно поставил ее на ноги. Одной рукой обвив

ее талию, другой он взял ее за подбородок, вынуждая посмотреть себе в глаза. Его тревожный взгляд разбивал ей сердце. Это было слишком. Переживания последних двух дней взяли верх, и она задохнулась от сдерживаемых рыданий.

— Что случилось? Чем он тебе угрожал?

— Я не могу.

— Не начинай снова.

Она покачала головой.

— Я имею в виду, не здесь. Когда доберемся домой, — бессмысленно было бороться с неизбежным. Она сошла с ума, если действительно думала, что сможет оттолкнуть его, даже ради его безопасности. Их связь была слишком сильна.

Хадсон коротко кивнул.

— Ладно. Но я хочу, чтобы ты все мне рассказала, — лицо его оставалось мрачным, но когда он провел пальцем по ее припухшим губам, прикосновение было полно нежности. — Что бы там ни было, я сумею тебя защитить.

Она посмотрела на него сквозь слезы.

— Нет, ты не понимаешь. Это я тебя защищаю.

Самолет повернулся, и через окно проник яркий луч искусственного освещения. Пробежавшись по салону первого класса, он остановился на их сплетенных руках, когда самолет остановился у ворот. Вытрахав друг из друга пар, они едва обменялись словом на протяжении девятичасового перелета.

Хадсон не ожидал, что в уборной размером со спичечную коробку все обернется именно так. Он ожидал адской ссоры, такой же, как в предыдущий раз, когда Алли пыталась уйти из его жизни. Он думал, что когда он на нее надавит, она попытается бежать, но вместо этого она приняла все, что он ей давал, и хотела еще. Тот момент, когда она официально образумилась, закончился тем, что она сжимала его член.

Хадсон наблюдал, как Алли смотрит в окно, будто только что заметила, что они приземлились. И как будто рефлекторно Хадсон наполовину ожидал, что теперь, осознав, что они вернулись в Чикаго, она отстранится. Но Алли продолжала крепко держать его за руку.

Согласованными движениями были открыты отделения над головой, взята ручная кладь и началось движение в одном направлении. Свободной рукой Хадсон расстегнул ремень безопасности, и Алли сделала то же самое, все еще держась за него. Более того, когда он встал, она еще сильнее сжала его ладонь, и это было точно удар по сердцу. Ни за что нахрен на свете он ее не отпустит. Никогда. Ему нужно было ощущать худенькую ручку Алли в своей, ее вес, и связь их касающихся ладоней.

Не разжимая крепкой хватки, он вывел ее из самолета по стандартной синей дорожке к плавному склону ворон. Пассажиры просачивались сквозь двери, собираясь возле них и затем рассеиваясь в разных направлениях. Хадсон и Алли обошли зону выдачи багажа и направились прямо к тротуару, где у черного лимузина их ждал Макс. При их приближении он открыл дверь, но Алли остановилась на обочине.

— Харпер? — спросила она.

— Такси доставило мисс Хейз в ее квартиру примерно полчаса назад, мисс Синклер, — он прочистил горло. — Она хотела, чтобы вы при первой же возможности позвонили.

Надо было отдать должное Макс за вежливый перевод. Вне всяких сомнений сообщение было сформулировано не так вежливо, скорее, с ругательствами, достойными моряка. Харпер не меньше его злилась на Алли за то, через что она заставила их пройти в Париже. Те безумные несколько часов сплотили их настолько, что даже могли бы служить началом чему-то большему, чем просто дружба. Но в данный момент рыженькая Хадсона не волновала. У него на уме была лишь блондинка, садящаяся в его лимузин.

Он сел следом, и Макс закрыл за ними дверь.

— Ладно, мы одни. Скажи мне, что происходит.

Стоило Алли открыть рот, как зазвонил ее телефон, разрывая напряжение между ними. Хадсон посмотрел на экран и увидел, что их надвигающийся 'вопрос-ответ' прервал частный звонок.

— Ответь, — сказал он.

Рука Алли мелко дрожала, когда она приняла вызов. Она едва успела сказать 'Алло', как ее глаза вспыхнули дикой паникой.

— Что? Я знаю... Ты следишь за мной?

Хадсон стиснул зубы. Понадобилась каждая капля его самоконтроля, чтобы не вырвать телефон из ее руки и не послать смертельную угрозу в адрес того, кто бы ни находился на том конце линии.

Кровь схлынула с лица Алли, меж бровей проступил холодный пот.

— Тебе не нужно мне напоминать... я разберусь, — несколько долгих секунд она молчала, ровное гудение двигателя напоминало белый шум, но в остальном в машине было тихо. Автомобиль сначала набрал скорость, потом замедлился, и наконец вдвое ускорился, вливаясь в поздний трафик. Алли наконец положила трубку.

Хадсон наклонился к ней.

— Скажи мне правду. Кто за тобой следит? От чего ты пытаешься меня защитить?

— Джулиан, — выдохнула Алли, ее руки дрожали столь сильно, что она едва не уронила телефон.

Проклятье.

Хадсон обнял ее и прижал к себе. И стоило ему сделать это, как ее тело тут же обмякло.

— Говори со мной, Алли, — его голос прозвучал хриплой мольбой. — Я не смогу помочь тебе, если ты будешь и дальше закрываться от меня.

— Мне так жаль, что я соврала тебе. Это меня убивало. Я думала, что принесу ему это дурацкое кольцо, и за пару часов все будет кончено.

— Почему ты вообще согласилась встретиться с ним? В последний раз, когда вы были в одной комнате...

Хадсон взлетел по лестнице через две ступеньки разом, и когда он распахнул дверь, картина моментально выжглась в его памяти: Алли перегнута через диван, ее ноги трясутся, пальцы цепляются за диванные подушки; Джулиан навис над ней, одной рукой удерживая ее на месте, другой расстегивая ширинку. И черт подери, так много крови — на ее губах, на голове — и глаз начал заплывать. Он швырнул этого французского ушлепка через всю комнату как фрисби. Это воспоминание заставило его сжать пальцы на толстой ткани Аллиного пальто. Он хотел ударить что-нибудь, хотел столкнуться с Джулианом лицом к лицу, пока тот не взмолится о пощаде. Даже если для этого потребуется, чтобы его собственные глаза заплыли, ребра болели, а голова распухла до размеров арбуза.

— Я знаю. Но он угрожал навредить тебе, — Алли выпрямилась и посмотрела на него глазами, полными слез. — И Нику.

Хадсон убрал волосы с ее лица.

— Я могу сам о себе позаботиться, Алли. И Ник тоже, — уголок его рта приподнялся в успокаивающей улыбке. — По большей части.

— У него есть видео, Хадсон, что-то вроде съемки с камер видеонаблюдения в баре, — по ее щеке стекла слезинка.

Дерьмо. Вся эта ситуация выбивала его из колеи и прямо на чтоб-мне-провалиться территорию. Это чертов хозяин бара заверил его, что не было никаких камер, и он хорошо заплатил за его молчание. Гребаный ад... головная боль пульсировала по всему черепу.

— Он сказал, что отдаст файл в полицию, если я не последую его указаниям, — она помедлила, и ее голос немного окреп. — Я не совсем поняла, что на этой пленке, но та часть, что я видела, была вполне изобличающей.

Хадсон затих, чувствуя, как падает его кровяное давление. Звук его собственного дыхания напоминал скрежет ногтей по школьной доске.

Не дождавшись объяснений, Алли спросила очевидное:

— Что произошло с тем мужчиной на видео?

— Я не хочу тебя втягивать.

Боже, все наоборот. Он хотел поговорить с ней, прояснить все, не оставить между ними секретов. Но он не хотел еще глубже втягивать ее в созданную им самим катастрофу. И он не собирался утягивать за собой Алли и Ника в то, что могло стать его гибелью.

— Немного поздно для этого, не находишь? Я уже втянута, Хадсон. И даже если нет, все происходящее с тобой влияет и на меня тоже, — Алли переплела их пальцы. — Если ты хочешь быть вместе, это должно быть обоюдно.

Хадсон выдохнул, выпуская весь воздух из легких.

— Это был несчастный случай. Ник защищал себя, а я позаботился об этом, — он провел рукой по лицу. Щетина, выросшая за девять часов, царапала ладонь. — Пару месяцев назад мне позвонил бармен из одного места, где обычно зависал Ник. Тогда от него несколько дней ничего не было слышно, так что хоть какой-то признак жизни был облегчением.

— Те выходные, когда мы ездили на озеро Женева, — пробормотала она.

Он коротко кивнул.

— Когда я добрался туда, Ник мерил подсобку шагами, точно запертое животное. Его лицо было сильно избито, все опухло и кровоточило — а парень на полу был мертв. Я спросил, кто это такой, и Ник как всегда попытался скормить какую-то дерьмовую историю, что это случайный придурок, но наконец признался. Это был его дилер. Ник задолжал ему денег и не заплатил, и тогда парень решил использовать в качестве аргумента ударом стулом по лицу.

Алли тихо ахнула.

— Это был гребаный несчастный случай. Когда Ник оттолкнул его, парень споткнулся, упал и ударился головой о стол, — мрачный взгляд Хадсона встретился с полными тревоги глазами Алли. — Я должен был защитить брата. Это все, что я мог сделать.

— Вот почему я согласилась встретиться с Джулианом. Чтобы защитить не только тебя, но и Ника.

— Я не понимаю, как возврат кольца заставил тебя решить, что в данной ситуации лучше всего разорвать наши отношения и лететь домой в одиночку.

— Кольцо было лишь поводом. На самом деле Джулиан хочет вернуть Ингрэм, и по его мнению, это я виновата, что фирма принадлежит не ему.

— Ему повезло, что ты просто вышвырнула его из компании. Ты могла засадить его за решетку.

— Джулиан думает, что имеет право на все, что обещал ему отец, в том числе и на меня. Хадсон крепче сжал ее.

— Каковы его требования?

— Через пару недель я должна была сказать тебе, что приму тебя обратно, если ты перепишешь на меня свой пакет акций. — Сочетание их пакетов дало бы Алли почти абсолютный контроль, вот почему следующие ее слова не стали неожиданностью: — Джулиан хочет, чтобы сразу после этого я объявила его генеральным директором, — ее голос упал до едва слышного шепота. — И вышла за него замуж.

Хадсон стиснул зубы.

— Не вариант. Я признаюсь во всем и найму команду адвокатов, чтобы уберечь себя и

брата от тюрьмы.

Алли покачала головой.

— Ты не можешь этого сделать.

— Это нейтрализует всю власть, которой этот социопат, по его мнению, обладает.

— Он просто найдет другой способ. Он уже... — Алли душили рыдания.

— Что такое? — его голос смягчился, несмотря на всю ярость, что он ощущал в данный момент. — Он тебя трогал?

— Он убил моих родителей, Хадсон, — слезы текли уже непрерывно. — Это Джулиан нанял киллера.

Хадсон почувствовал, будто его оглушило резким потоком ветра. Он знал, что Джулиан был ненормальным ублюдком, но хладнокровным убийцей? Даже Хадсон не мог подумать, что он способен на такое. И теперь Джулиан имеет виды не только на Ингрэм, но и на Алли, с Хадсоном и Ником в качестве сопутствующего ущерба.

— Еще больше причин, чтобы признаться во всем. Ты можешь сказать полиции, что он тебя шантажирует. Позволь им разобраться с этим, — кто-то сказал бы, что предложение Хадсона равносильно самоубийству, но не было ничего, что он не сделал бы ради Алли или своего брата.

— Нет. Я уже потеряла родителей. Я не позволю Джулиану забрать еще и тебя с Ником.

— Ты не потеряешь нас. Я позабочусь об этом. А полиция позаботится о Джулиане.

— Не все так просто. Ты не знаешь, какие обвинения выдвинет против тебя окружной прокурор. А что касается Джулиана, у меня нет никаких доказательств. Мое слово против его.

— Это укажет полиции верное направление и лишит его всякого влияния на тебя.

Алли покачала головой.

— Если я сдам Джулиана полиции, он утянет за собой тебя и Ника.

— И какая альтернатива?

— Я не знаю, — она нахмурилась. — Нам нужно найти что-то против Джулиана. Он приедет сюда через пару недель. Возможно, если я буду подыгрывать, проведу с ним какое-то время...

— Ни за что.

— Возможно, мне удастся найти что-то изобличающее его.

— Я не хочу, чтобы ты приближалась к этому ублюдку, — Хадсон замолк, пытаясь успокоиться. Несколько минут он невидящим взглядом смотрел на темное озеро, мысленно перебирая варианты. — Я прикажу Максиму начать копать. Тихо. Он сможет собрать команду за считанные часы.

— Полиция расследовала убийство моих родителей больше двух месяцев. В последний раз детектив Грин сказала, что у них не осталось зацепок.

— У нас есть информация, которой полиция не располагает, — напомнил ей Хадсон. — И они должны действовать в рамках закона.

— Ты правда думаешь, что его люди сумеют найти то, что нам нужно?

— Ты удивишься, что можно купить за деньги.

Макс завернул лимузин к Палмолив билдинг. Алли выглянула в окно.

— Я не могу остаться здесь, Хадсон.

— Почему?

— Мы сегодня якобы расстались.

— Ключевое слово 'якобы'.

— Люди Джулиана следят за мной. Он узнает, если я не поеду домой одна. Он сказал, что почти ожидал твоего появления на моем рейсе, но если я останусь на ночь... — Алли тяжело сглотнула. — Он должен поверить, что эта поездка на лимузине была прощальной.

Хадсон был не в восторге от этого, но Алли была права. По крайней мере, временно они вынуждены были подыгрывать его нелепой шараде и изображать расставшуюся пару. Так что вместо рук, блуждающих по ее телу, губ, ласкающих ее между ног, и стонов его имени, раздававшихся по всему его пентхаусу, Хадсону придется довольствоваться горячим душем и бокалом скотча, обжигающим внутренности.

Жалкая гребаная замена.

Хадсон нажал на клавишу интеркома и приказал Максу ехать на Астор Плейс. Когда лимузин отъехал от обочины, тиканье часов стало почти осязаемым. Алли прижалась к нему, точно упиваясь последними минутами, пока они вместе во время недолгой дороги к ее особняку. Он поцеловал ее в висок, ее руки скользнули под его пиджак, но никакой контакт не облегчил бы необходимость выпустить ее из машины. Отправить Алли одну в ее квартиру, когда на свободе разгуливает чокнутый маньяк-шантажист, противоречило всей его натуре, но четкая стратегия была залогом успеха в том, чтобы перехитрить Джулиана. Хадсон должен был убрать все эмоции и позволить инстинктам руководить, чтобы защитить его брата и любовь всей его жизни.

Когда они прибыли на место, Хадсон беспомощно смотрел, как Алли выбирается из лимузина. Они не обменялись ни словом, потому что ничто не могло описать их чувства. Поездка обратно в пентхаус прошла в тишине — Макс знал, когда оставить его в покое — и Хадсон настроился на тихий вечер в компании скотча. Но как только он вышел из лифта, план полетел к чертям.

— Чувак, что за хрень происходит? — сказал Ник, как только Хадсон шагнул в холл. — Харпер рванула в Париж и...

— Откуда ты знаешь, что я поднимался?

— Мы с новым швейцаром очень близки, обмениваемся сигналами как летучие мыши, — Ник сощурился. — Не меняй тему.

— Откуда ты знаешь, что Харпер отправилась в Париж?

— Мы пару раз встречались, поскольку все наши знакомые зависали со своими семьями или улетели в Европу на у-ля-ля романтический фестиваль любви.

Хадсон выгнул бровь.

— Твой спонсор сказал — никаких отношений, пока не минуют шесть месяцев трезвости.

— Дерьмо, не веди себя как старший брат.

— Я всегда буду старшим братом.

Ник хихикнул.

— Старикам везде дорога, уважай старших и все такое?

— Я серьезно, Ник, не в ближайший год, — Хадсон направился вглубь квартиры, но потом еще раз посмотрел на брата. Ник был одет в привычные голубые джинсы и черную футболку, но в этот раз они были чистые и не рваные. И проклятье, он что, постригся? Покачав головой, Хадсон направился на кухню, Ник последовал за ним по пятам.

— Погоди, я думал, срок был шесть месяцев?

Хадсон был не в настроении проходить это все по второму кругу.

— Позвони своему спонсору.

— Ах, дерьмо, — Ник фыркнул. — Ты же знаешь, отношения не для меня. Поматросил и бросил.

— Не будь задницей, — Хадсон повесил пальто на спинку барного стула и расстегнул три верхних пуговицы на рубашке. — Тебе лучше не затевать эту хрень 'поматросил и бросил' с лучшей подругой Алли, понял?

Проклятье, он же теперь должен вести себя иначе. Изображать разрыв с Алли потребует усилий, которых он совсем не хотел предпринимать.

— Все не так. Она прикольная, но просто друг.

— Между прочим, у нас с Алли все кончено, — произнес он, исправляя предыдущее высказывание. — Тебе лучше не встречать.

— Что? — с секунду Ник просто таращился на него. — Что случилось? Ты в порядке?

— Нет, и я не желаю это обсуждать. Я вымотался, — до конца расстегнув рубашку, Хадсон направился в спальню. — Я собираюсь принять горячий душ и лечь спать.

Вот тебе и выпил скотча. Впрочем, тем лучше. Не хотелось смывать свое настроение еще глубже в толчок.

— Не возражаешь, если я зависну здесь?

— Теперь ты у меня разрешения спрашиваешь? — Хадсон остановился, прежде чем завернуть за угол. — Разве ты тут не живешь с самого Рождества?

— Кто-то же должен был наслаждаться всеми удобствами, пока тебя не был. Не могу позволить, чтобы все это простаивало.

— Это не отель.

— Эй, — голос Ника опустился на одну октаву. — Я здесь, если нужно.

— Мне не нужна нянька.

Боже, он говорил как последний мудака, а ведь его брат просто беспокоился. Хадсон хотел рассказать ему, что происходит, но Ник просто взбесился бы и расстроился в высшей степени, что могло привести его к двум любимым механизмам борьбы со стрессом — выпивка и наркотики. И хотя Ник теперь обзавелся новыми навыками, всегда была угроза срыва. И пока что лучшим вариантом было разыгрывать их разрыв. И когда Ник переживал разрыв, Хадсон молчал. Он не устраивал всю эту хрень в стиле Болтушка-Кэт-давай-покрасим-друг-другу-ногти.

— Хадсон, я серьезно.

— Я знаю, Ники, спасибо. Ты в любой момент можешь зависать здесь, — сообщил Хадсон через плечо, направляясь дальше по коридору. Захлопнув за собой дверь спальни, он прислонился к ней, закрыл глаза и глубоко вздохнул.

Должен был быть другой выход.

Алли ожидала, что тридцатый этаж будет пуст. Даже если сочетание долгого перелета и стресса не дали Хадсону уснуть, как и ей самой, он все равно был на другом берегу реки в Чейз Индастриз. И маловероятно, что в шесть утра придет обслуживающий персонал. Именно потому она была так удивлена увидеть Колина за его столом.

Перед ним стоял стакан кофе на вынос, который наверняка содержал экстра-горячий обезжиренный латте с двумя ложками кофе и немного пенки. У нее слюнки потекли бы от вида вожделенного кофеина, если бы не остальная часть картины, развернувшейся перед ней — Харпер сидела, развернув стул к столу Колина, между ними стояла открытая коробка с круассанами.

Когда Алли подошла ближе, Колин поприветствовал ее.

— Утречка, леди-босс. Я подумал, вы сегодня рано придете, смена часовых поясов и все такое, — он поднял стакан с кофе. — А Харпер доставила круассаны прямо из Парижа.

Его губы сложились в улыбку, но вопрос во взгляде нельзя было не заметить. Алли не могла винить его за любопытство. Колин был единственным человеком в Ингрэм, который знал об ее личной привязанности к Хадсону Чейзу. И хотя ему мало что было известно об отношениях двух содиректоров, он знал достаточно, чтобы задаться вопросом, с чего вдруг лучшей подруге Алли присоединиться к ним в романтической поездке по Европе.

— У меня не осталось времени на покупку сувениров, — сказала Харпер. И хоть она не добавила 'потому что мы летели из Парижа в дикой спешке', Алли явно ощутила эти слова. — Но я подумала, что это тоже подойдет.

— Еще бы, — Колин сверкнул ослепительной улыбкой. — Не каждый день прекрасная женщина заглядывает сюда с французской выпечкой, чтобы сказать 'привет'.

Харпер посмотрела на Алли и рассмеялась.

— А он очаровашка.

Алли была вынуждена согласиться. Позитивный настрой и остроумие делали Колина Джеймса воплощением очарования. Не говоря уж о внешности модели с обложки и прически в стиле солиста мальчиковой группы с волосами, в идеальном беспорядке спадающими на зеленые глаза. Но хоть Алли и ценила все эти детали, из горы остальных кандидатов его резюме выделили острый как бритва ум и степень лучшей в стране журналистской школы.

— И подобающее представление друг другу изрядно запоздало, — добавила Харпер. — По крайней мере, по моему мнению.

Она и правда хотела встретиться с мужчиной, с которым слишком долго трещала каждый раз, когда звонила в офис, но Алли знала, что настоящей причиной доставки на рассвете было не это. У Харпер были вопросы, и она хотела ответов, которые Алли не могла или не готова была дать. Не сейчас, и возможно никогда.

— Что ж, вы двое наслаждайтесь пикником, — сказала Алли, пытаясь быстро убраться. — Мне нужно просмотреть почту за целую неделю.

Харпер тут же вскочила, позволяя Алли полностью взглянуть на пятничный наряд подруги. В черно-белом платье она больше походила на ассистентку Дона Дрейпера (6), чем на двадцатичетырехлетнюю девушку из XXI века, но ей это шло. Принт из дисковых телефонов на юбке дополнял винтажный образ, а красные кожаные лодочки без каблуков

навевали мысли о Дороти (7). В целом образ выглядел странно, эксцентрично и совершенно в духе Харпер Хейз. Впрочем, ее тон был чисто деловым.

— Не так быстро, — сказала она. — Нам надо поговорить.

Ну, попробовать-то стоило, подумала Алли, заходя в свой кабинет вместе с Харпер.

— Ладно, заканчивай нести чушь и введи меня в курс дела, — сказала Харпер, как только Алли закрыла дверь.

— Это не чушь. Я действительно толком не просматривала почту последние несколько дней, — Алли повесила пальто в шкаф, скрытый за деревянной панелью. Как и все в отцовском офисе, он был богато отделан красным деревом. Перед праздниками Бен Вайс предложил пригласить дизайнера, чтобы переделать чисто мужское пространство. Но в то время у нее были заботы поважнее выбора между образцами цветов, и она согласилась сделать это, только если останется здесь на постоянной основе. Теперь оба этих вопроса казались такими мелочными. Только безопасность дорогих ей людей имела значение. Не ее должность, и уж точно не ее офис. Но ей нужно было делать вид, что ничего не произошло.

— Я говорила не о почте, и ты это знаешь.

— А я говорила о почте. И мне повезет, если удастся передохнуть к ужину.

— Тогда тебе лучше начать говорить, — Харпер бросила сумочку и пальто в одно из кожаных кресел перед столом Алли и сама плюхнулась в другое. — Потому что я никуда не уйду, пока ты не расскажешь мне, какого черта произошло во Франции.

Алли обошла стол и села напротив подруги.

— Ничего не произошло. Я пошла в особняк Джулиана и отдала его драгоценное кольцо. Конец истории.

— Тебя не было несколько часов.

— Потому что на самом деле Джулиан заставил меня ждать в кабинете, пока он разбирался с другими вопросами, — ответила она, пальцами показав в воздухе кавычки. По крайней мере, последняя часть была правдой. Алли посмотрела Харпер в глаза, надеясь, что та примет крошечную правду за чистую монету и закончит со своим допросом.

Как бы не так.

Харпер покачала головой.

— Извини, я на это не куплюсь.

— Почему нет? Ты же его знаешь, — Алли включила компьютер и запустила почтовую программу. Ее ящик был полон различных уведомлений Google, связанных с именем Хадсона. Вопреки здравому смыслу она открыла одно... и вот оно. Они с Хадсоном официально расстались, по крайней мере, согласно назойливым папарацци. Какого черта? Не то чтобы это было важно. Кто бы ни слил эту новость, это им на руку.

— Что Джулиан вел себя как засранец и заставил тебя ждать? — Харпер пренебрежительно фыркнула. — Конечно, этому я верю. Но остальному? Ни за что. Ты серьезно думаешь, что я поверю, что пока ты торчала в этом Доме с привидениями, тебя посетило великое озарение, что Принц Чопорные Штанишки — твоя вторая половинка?

— Я этого не говорила, — и никогда не скажет.

— Ну и как тогда ты объяснишь внезапную перемену настроения? — затем последовал долгий момент тишины, и Харпер резко втянула воздух. — Он тебе угрожал?

Руки Алли замерли.

— Потому что если так, то ты должна пойти в полицию, и...

— Это не из-за Джулиана, — перебила Алли. И это не было чистой ложью. Ес

мотивацией были не угрозы Джулиана, а защита Ника и Хадсона. И поскольку она не желала вносить Харпер в список потенциального риска, ей нужно как-то убедить ее отступить. — Между мной и Хадсоном все угасло еще до того, как встретила с Джулианом.

— Но не до его звонка, — Харпер усмехнулась, заметив удивление Алли. — Не пытайся отрицать, мы с твоим мужчиной виделись в моем номере и сблизили позиции.

— Ага, насчет этого... так называемый секретный агент, — поддразнила Алли. — Через сколько ты выложила ему всю историю?

— Эй, не смотри на меня так. Это ты не отвечала на звонки. Мы о тебе беспокоились. И между прочим, Хадсон... — она покачала головой, но ничего не сказала. Кажется, когда дело касалось Хадсона Чейза, даже у Харпер Хейз не находилось слов. — Ну, ты знаешь, какой он.

А как же. Ничто не удержит Хадсона, когда он чего-то хочет. И он продолжал раз за разом доказывать это Алли. Только в этот раз она не боролась с ним. В этот раз они боролись вместе, как команда, даже если все остальные думали иначе.

— Извини, что напугала, — сказала Алли. — Честно говоря, я потеряла ход времени, когда была у Джулиана, но все в порядке.

— Тогда почему ты порвала с Хадсоном? Я видела, как вы двое вели себя на Рождество. Несмотря на все случившееся, ты была счастлива.

Алли пожала плечами.

— Я не отрицаю, что он помог мне пережить тяжелое время. Я боялась прихода праздников, и он стал отличным отвлечением внимания.

— Отвлечением внимания? — взвизгнула Харпер. — Нет, нет, нет. Пачка чего-нибудь шоколадного-шоколадного — это отвлечение. То, что было между вами — настоящее. Я чувствовала это всякий раз, когда вы смотрели друг на друга, — лицо Харпер смягчилось, голос стал непривычно тихим. — Ты любишь его.

Алли глубоко вздохнула, стараясь сохранить голос ровным.

— Нет, я увлеклась самой идеей. Подростковый роман, возрождение более невинных времен. Все это ненастоящее. Это... — она обвела жестом офис. — Это настоящее. Наследие моей семьи, которое Хадсон пытался украсть — это настоящее. Я была слишком поглощена горем и сексом, чтобы помнить об этом, но услышав голос Джулиана тем утром в поезде, я снова четко это осознала. Отец организовал ту сделку с Джулианом, потому что Чейз Индастриз дышала ему в затылок. И как бы упорно я ни старалась, я не могу отделить этого мужчину от того, которого ты видела на Рождество.

Слова Алли повисли в воздухе, и вновь воцарилась тишина. Едва Харпер открыла рот чтобы заговорить, как раздался стук в дверь.

— Войдите, — сказала Алли.

Из-за двери выглянула голова Колина.

— Извините, что прерываю. Похоже, по офису разлетелась новость о вашем возвращении. Телефон просто разрывается.

Взмахом руки Алли пригласила его в кабинет.

— Давай, выкладывай.

Он начал читать с экрана планшета.

— Есть проблема с утренней заглавной статьей — обязательства кажутся ограниченными, но юристы хотят просветить вас относительно возможных негативных последствий; веб-дизайнеры хотят, чтобы вы подписали проект разметки кабельных сетей;

снова звонил тот редактор из журнала 'Чикаго'; и представитель профсоюза хочет, чтобы ему уделили пять минут сегодня, или завтра уже не настанет, — он поднял взгляд. — Его слова, не мои.

— Пусть юристы решат проблему через офис Бена; отправь Шоу в пиар-отдел, но заранее предупреди, что в этот раз я не буду давать никаких интервью, и включи парня из профсоюза в сегодняшнее расписание, на 10 минут, но поставь его прямо перед ланчем, чтобы это не растянулось на полчаса.

— Понял, — кивнул Колин, печатая на экране. — А веб-дизайнеры?

— Взгляни на их проект; если он соответствует тому, что мы обсуждали, то продвигай дальше и подписывай.

Он резко вскинул голову.

— Вы хотите, чтобы я одобрил новый проект?

— Это была твоя идея. Я доверяю тебе в том, что ты сможешь оценить, воплотили ли они ее в жизнь.

— Будет сделано, — широкая улыбка Колина почти осветила день, который уже вырисовывался дерьмовым, не считая нехватки времени с Хадсоном. Алли уважала то, что Колин решил набраться практического опыта, пока копил деньги для магистратуры. И хотя в некоторых обыденных вопросах он должен был выступать как ее ассистент, он также был ценным активом, который она не хотела растрачивать впустую.

Алли поблагодарила его перед тем, как он ушел, и переключилась на Харпер.

— Я знаю, ты хочешь как лучше, но...

— Но тебе нужно управлять империей. Да-да, я поняла, — Харпер улыбнулась. — Мне тоже надо работать. Но не думай, что мы закончили.

Алли даже не сомневалась.

— Как насчет встретиться завтра на пробежке? — она предложила компромисс в надежде, что физические нагрузки отвлекут от инквизиции.

Харпер застонала.

— Как насчет встречи за кофе после твоей пробежки?

— Ладно. Напиши, когда и где, — Алли сделала мысленную пометку заглянуть в спортзал еще и после работы. Все эти обильные европейские обеды начинали кусать ее за задницу. Буквально. И похоже, этим пятничным вечером у нее едва ли найдется занятие поинтереснее. А с лишними калориями, может быть, удастся избавиться от сексуальной неудовлетворенности.

— Я никогда не смогу отплатить тебе за все, что ты для меня сделала, — сказала Алли, провожая подругу к двери. — И не только на этой неделе...

Харпер оборвала ее взмахом руки.

— Тебе правда пора перестать благодарить меня. Для этого и существуют друзья. Особенно если у одного из этих друзей есть частный самолет. Как, черт подери, я теперь должна летать обычными авиалиниями? — спросила она, смеясь и выходя через стеклянные двери, ведущие к лифтам.

Алли повернулась и увидела Колина, ждущего ее с небольшим белым конвертиком в руках.

— Что это? — спросила она.

— Понятия не имею. Нашел на своем столе, когда вернулся. Помечено как 'Личное' и 'Конфиденциальное', так что я не стал открывать.

Когда Алли увидела почерк, у нее перехватило дыхание.

— Спасибо, Колин. Не соединяй пока ни с кем, — она поспешила в кабинет и закрыла дверь. Внутри конверта оказалась записка, нацарапанная тем же почерком.

25 этаж, комната 353В. Сейчас же.

С бешено колотившимся сердцем Алли распахнула дверь.

— Все в порядке? — поинтересовался Колин, когда она пронеслась мимо его стола.

— Да. Скоро вернусь, — отозвалась Алли. Но по правде говоря, она понятия не имела, как долго будет отсутствовать.

Лифт, казалось, ехал медленнее обычно, хотя вероятнее всего, это из-за ее нетерпения поездка через пять этажей, казалось, длилась целую вечность. Кабина, опускавшая ее по почти столетнему зданию, дважды дернулась, останавливаясь, двери медленно открылись с тихим сигналом, который Алли едва расслышала из-за шума крови в ушах. Из-за чего такая срочность? И так рано утром. Десятки сценариев прокручивались у нее в голове, пока она шла по холлу двадцать пятого этажа, просматривая выгравированные таблички на дверях, пока не нашла искомый номер. И когда она вошла, из головы вылетели все мысли, кроме одной-единственной.

Хадсон.

Он стоял к ней спиной, прижав к уху телефон и смотря в окно на озеро, едва различимое в сером январском тумане. Его высокий мускулистый силуэт заполнял окно маленького офиса, доминируя над всем пространством так же, как этот мужчина доминировал над всем миром внизу. Почти все Чикаго принадлежало ему по праву, и все же он ясно дал понять, что хочет лишь ее. И влечение не было только физическим. С самого начала они ощущали необъяснимую тягу, сильное стремление друг к другу, бросающее вызов не только обстоятельствам, но и логике, и здравому смыслу. Когда на кону стояло абсолютно все, они должны были сохранять дистанцию. И все же, какая бы разработка не привела его сюда, и как бы он ни рисковал, бессмысленно было отрицать трепет, который она ощутила, просто находясь с ним в одной комнате.

Хадсон повернулся, при виде ее его взгляд потемнел, и внезапно Алли осознала цель его визита. Он хотел ее, хотел быть с ней так же сильно, как она нуждалась в нем. Оставить его в лимузине той ночью было все равно что оставить кусок своего сердца позади. Она жаждала его, отчаянно нуждалась в нем, особенно после всего того, через что прошла в последний день в Париже. Угрозы Джулиана, его признание в организации убийства ее родителей выбили Алли из колеи. Сейчас она как никогда нуждалась в силе, которую черпала из их связи. Когда они были вместе, все в ее мире было правильным. И она была идиоткой, когда считала иначе.

— Я буду в своем офисе через час. Встретимся там, — он говорил по телефону, но полностью сосредоточился на ней. Алли ощущала жар его взгляда, как будто это его руки изучают ее разгоряченную кожу. Она ответила ему не менее голодным взглядом, упиваясь его видом. Тем, как жесткие контуры его тела двигались под дизайнерским костюмом, как темные неуправляемые волосы обрамляли прекрасное лицо, как голубые глаза осмотрели ее с головы до пят. Все в нем заставляло ее тело дрожать от желания, которое мог утолить он один.

Хадсон завершил звонок и положил телефон на пустой стол.

— Чей это офис? — спросила Алли. При нормальных обстоятельствах ей было бы некомфортно устроить свидание в случайном офисе. И все же она не могла отрицать желание, курсировавшее по ее венам. Она тоже его хотела. Хотела ощутить на себе его руки, его теплую кожу, возобновить их связь, ощутить утешение и успокоение, которое мог дать лишь он один. Если бы все зависело от нее, они провели бы все утро вместе, восстанавливаясь после смены часовых поясов и занимаясь любовью, пока над Чикаго вставало солнце. Но поскольку ни время, ни место не были в их пользу, приходилось довольствоваться малым. И если это значило быстрый перепах в случайном офисе, так тому и быть. От одной этой мысли Алли пришлось сжать бедра в попытке найти облегчение.

— Мой, — усмехнулся Хадсон. — Когда он мне нужен.

Алли осмотрела почти пустой офис. Стол, телефон, диван. Ничто не указывало на то, что один из самых влиятельных бизнесменов в мире использовал эту комнату как командный центр.

— Не похоже, чтобы ты часто им пользовался.

— Я и не пользуюсь, — он направился к ней медленной походкой хищника. — Когда я здесь, это обычно связано с совещаниями в конференц-зале, — он облизал губы. — Ничего требующего... приватности.

— А теперь? — спросила Алли, задыхаясь от желания.

— Теперь... — он протянул руку, и ее сердце бешено заколотилось в предвкушении. Но вместо того, чтобы коснуться ее, Хадсон потянулся за нее. Алли услышала, как с легким щелчком закрылся замок. — Теперь мне нужно это.

Мгновение спустя он завладел ее ртом в до боли крепком поцелуе, запуская пальцы в волосы и прижимая ее к двери. Она застонала, ощутив давление его эрекции, вжавшейся в ее естество, и ее губы сами раскрылись, впуская быстрые и горячие удары его языка.

Застонав, Хадсон отстранился лишь чтобы сказать:

— Проклятье, прошлая ночь без тебя едва меня не убила, — его губы вновь накрыли ее рот, его руки скользнули по горлу к плечам, помедлили на груди, большими пальцами поглаживая напряженные соски, затем спустились по талии к изгибу бедер. — Я не могу не касаться тебя. Мне нужно тебя чувствовать, — он изогнулся, прижимаясь крепче, и теплая волна желания хлынула между ног. — Мне нужно быть в тебе.

С ее губ сорвалось хныканье.

— Да, — сказала она, тяжело дыша и дрожа от желания. — Пожалуйста...

Хадсон изогнулся и поднял ее, обвивая ее ноги вокруг своей талии. Он отнес ее к дивану и уложил вдоль на подушки, затем опустился сам, нависая над ней своим телом. Не теряя времени, Алли потянулась к его ширинке, нетерпеливые пальцы расстегнули ремень и дернули за молнию ширинки, высвобождая пульсирующую эрекцию.

Хадсон отстранился, стягивая ее трусики вниз, до туфель на шпильках.

— А это определенно останется, — обхватив пальцами одну лодыжку, он раскрыл ее, устраивая ее ногу на своем плече. Потемневшим взглядом он посмотрел туда, где она уже была влажная и жаждущая его. Одним пальцем Хадсон провел по ее содрогающемуся естеству.

— Ты увлажнилась для меня, детка. Такая набухшая и гладкая.

Кончик его большого пальца поглаживал клитор, а средний скользнул внутрь. Алли выгнулась на диване, когда он вышел, а затем вернулся уже двумя пальцами, подготавливая ее к несомненно быстрому и яростному совокуплению.

— Не заставляй меня ждать, Хадсон, — выдохнула она. — Я готова.

Он вновь накрыл ее рот, наполняя ее глубокими опаляющими ударами языка и одновременно проникая одним мощным ударом. Двойная атака оказалась просто ошеломительной. Застонав, она подняла бедра, пытаясь принять его еще глубже.

— Вот так, возьми меня. Возьми меня всего, — шея Хадсона напряглась, он продолжал отступать и вдалбливаться снова, проникая все глубже, пока ее тело конвульсивно сжимало его.

Инстинкты взяли верх, и Алли начала двигаться вместе с ним, пальцами вцепившись в его волосы и скользя вниз по спине.

— Боже, Алли, внутри тебя так хорошо, — голос его звучал грубо, хрипло и так же отчаянно, как и весь момент между ними. — Как будто ты создана для того, чтобы трахать меня.

— Тебя. Только тебя, — и это было правдой. Никто не влиял на нее так, как Хадсон. Ее реакция на него была не просто физической — она была примитивной, первобытной и жизненно необходимой, как воздух, которым она дышала. Он был тем, в чем она нуждалась, чего жаждала.

Диван ударялся о стену, пока Хадсон брал ее гладкими безжалостными ударами. Вновь и вновь он овладевал ею — жестче, быстрее, глубже — трахая ее как одержимый, пока ее естество не начало содрогаться.

— Кончи для меня, — прорычал он. — Дай то, что принадлежит мне.

— Я люблю тебя, — прошептала Алли, когда ее накрыло сладкой волной оргазма.

Хадсон со стоном уронил голову, содрогаясь всем телом, и последний раз вошел в нее по самое основание, кончая глубоко внутрь.

— Я тоже тебя люблю, — хрипло прошептал он ей на ухо. Его широкая ладонь приласкала ее бедро и осторожно опустила ногу.

Обхватив его руками, Алли закрыла глаза. Несколько долгих моментов они просто лежали так, сердца их бились в такт, дыхание постепенно начало замедляться, а в сознание начала проникать реальность. Когда Хадсон наконец поднял голову, он изо всех сил попытался изобразить ободряющую улыбку, но то загнанное выражение во взгляде было точно нож, вонзающийся в душу Алли. Он вновь опустил голову на ее грудь, и она крепче обняла его, слишком боясь отпустить.

(6) Дон Дрейпер — герой сериала 'Безумцы', креативный директор вымышленного рекламного агентства 'Стерлинг-Купер'

(7) Главная героиня серии книг про Страну Оз Лаймена Фрэнка Баумена. Характерная деталь ее образа — красные туфельки. Самое забавное, что красными они стали только в экранизации, а по книге были серебристыми.

В тесном пространстве лифта Чейз Индастриз Хадсон все еще ощущал на себе запах Алли. Он все еще ощущал то томительное чувство, когда она стискивала его, слышал звуки, которые она издавала, когда кончала. Боже, одна лишь мысль о ней заставила его член подняться точно Уиллис-тауэр (8) и упереться в ширинку. После их перепиха рано утром он должен был расслабиться и провести остаток дня как удовлетворенный мужчина. Вместо этого он был на взводе и теперь обзавелся стояком.

Ну охренеть.

Лифт плавно остановился, и Хадсон вылетел наружу, точно скаковая лошадь на старте. Его ассистент уже ждал у дверей. Хадсон глянул на него и заметил кислотно-розовый галстук-бабочку. Гребаный Иисус, разве эта мода уже не изжила себя?

— День добрый, мистер Чейз, — Даррен несколькими быстрыми шагами нагнал его и приноровился идти рядом. — Звонил Бен Вайс, еще та женщина из совета Ингрэм, и Лори из пресс-департамента. Трижды, — добавил он, пролистывая записи на iPad. Вместо клочков бумаги Даррен предпочитал современные технологии, и Хадсон это ценил. На его столе и без того лежала куча бумаг. Меньше всего ему нужен был миллион разноцветных стикеров на всех поверхностях.

— О, и София настаивала, чтобы вы перезвонили ей, как только получите это сообщение.

— Ну конечно, — пробормотал Хадсон. — Что-то еще?

— Еще с полдюжины, — Даррен широко улыбнулся. — Ваш гарем пробуждается.

Новость о том, что они с Алли расстались, должно быть, заполонила все газетные киоски и бульварные газетенки со сплетнями, что объясняет появление призраков его бывших и почему в пиар-отделе надрываются телефоны. Он уже представлял себе заголовки, и тут же пробудилось желание защитить не только благополучие Алли, но и ее сердце. Последствия их разрыва теркой скребли по нервам. Он хотел купить каждую газету, журнал или блог, сообщивший эту историю, а затем уволить всех сотрудников за то, какой бред сивой кобылы они распространяют на своих страницах. Им нужно было, чтобы мир поверил в конец их отношений, но это не значило, что Хадсон должен быть от этого в восторге.

— Даррен, обычно я ценю твое чувство юмора не меньше той пользы, которую ты приносишь, но не сегодня, — челюсть Хадсона напряглась.

— Мои извинения, сэр. Даты, время и сообщения были загружены в ваш список вызовов. Контракты, требующие вашей подписи, отсортированы по приоритетности на вашем столе. Тот, что лежит сверху, критичен по срокам, — Даррен вернулся к делам, как только они вошли в его кабинет. — И первая встреча уже организована в конференц-зале, как вы и просили.

— Сколько они ждут?

Даррен поправил очки в роговой оправе.

— Пять минут максимум.

— Не соединяй ни с кем, пока я не скажу, — широким шагом Хадсон пересек офис и вошел в прилегающий конференц-зал. Макс сидел за столом вместе с еще двумя мужчинами и одной женщиной, все они намеренно сели лицом к двери. Хадсон переводил взгляд от

одного к другому. Безо всяких сомнений, каждый из них был обученным наблюдателем, защитником и, когда дерьмо уже брошено на вентилятор, убийцей, если понадобится. Он коротко кивнул им и закрыл за собой дверь.

— Доброе утро.

— Мистер Чейз, — Макс встал, и как по команде остальные трое поднялись в унисон с ним. Было в их движении что-то элегантно, гладкое и умелое. Они не были простыми охранниками по найму. Макс работал только с лучшими, и эти люди были смертельным оружием с внешностью обычных граждан.

— Прошу, присаживайтесь, — Хадсон расстегнул пиджак и сел во главе стола. Команда последовала его примеру, опустившись в кресла с той же грацией. — Я ценю, что все вы пришли в столь короткий срок. Прежде чем мы обсудим причину, по которой мы здесь собрались, мне хотелось бы знать, с кем я говорю.

Макс указал налево.

— Это Иван, — сказал он, не называя фамилии. Мужчина был сложен как танк, и когда он изменил положение своего массивного тела, манжета рубашки приподнялась, обнажая татуировки, явно покрывавшие его руку как рукав. — Бывший боец спецслужб США и в высшей степени меткий стрелок, — иными словами, снайпер. Словно подтверждая ход мыслей Хадсона, Макс добавил: — Иван имеет обширную подготовку в наблюдении, слежении и захвате целей, а также в нетрадиционных боевых действиях.

— Нетрадиционных боевых действий? — Хадсон выгнул бровь.

— Смесь тактик, совмещающих протокол с неортодоксальными методами, — ответил Иван.

Хадсон не особо разбирался в военных тактиках, но готов был побиться о заклад, что ему только что скормили дипломатический термин, обозначающий партизанскую войну. Его взгляд переключился на парня с армейской стрижкой. Идеально сшитый костюм, жестко накрахмаленная рубашка, и судя по четким резким контурам, недавно постриженные волосы. Он принадлежал к тому типу людей, мимо которых сотню раз пройдешь мимо на улице, и не заметишь.

— Джим, — сказал тот. — ЦРУ.

Ну, это объясняло его неприметный вид — его работа заключалась не в том, чтобы быть замеченным или привлечь внимание. Дальнейших описаний подготовки Джима не последовало, да и не нужно было.

Следующим членом команды Макса была женщина. С ее стройным телосложением и длинными светлыми волосами издавна она могла сойти за Алли. Хадсон гадал, было ли это совпадением или частью экстренного плана. В любом случае, подумал он, это сходство может оказаться полезным в будущем.

— Джессика, бывший израильский разведчик, эксперт в компьютерных технологиях и коммуникациях, — нехитрое представление, четкое и лаконичное.

— Рад встрече с вами, Джессика, Иван, Джим, — Хадсон произнес их имена, хотя сомневался, что именно так их называли при рождении. — Уверен, вы не меньше меня хотите приступить уже к делу, так что я начну с ходу. Виктория и Ричард Синклер были хладнокровно убиты в своем доме на Лейк Форест. Застрелены — Ричард в своем кабинете, Виктория в столовой.

Макс нажал кнопку на пульте дистанционного управления, и тут же опустился экран, освещение приглушилось. С еще одним нажатием кнопки возникли снимки с места

преступления во всей красе — Ричард, рухнувший на стол, Виктория на полу столовой. Хадсон и раньше видел эти фото, но осознание, что за это ответственен Джулиан, сделало их еще мрачнее.

— Полиция отнесла это к незаконному проникновению в жилище, — продолжил Хадсон, — но систематизация содержимого дома выявила, что не пропало ничего, кроме помолвочного кольца миссис Синклер, — экран заполнило изображение огромного сапфира в окружении бриллиантов. — Несколько недель спустя известный наемник был найден мертвым, при нем обнаружили это кольцо.

Макс продолжал щелкать кнопкой, и на экране один за другим появлялись снимки убитого киллера. Хадсон понятия не имел, как начальнику его службы безопасности удалось достать эти кадры, и не собирался спрашивать. Когда дело касалось этого задания, чем меньше он знал, тем лучше.

— Убийства Синклеров слишком небрежны для профессионала, — сказал Иван. — Особенно убийство жены.

— Полиция полагает, что это делалось нарочно, — ответил Хадсон. — Чтобы все больше походило на неудавшееся проникновение.

— Тогда зачем убирать стрелка? — спросила Джессика.

— Неприкрытый риск, — Джим небрежно скрестил ноги. — Есть денежный след?

— Если и есть, власти его не сумели обнаружить. Но недавно я узнал, что за организацию их убийства ответственен Джулиан Лорен, — на экране появилась фотография с сайта Лорена, и несмотря на серьезность момента, Хадсон едва не рассмеялся. Ублюдок больше походил на модель Miss Clairol (9), чем на главу всемирного конгломерата.

— За ним следит чикагская полиция? — спросил Иван.

— Нет. И у него железное алиби — во время убийств был во Франции.

Иван нахмурился.

— Погодите, разве он не помолвлен с их дочерью?

— Был помолвлен, — отрывисто ответил Хадсон. Слышать о Джулиане как о женихе Алли, несмотря на его нынешний статус, было неприятно, а видеть их двоих вместе еще хуже. Он стиснул зубы, когда на экране появилось фото с их официальной помолвки.

Голос Джима стал желанным отвлечением от вида того, как властно рука Джулиана обвивает плечи Алли.

— Вы уверены в надежности информации?

— Она поступила от него самого, — ответил Хадсон. — Лорен шантажирует Алессандру Синклер, принуждая выйти за него замуж ради единственной цели — получить контроль над Ингрэм Медиа. Вчера он несколько часов удерживал ее в своем парижском замке, заманив туда под предлогом возвращения помолвочного кольца.

— Как вульгарно с его стороны просить вернуть кольцо, — сказала Джессика, совершенно не взволнованная упоминанием шантажа и похищения.

— Это фамильная ценность, передававшаяся от одного французского мудака к другому, — Хадсон вздохнул и попытался высказаться более политически корректно: — Уверен, в семье Лоренов были достойные представители, но сейчас мне хочется уничтожить всю их кровную линию.

Ладно, не совсем политически корректно, но он устал быть паинькой.

— Вполне понятно, учитывая происхождение этой вещицы, — сухо сказал Иван.

Назад к делу.

— В ходе разговора с мисс Синклер Лорен признался в убийстве ее родителей. Но у нас нет доказательств, нет денег, привязывающих его к наемнику, а дни киллера уже сочтены. Тут в дело вступаете вы, — действия Хадсона были ограничены рамками закона, но эта команда могла расширить границы и любым способом положить конец этому ночному кошмару. — Если вы действительно так хороши, как утверждает Макс, я уверен, что совместными усилиями вы сумеете прищучить сукина сына.

Иван наклонился вперед.

— Могу я поинтересоваться, какое вам дело до этой ситуации?

— У меня есть личный интерес как у держателя крупного пакета акций Ингрэм Медиа.

— А ваши отношения с мисс Синклер? — спросил он.

Хадсон поднялся на ноги и подошел к окнам, занимавшим всю стену. В отдалении он видел реку, разделявшую город на две части, и Ингрэм Медиа на противоположном берегу. Где-то там в этом здании находилась женщина, владевшая каждым уголком его сердца и всей его душой; женщина, ради защиты которой он пожертвовал бы собой. Он обернулся через плечо, глядя на команду военных, которую нанял в буквальном смысле слова для спасения ее жизни.

— Бизнес-партнеры.

— Без обид, мистер Чейз, — сказала Джессика. — Но мужчина не ввязывается в такие проблемы ради бизнес-партнера, — он заметил в ее голосе саркастические нотки. — Особенно ради бизнес-партнера, который только что разбил ему сердце. Снова.

Хадсон отвернулся от окна и встретился взглядом с Джессикой.

— Не думал, что вы из тех, кто собирает информацию на сайтах со сплетнями.

— Видео папарацци иногда дают ценные кадры наблюдения, — она улыбнулась. — Сами того не зная, разумеется.

Хадсон прищурился.

— Я защищаю свои инвестиции.

Иван фыркнул.

— Думаю, я выскажу мнение всех здесь присутствующих, если скажу, что мы на это не купимся.

— В стенах своего здания я требую от людей толику уважения в свой адрес, Иван. Я заслужил это право.

— Я уверен, что также имею на это право, мистер Чейз, и мне за это неплохо платят. А еще я хорош в чтении людей, и я могу сказать, что вами движет инстинктивное желание защитить. Я восхищаюсь этим, но это не только ваша сила, но и Ахиллесова пята. И можете ли вы честно сказать, что вас задевает мое стремление добраться до правды?

Вовсе нет. По правде говоря, этот парень начинал ему нравиться. Гребаный ублюдок был наблюдательным и не наносил ударов. И он также не был мужчиной, которого просто запугать. Кому бы то ни было.

Джим прочистил горло.

— Думаю, Иван недвусмысленно пытается сказать, — он пересекся взглядами со своим коллегой-военным, — что вам нужно ввести нас в курс дела. Мы не сможем реализовать все в лучшем виде, не располагая всей информацией.

Хадсон провел рукой по волосам. В словах Джима был смысл. Нельзя было ждать от них результатов, не сообщив написанное мелким шрифтом.

— Что вам нужно?

— Было бы полезным знать суть шантажа и характер ваших отношений с мисс Синклер. Хадсон вновь присоединился к ним за столом.

— Мы с Алессандрой начали встречаться незадолго до Рождества. Одним из требований Джулиана стал разрыв наших отношений, что, по мнению его и прессы, она и сделала вчера. Он явно дал понять, что собирается использовать ее статус в США, чтобы катапультировать себя в ряды американской знати. Он хочет заполучить... — то, что принадлежит мне. — И мои акции Ингрэм Медиа в том числе.

Три оперативника слушали, как Хадсон обрисовывает детали плана Джулиана. Никто не делал заметок, не создавал бумажного следа, но он знал, что они впитывают и анализируют каждую деталь. Когда он закончил, первым заговорил Джим.

— На какие уступки вы готовы пойти? — спросил он.

— Например?

Заговорил Иван.

— Держаться подальше от мисс Синклер, ограничить ваше... совместное времяпровождение. Возможно, даже уехать из города.

— Наше времяпровождение — не ваше дело. И хотя я могу работать из любой точки мира, план Джулиана основывается на способности мисс Синклер убедить меня переписать свои акции Ингрэм. Но даже если бы все было не так, я ни за что не покинул бы город. Я буду беспрекословно подыгрывать, чтобы убедить Джулиана, что Алли следует его указаниями, но единственный вариант, при котором я буду полностью держаться подальше от нее, — Хадсон тяжелым взглядом посмотрел на Ивана, — это в случае моей смерти.

Когда Джим заговорил, его слова прозвучали с мрачной серьезностью.

— Мистер Чейз, если вы не будете следовать нашим советам, этот вариант вполне реален.

— И если этот Лорен на самом деле такой безумец, каким кажется, он уже предусмотрел ваши планы, — добавил Иван.

Макс наградил Ивана выразительным взглядом.

— Что? — ответил Иван. — Ты не хуже меня знаешь, на что способны люди. Черт, да посмотри, что этот парень уже натворил.

— Тем не менее, — сказал Хадсон, — Джулиан ожидает, что я буду ее преследовать. Несколько контактов с ней убедят его, что все идет по плану.

— Что приводит нас обратно к вопросу рычага влияния, — сказал Джим.

Когда Хадсон заколебался, заговорил Иван.

— Мы все пришли к этому роду занятий, потому что не всегда ведем себя как паиньки с властями, — сказал он. — Но осторожность и конфиденциальность никогда не ставятся под вопрос. Иначе мы недолго бы протянули. Когда вы получите счет, вы увидите, что наши услуги обходятся в недешевую сумму. И за свои деньги вы можете получить сполна.

Хадсон обреченно выдохнул.

— Джулиан располагает записью с камер видеонаблюдения, которая может нанести вред людям, о которых заботится мисс Синклер, — это все, что он сказал, и, по его мнению, это все, что им нужно было знать. Помимо Алли и его самого, Макс был единственным, кто знал о содержании видео, и Хадсон хотел, чтобы так и осталось.

— Итак, вы ищете нечто, избличающее его самого, — сказала Джессика. Это было скорее утверждение, чем вопрос. — Своего рода обмен.

— Видео можно подделать и обработать, — сказал Джим. — Вот почему копии так

легко опровергнуть. Оригинальная пленка — вот ваша главная забота.

— Макс занимается этой линией расследования. Ваша задача — найти улики, связывающие Джулиана со смертями Ричарда и Виктории Синклер. Мне нужно доказательство, что он является убийцей, и мне нужно получить его раньше полиции.

— Есть, — разом ответили все трое.

— Макс, — Хадсон кивнул мужчине, который был его правой рукой.

— Эти конверты содержат копии фотографий с места преступления, полицейские отчеты и показания мисс Синклер, экономки и соседей, — Макс раздал конверты, поочередно отправив их вскользь по полированной столешнице красного дерева. Иван хлопнул рукой по пухлому конверту, останавливая его скольжение, затем Джим и Джессика сделали то же самое со своими конвертами. — Вы также найдете полное досье на субъект, включая адреса многочисленной собственности, различные семейные холдинги и некоторые бытовые сведения — что он курит, что пьет и его, эм... — Макс кашлянул. — Предпочтения.

Хадсон знал, что Макс подверг эти слова цензуре ради него. Отчеты в конвертах содержали детальные сведения о 'предпочтениях' Джулиана касательно проституток или нимфеток, пытающихся вскарабкаться по социальной лестнице и готовых на секс втроем.

— За ним наблюдают во Франции? — спросил Джим.

Макс кивнул.

— Я также поместил человека здесь, в Чейз Индастриз, и в Ингрэм Медиа для мисс Синклер, — Макс покрутил золотое кольцо на левой руке. — Если кто-то следит за ней...

— Следит, — сказал Хадсон. — Едва мы приземлились в О'Хара, Джулиан тут же узнал об этом, как и о том, что мы вместе уехали на лимузине.

— Ну, теперь у этого парня появилась новая тень, — сказал Иван. — Круглосуточно. Шестерки Джулиана не ограничиваются дневной сменой, и я тоже не буду. Хотя я не утренняя пташка, — он выдал подобие улыбки. — И я предпочитаю черный кофе.

Хадсон пригвоздил его тяжелым взглядом.

— Я не доставляю кофе, солдат. И плачу тебе не за то, чтобы ты сидел на заднице и распивал его.

Иван усмехнулся.

— Мне нравится этот твой парень, Макс, — эти слова были произнесены без капли снисходительности. — У тебя есть яйца под этим чопорным костюмчиком от Тома Форда, да, мистер Чейз?

— Ральф Лорен, блэк лейбл (10), — поправил Джим. Хадсон был впечатлен. Очевидно, этот парень разбирался в костюмах.

— И что мы делаем дальше? — спросил Хадсон, меняя тему.

— Джессика проведет расследование по закрытым каналам, — сказал Макс.

— Большинство из этого делается в глубоком интернете (11), — объяснила она. — Если остался денежный след, я его найду.

— Мы приступаем немедленно, — сказал Джим, не предлагая больше никаких объяснений, в том числе и о своей роли в группе.

— Хорошо. Я жду результатов, — Хадсон встал. — Средства будут переведены на ваши особые счета к концу дня, и у Макса есть все права одобрять дополнительные расходы, — он глянул на Patek Philips (12) на своем запястье. — А теперь, с вашего позволения, у меня другая встреча.

(8) Уйллис-тауэр, до 2009 года — Сирс-тауэр — небоскрёб в городе Чикаго, США. 443,2 м / 110 этажей.

(9) Miss Clairol — известная марка краски для волос

(10) Ralph Lauren Black Label — вторая по дороговизне коллекция модельера, по сути является продолжением Ralph Lauren Collection (Purple Label), в которую вошли предметы высокой моды, которые показываются на подиуме. Black Label — это более приземленные вещи, но не менее качественные и красивые. Особое место в коллекции занимают кашемировые свитера.

(11) Глубокий интернет — сегмент всемирной паутины, куда можно попасть лишь с помощью специального программного обеспечения, сохранять там полную анонимность и покупать/продавать нелегальные товары

(12) Patek Philippe S.A. - швейцарская компания — производитель часов класса 'люкс', одних из самых дорогих серийных часов в мире.

Значение места, которое выбрала Харпер, совершенно ускользнуло от Алли. Она была так поглощена мыслями о Хадсоне, Джулиане, наркодилерах, наемниках и частных военных операциях, что не уловила связи. Ни когда прочла смс-ку Харпер, ни когда бегала по Линкольн-парку, ни когда ждала, стоя на углу Дивижн и Кларк. Только в очереди до нее дошло, что они встречались не просто в Старбаксе. Они встречались за кофе в месте, где баристой работал Ник Чейз.

Алли наблюдала, как он шустро орудует заказами, очаровывая покупательниц прекрасного пола, и невольно улыбнулась. Какими бы разными они ни были, в Нике все равно многое напоминало его брата. Та же линия подбородка, тот же нос, те же темные неуправляемые волосы, хотя Ник предпочитал отращивать их намного длиннее, и та же уверенная походка. Глаза были самым заметным исключением; кристально-голубые у Хадсона и темно-карие у Ника. Но несмотря на разницу в цвете, обоих мужчин можно было понять по одному взгляду, и в данный момент глаза Ника говорили Алли все, что ей надо было знать об его чувствах к ее лучшей подруге.

Заметив Алли, он глянул на нее еще раз, но вместо того, чтобы сверкнуть фирменной улыбочкой, он немедленно осмотрел толпу справа и слева от нее, пока не нашел то, что искал. Точнее, ту, которую искал. Он посмотрел на Харпер, и губы его изогнулись в смущенной улыбке. Повернувшись к лучшей подруге, Алли обнаружила, что на ее лице расплылась такая же глупая улыбка. И это румянец от холодного воздуха снаружи или Харпер действительно покраснела?

Похоже, они поменялись местами.

— Это Ник? — спросила Алли.

Харпер вздрогнула и посмотрела налево.

— Да?

Слишком наслаждаясь этим маленьким притворством, чтобы сразу его закончить, Алли решила подыграть.

— Кажется, да. Разве он не упомянул на Рождество, что работает здесь?

— Правда? — Харпер прикусила губу. — Знаешь, кажется, ты права.

Алли поборола желание закатить глаза, когда они подошли к кассе. Она первая сделала заказ и отступила, чтобы понаблюдать за разворачивающейся перед ней сценой. Она с восхищением смотрела, как Ник притворяется безразличным, имитируя полную сосредоточенность на шипевшей машине для эспрессо и украдкой поглядывая в сторону Харпер.

— Привет, Ник, — наконец, сказала Алли.

— Привет, Алли, — в его голосе не прозвучало ни капли удивления. Очевидно, он ожидал их прихода. — Вышла на пробежку?

— Уже закончила.

— Большой карамельный макиато, — выкрикнул он в толпу ожидающих и поставил напиток на высокий прилавок.

— Похоже, ты уже настоящий профессионал.

— Приноравливаюсь, — Ник потянулся за стаканчиком с именем Алли и подбросил его в воздухе. — Но посмотрим, сумею ли я выдержать окончательный тест, — он поймал

стаканчик одной рукой, прочел подробное описание напитка, написанное на боку, и глубоко вздохнул. — Поехали.

Ник поставил стаканчик и драматично хрустнул пальцами, словно готовясь.

В этот раз Алли закатила глаза.

— Не настолько все плохо.

Рядом возникла Харпер, убирающая кошелек в сумочку.

— Даже не пытайся. Мы оба тебя прекрасно знаем.

Услышав голос Харпер, Ник поднял голову.

— Привет, — сказал он. Долгую секунду они смотрели друг на друга, пока молоко, которое разогревал Ник, не перелилось через края металлического молочника, который он держал в руках. — Дерьмо, — выругался он, отскакивая и разбрызгивая пену по своему зеленому фартуку.

Алли прикрыла рот ладонью, чтобы спрятать смешок, и в сотый раз за день пожалела, что Хадсона не было рядом. Хотя для Ника, наверное, это было даже лучше. Незамедлительно последовало бы безжалостное поддразнивание.

— Я займу столик, — сказала она, оставляя их вдвоем у прилавка. Когда через несколько минут Харпер присоединилась к ней, она вела себя так, будто ничего не случилось.

— Ты уже отошла от смены часовых поясов? — спросила она, как будто все было в норме, и она вовсе не узнала о существовании отношений, которые категорически отрицала. — Думаю, это единственный плюс поездки в Европу на сутки, — добавила она, протягивая Алли ее обезжиренный ванильный латте. — Мое тело так и не привыкло к тому времени.

— Мы собираемся притворяться, будто ничего не было?

— Что?

— О, я тебя умоляю. Цитируя твое любимое выражение, 'я видела, как вы трахали друг друга глазами'.

Харпер прыснула своим латте со специями и украдкой глянула на Ника. Он подмигнул и поднял один палец, показывая, что будет через минуту.

— Так парень, с которым ты не встречаешься, присоединится к нам?

— У него перерыв через несколько минут, — пробурчала она в чашку.

Алли самодовольно улыбнулась.

— И откуда тебе это известно?

— Ладно, — сказала Харпер. — Возможно, мы немного проводили время вместе на праздники. Но все, кого я знала, разъехались на праздник, а Ник пытался держаться подальше от...

— Прекрати. Я думаю, это здорово, что вы... проводите время вместе, — сказала Алли, подражая словам Харпер. — Что мне непонятно, так это почему вы скрываете, что здесь есть нечто большее. Всем видно ваше притяжение.

Лицо Харпер озарила широкая улыбка.

— Серьезно?

— Да, — Алли улыбнулась подруге. Несмотря на весь хаос, творившийся в ее жизни, хотя бы один ее близкий человек был искренне счастлив. И сфокусировался именно на том, что нужно Алли. — А теперь расскажи мне, что происходит между вами с кануна Рождества.

— Я не знаю, правда. Я определенно не искала новых отношений, когда появилась у

тебя на пороге как живая сосулька, — Харпер обхватила ладонями стаканчик и оперлась на стол. — Между нами как будто искра проскочила тем вечером.

— Еще бы, — Алли вспомнила, как рождественским утром Харпер и Ник сидели рядом у камина.

— Ничего не было. Клянусь, мы только говорили.

— Я тебе верю. Хотя было забавно, когда Ник подскочил, стоило нам с Хадсоном войти в комнату.

— Как спалившийся подросток, — засмеялась Харпер. — Должна признать, даже я немного испугалась, когда пришел Хадсон. Этот мужчина меня до чертиков пугает.

— Так к чему вся эта секретность?

Харпер пожалала плечами.

— Ник не должен так рано заводить отношения, пока восстанавливается, — сказала она, отвечая на невысказанный вопрос Алли. Очевидно, Харпер знала, что Ник недавно был на реабилитации.

— И что, он боится, что Хадсон расстроится?

— Ага. Я знаю, что у них близкие братские отношения, но Ник правда очень благодарен Хадсону за все, что тот для него сделал. Как будто он ему жизнь спас, знаешь?

Алли безрадостно кивнула. Она слишком хорошо знала, на что пошел Хадсон ради защиты брата.

— Меньше всего Ник хочет его подвести.

Алли далеко не закончила расспрашивать Харпер, но заметила, что Ник пробирается к их столику. Этот разговор может подождать.

Ник взял стул и уселся на него верхом, скрестив руки на деревянной спинке и наклонившись вперед.

— Так как это мне так повезло, что две самые красивые девушки в Чикаго заглянули в мой Старбакс?

Алли невинно посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

— О, ну не знаю, может, потому что одна из них — твоя девушка?

Взгляд Ника метнулся к Харпер, которая уставилась на Алли, раскрыв рот.

— Кажется, мы были не очень осторожны, — он хихикнул. — Я так понимаю, она все знает?

— Ну, вроде как... то есть нет, — запнулась Харпер. — Я не говорила, что я твоя девушка.

Криво усмехнувшись, Ник смотрел на пожимающую плечами Харпер. Алли видела эту улыбку раньше, когда он еще был юным беззаботным мальчиком. Ее сердце заныло от вида этой улыбки.

— Все нормально, — Ник наконец избавил Харпер от ее страданий. Он взял ее за руку, поднес их сплетенные пальцы к губам и поцеловал костяшки пальцев. — Ты ведь ею и являешься, правда, детка?

На сей раз не осталось никаких сомнений насчет румянца Харпер. Ее лицо пылало, сравнившись по цвету с волосами. Похоже, братья Чейз были похожи не только внешностью. Она переводила взгляд между этими голубками, уже начиная опасаться, что кто-то за соседним столиком посоветует им найти комнату, чтобы уединиться.

Алли преувеличенно кашлянула, прочищая горло.

— Извини, — смущенно произнес Ник. — Не то чтобы мы не хотели, чтобы ты знала.

— Все в порядке. Харпер объяснила.

Ник посерьезнел.

— Просто... Хадсон так хорошо ко мне относится. Я не хочу, чтобы он думал, будто я несерьезно отношусь к программе.

— Я понимаю.

Он широко улыбнулся.

— Я знал, что ты поймешь. Так ты ничего не скажешь моему бро насчет... — его взгляд метнулся к Харпер.

— Я стараюсь говорить с твоим братом исключительно по делу, — не такого заверения ожидал Ник, но это лучшее, что Алли могла предложить без откровенной лжи. На самом деле она никогда больше не хотела иметь каких-либо секретов между ней и Хадсоном. Только не после того, через что они прошли, и уж тем более в свете того, с чем они имели дело теперь.

— Да, насчет этого, — начал Ник.

Алли покачала головой.

— О нет, и ты туда же?

— Это моя вина, — призналась Харпер. — Это я попросила его ополчиться на тебя.

— Я это припомню, Ник, — поддразнила Алли. — Даже не думай просить у меня помощи, когда будет приближаться ее день рождения.

Харпер нахмурилась.

— Мы можем серьезно поговорить об этом?

Нет, не можем. Алли не могла серьезно обсуждать жизнь без Хадсона. Она едва справлялась с притворством во время этого разговора. Харпер непременно заметит ее ложь, если она примется подробно объяснять, почему она больше не хочет быть с мужчиной, которого любит.

— Харпер, я...

Ее спас сигнал входящего сообщения. Это не мог быть Хадсон, поскольку они договорились о 'тишине в эфире', и поскольку Харпер сидела прямо напротив, это могло быть только из офиса. В кои-то веки срочное дело, прервавшее ланч, было желанным.

Но достав телефон из смартфона, на экране она увидела вовсе не имя Колина или Бена. Отправитель был помечен как частный.

Тик-так, Алессандра.

Алли почувствовала, как от недвусмысленного напоминания Джулиана от лица схлынула кровь.

— Все в порядке? — спросила Харпер.

Алли подняла взгляд и увидела, что Харпер и Ник обеспокоенно смотрят на нее.

— О, да, просто в последнюю минуту возникла проблема с контрактом, с которым, казалось, все было покончено, — она забрала свое пальто и кофе. — Мне надо ехать в офис.

Ник встал одновременно с ней.

— Поймать тебе такси?

— Нет, сиди, наслаждайся перерывом. Харпер, я позвоню тебе позже, — сказала она, вылетая из двери. Ей понадобилось собрать каждую каплю силы воли, чтобы не побежать напрямик к зданию Палмолив, в руки Хадсона. С тех пор, как они были вместе, едва минули

сутки, и разлука походила на пытку. Она страстно желала увидеть его, ощутить его прикосновение или хотя бы услышать его голос. Она посмотрела на телефон, который стискивала в руках, и вздохнула. Даже звонок был слишком рискованным. Они все еще понятия не имели, кто был глазами и ушами Джулиана, и как далеко они зашли в своей слежке.

Такси подъехало к обочине, и она села в него, убирая телефон в карман и называя водителю адрес штаба Ингрэм. Может, там и не было ничего срочного, но погрузиться в работу казалось лучшим вариантом, чем мерить шагами свою квартиру. Завтра они с Хадсоном запланировали свидание, но пока что она могла лишь ждать.

Обувь Хадсона стучала по тротуару. Он разбрызгал воду из лужи, запачкав спортивные штаны. Руки, стиснутые в кулаки, активно работали при каждом шаге, дыхание вырывалось изо рта облачками пара.

Алли, должно быть, сошла с ума, предлагая эту 'случайную' встречу. В кои-то веки вышло солнце, и небо было ясным, но черта с два эта погода подходила для пробежки. Да тут яйца замерзали от холода. И хоть здесь было достаточно препятствий, скрывавших их из виду возможных преследователей, Линкольн Парк не делал их невидимыми. Боже, а ему так хотелось этого хотелось. Тогда не пришлось бы выдумывать подстроенные встречи.

Порыв ветра ударил в лицо. Холод был диким, безжалостным и пронизывал бы до костей, но Хадсон выбивал все дерьмо из своих кроссовок для пробежки. Продираясь сквозь ветер к условленному месту встречи, он чувствовал, как растет его недовольство ситуацией, заставляя взреветь каждый его защитный инстинкт. Ему хотелось сказать, черт, даже бросить вызов этому французскому ублюдку, чтобы тот собрал

яйца в кулак и высказал свои требования ему в лицо, не впутывая сюда Алли.

Добравшись до монумента Линкольну, Хадсон остановился. Он закрыл глаза, вытянул руки над головой, растягивая позвоночник, и ощутил боль в груди, ставшую почти постоянной его спутницей. Причиной тому был не стресс — бизнес процветал, не говоря уж о том, что Forbes начал подавать запросы — и не Ник, который справлялся с двенадцатым шагом (13). Нет, боль, стискивавшая его грудь, основалась там с того дня, когда он подумал, что Алли его бросила. Снова. И теперь они пытались обдурить Джулиана, а вместе с ним прессу, друзей, членов семьи и коллег. Временами обман казался правдой и причинял боль, но не достаточную, чтобы начать сожалеть о нем. Если весь этот фарс необходим для того, чтобы Алли была в безопасности и вновь принадлежала ему, так тому и быть. Он просто должен был напоминать себе, что когда это все закончится, они, черт подери, будут двигаться дальше. Она была его будущим.

Опустив руки, Хадсон глянул на часы. Как раз вовремя Алли появилась из-за поворота, направляясь домой мимо пруда и небольшого хозяйства в южной части зоопарка Линкольн Парк. Секунду он просто смотрел на нее, ее вид загипнотизировал его, оставляя город лишь фоном и превращая трафик в белый шум. Тело немедленно отреагировало, направив импульс к члену, который тут же набух, растягивая не только ткань тренировочных штанов, но и его самоконтроль. Иисусе, да он разобьет палатку для траха посреди парка, если его эрекция не спадет.

Но Боже, он хотел ее; хотел ее голую, лежащую под ним, ногами обхватившую его бедра и выдыхающую его имя. И он не мог перестать думать о том, как поскорее вытряхнуть ее из этих штанишек и быстро, жестко и глубоко вдолбиться в нее членом.

Он похрустел шейей, разминаясь и высчитывая ее приближение... три... два... и затем побежал, чтобы сократить дистанцию, пока они буквально чуть не налетели друг на друга.

Алли остановилась перед ним. Щеки ее покраснелись, кожа блестела от пота.

— Это была плохая идея.

Хадсон отступил дальше, чем ему хотелось бы, все его мышцы свернулись тугим узлом, челюсть напряглась. Рядом не было никого, кто мог бы расслышать их слова, но язык тела

все равно имел значение.

— Я должен пытаться отвоевать тебя обратно. Он ставит на то, что я буду добиваться тебя, как в прошлый раз.

— Хочешь сказать 'преследовать'? — уголки ее рта приподнялись. — Насколько я припоминаю, ты в этом хороша.

— Не улыбайся — я не должен тебе нравиться, помнишь? Кроме того, когда ты в ярости, это невероятно сексуально.

Алли перевела взгляд на озеро и сжала губы, пряча несомненно сногшибательную улыбку.

— Ты мне в этом не помогаешь.

Хадсон склонился ближе, изо всех сил подавляя собственную широкую улыбку.

— Ну тогда я перейду на следующий уровень в своей чертовой игре в преследователя, и тогда мы можем вернуться ко мне, чтобы заняться яростным сексом.

Алли прикрыла рот, притворно закашлявшись.

— Все еще не помогаешь, — она нагнулась и обхватила руками голени, давая сухожилиями прекрасную растяжку, а Хадсону — отличный обзор. Его взгляд сам собой переместился к ее попке, и он застонал.

— Это тоже не помогает, — он провел рукой по лицу, как будто это могло стереть весьма развратный образ Алли, стоящей на четвереньках, идеально выгнувшейся, чтобы принять его. Он знал, какой гладко, горячо и охренительно прекрасно скользнуть головкой члена между ее складочек, дразня перед тем, как оттрахать.

Алли выпрямилась.

— Даже не думай об этом.

— Поздно.

Она покачала головой.

— О чем хочешь поговорить?

— А что, Алессандра, не можешь подобрать слов? Ад только что замерз.

— Смешно, — Алли закатила глаза. — О! Я вчера видела Ника.

— Перейти от яростного секса к моему брату — несколько не тот ход мыслей, которого я ожидал, — сухо проговорил он.

— Поверь мне, в этом я с тобой согласна. Но я пытаюсь довольствоваться тем, что есть.

— Так где ты его видела? — спросил Хадсон, пытаясь поддержать разговор.

— Мы с Харпер пошли выпить кофе в Старбаксе на Дивижн.

— Ах да, мой брат-бариста. Он хорошо позаботился о моей девочке?

— Ага. И о моей лучшей подруге, недавней поклоннице кофе, тоже.

— Харпер тоже двадцать минут тратит на заказ кофе? — его губы сложились в кривую ухмылку.

— Она действительно провела за прилавком двадцать минут, но не обсуждая заказ.

Приподняв брови, Хадсон скрестил руки на груди.

— Что-то, о чем я должен знать?

— Похоже, что твой брат и моя лучшая подруга вроде как встречаются.

— Что? Когда это началось?

— Пока мы были в Европе. Один разговор длиной в целую ночь перетек в поход в кино, а затем привел к...

— Я понял, — оборвал ее Хадсон. Он не хотел, чтобы этот образ встал у него перед

глазами. Черт, да даже сама идея обжигала глаза. — Проклятье, — он провел рукой по волосам. — Я же говорил ему не начинать эту хрень с твоей подружкой.

— Не думаю, что это хрень. Судя по тому, что я видела, они правда нравятся друг другу.

Хадсон посмотрел на небо. Прогноз погоды обещал новые снегопады, и у свиней, наверное, будет тот еще адский полет (14).

— Нам будет что обсудить сегодня за ужином.

— Ты не можешь ничего сказать.

— Это еще почему?

— Потому что ты не можешь сказать ему, что знаешь. Мы расстались, помнишь? И даже если бы и нет, они просили тебе не говорить.

Он выругался себе под нос.

— Это нелепо.

— После всего, через что ты из-за него прошел, Ник больше всего хочет, чтобы ты им гордился. Ты же сам видишь. И он беспокоится, что нарушение правила никаких-свиданий-во-время-реабилитации тебя расстроит, — ее голос смягчился. — Пусть он сам скажет тебе, когда будет готов.

— Ладно. Еще что-то, о чем мне знать не положено?

— Кажется, на этом все, — она поборолла улыбку, которая, как он знал, грозила расплзтись по всему лицу, но ее настроение отразилось в голосе. Возможно, она наслаждалась его реакцией на новости чуть больше, чем следовало. Боже, помоги ему, Хадсону так нравилось видеть ее счастливой, даже когда это было за его счет.

— Все оставшееся время свелось к их вмешательству, — сказала Алли.

— Вмешательству?

— Угу. Они не понимают, почему мы не вместе. И нельзя их за это винить. После лицемерия того, как мы были счастливы на Рождество, уверена, они считают меня сумасшедшей сучкой из-за того, что я тебя внезапно бросила.

— Мы не можем сказать им, что происходит на самом деле. Пока что мы должны подыгрывать. Это для их же безопасности.

— Знаю, — Алли потупила взгляд. Когда она вновь подняла голову, он увидел в ее глазах отчаяние, вызванное дерьмовой ситуацией, конца которой не предвиделось. Но черта с два он позволит этому отчаянию обосноваться там. Эта их разлука была временной. Он знал это безо всяких сомнений, но все равно это выносило мозг.

— Я хочу коснуться тебя, — он импульсивно подался вперед, и Алли тут же отшатнулась. — Гребаный проклятый ад, — слова резкими ударами вырвались изо рта. — Я знаю, что это для посторонних глаз, но это убивает меня, Алли, — он провел рукой по волосам, стискивая темные кудри у основания шеи.

— Меня тоже, — прошептала она, смаргивая слезы.

Он обреченно вздохнул.

— На этой неделе я как можно больше буду работать в штабе Чейз.

Алли кивнула.

— Конечно. Уверена, тебе многое нужно наверстать за праздники и все это время.

— Ну да, но главное, что если нас всю неделю будут видеть вместе, Джулиан заинтересуется, почему ты не выложила свои условия.

А еще потому, что видеть ее и не быть с ней подобно пытке. Пусть даже ее холодное безразличие было лишь фарсом, оно было слишком близко к реальности, которую он не

хотел пережить ни в какой форме.

— Верно, — она вновь опустила взгляд и поддела носком кроссовки небольшую льдинку.

Хадсон прочистил горло.

— Мы должны дать Макс и его команде время, чтобы сделать свою работу.

Алли вскинула голову.

— А кто работает над этим? Он думает, они смогут найти что-то, что докажет причастность Джулиана? — искра надежды в ее глазах разгорелась до пожара за доли секунды.

— Чем меньше ты знаешь, тем лучше, — она и так погрязла в этом намного глубже, чем ему хотелось. И если Макс по его приказу размоет рамки закона, нельзя допустить, чтобы цепная реакция сделала Алли сообщницей.

— Не корми меня этой хренью, Хадсон. Мы оба в этом замешаны, — слова молниеносно сорвались с ее губ, и он невольно слегка улыбнулся.

— Согласен.

— Тогда скажи мне, что происходит. Люди достаточно держали меня в стороне по причинам, казавшимся им оправданными, — ее глаза затуманились. — Если у Макса есть какие-то зацепки, я хочу знать о них.

— Нет. Еще нет. Но я просил их использовать все возможные средства, — он твердо посмотрел ей в глаза. — Я не буду посвящать тебя в подробности их методов работы, но уверяю тебя, если они что-то найдут, я немедленно тебе сообщу. А теперь, как бы ненавистно не было мне это говорить, но ты должна оставить меня стоять здесь в унижении. К счастью, на твоем лице уже написана идеальная смесь недовольства и гнева.

Алли провела по лицу рукой в перчатке, и Хадсон знал — это для того, чтобы скрыть невольную улыбку.

— Еще кое-что, — сказал он. — Завтра курьер доставит тебе посылку. Там будет зашифрованный телефон. Звонить может быть слишком рискованно, поскольку мы не знаем, кто работает на Джулиана, но через сообщения мы можем обмениваться необходимой информацией, — он усмехнулся. — Или цитатами Шекспира.

Она покачала головой.

— Тебе повезло, что ты милашка, Чейз.

Хадсон выгнул бровь.

— Милашка? Не такое описание я бы выбрал, — кивком головы он указал на Чикагский исторический музей. — А теперь иди, пока я не затащил тебя вон в то здание и не показал, каким милашкой я могу быть.

Ее щеки уже покраснелись от морозного ветра, но румянец стал еще ярче, и он без сомнений знал, чем это вызвано. И когда Алли повернулась и направилась к своему особняку, а он побежал в противоположном направлении, Хадсон знал, что с собой она забрала часть его самого.

***

Пробежка обратно до пентхауса почти погрузила яйца Хадсона в зимнюю спячку. Почти. Сбросив кроссовки, он разделся догола, свалив тренировочные штаны и толстовку в одну мокрую грудку. Он направился в душ, крутанул оба крана и встал под струи. Закрыв глаза, он повернулся лицом к потокам воды, и его тут же накрыло острой тоской и

зубодробительной пустотой.

Он попытался сосредоточиться на струях горячей воды, ударявших в грудь и омывавших уставшие замерзшие мышцы. Да чтоб его, это не помогало. Алли и вся эта хрень полностью захватили его разум, и тот факт, что Макс ни хрена не нашел на Джулиана, делал его настроение еще дерьмовее.

Как только он начал мысленно прогонять варианты того, как можно связать Джулиана и убийства Синклеров, он ощутил, как на плечо легла женская рука, а затем почувствовал тепло обнаженной кожи, прижимающейся к его спине.

Хадсон повернулся, и ладонки Алли скользнули по кубикам его пресса.

— Как ты сюда попала?

— Ты дал мне ключ-карту, помнишь? — она подалась вперед, прижимаясь губами к его груди.

— Какой замечательный поступок с моей стороны, — он провел руками по нежным изгибам талии и скользнул выше. — Не то чтобы я жаловался, но как именно?

— Я воспользовалась тоннелем под Лейк Шор, миновала Дрейк, а затем поднялась через гаражи.

Обводя большими пальцами ее соски, Хадсон почувствовал, как они напрягаются от его прикосновений.

Алли прерывисто вздохнула и продолжила.

— В последний раз я видела черный внедорожник, когда тот застрял в пробке. А теперь ты так и собираешься обсуждать трафик на Мичиган Авеню или хочешь, чтобы я сосала твой член?

Накрыв ее щеку ладонью, Хадсон погладил большим пальцем ее нижнюю губу.

— Я хочу, чтобы твои идеальные губы обхватили мой член. И когда я кончу тебе в рот, ты запомнишь, кому принадлежишь.

— Как будто я забывала, — ее улыбка была воплощением греховности, она опустилась на колени, претворяя в жизнь фантазию каждого мужчины в душе.

Струи воды били ему в затылок, стекали по плечам и капали с головки члена, вздымавшегося над бедрами и молившего о внимании. Укол предвкушения пронзил его позвоночник, направляясь прямо между ног и делая его болезненно твердыми. Черт подери, он буквально пульсировал.

Не отводя от него взгляда, Алли обхватила рукой его толстый ствол. Она облизнула губы, склонилась вперед и взяла в рот большую головку — так гладко, влажно и тепло. Ощущения едва не свели его с ума. Он шире расставил ноги, чувствуя, как ее руки обхватывают его задницу, притягивая его еще ближе, когда она полностью взяла его в рот.

— Проклятье, — прошипел Хадсон. Вид ее, стоящей на коленях и глубоко заглотившей его член, едва не довел его до пика.

Резко ударив ладонью о мраморную стену, он напряг бедра, вминаясь в эту шелковую влагу и вновь отступая. Она отстранилась, языком поглаживая его по всей длине, зубами дразня головку, затем вновь втянула щеки, полностью вбирая его в рот.

— Жестче, — его дыхание тяжелыми ударами вырывалось из легких, и когда она взяла в ладонку его отяжелевшую мошонку, от стен эхом отскочил его стон.

Проклятье, он мог бы провести вечность у нее во рту. Ее способности были почти убийственными. Уронив руки, он жадно вцепился в волосы Алли, наматывая их на кулак. В нем вскипела нужда, и он толкнулся еще глубже, жажда секса пересилила все остальное.

Одобрительное гудение сорвалось с губ Алли, точно она наслаждалась каждым дюймом его достоинства, и вибрация этого звука прошла по всей его длине. Он знал, как она увлажнилась, работая над его членом, и Иисусе, это заводило. Он хотел вернуть услугу, поработать над ней, попробовать ее на вкус, ощутить языком конвульсии ее оргазма. Но ее истязающий ритм и царапанье зубов вернули его в настоящее.

Языком она подразнила член снизу, затем сомкнула губы на головке и принялась сосать. Его хватка в ее волосах усилилась, мышцы шеи окаменели. Он был опасно близок к грани, но она ни капельки его не щадила. И черт подери, он не собирался притормаживать ход вещей.

Он украдкой глянул на нее снизу вверх. Без макияжа, кожа покраснелась, опущенные ресницы трепещут — она была как никогда прекрасна. Добавить к этому образ его члена, входящего и выходящего из ее рта, втянутые щеки, руки, вцепившиеся в его бедра... Хадсон задохнулся, все его тело замерло в оргазме, прострелившем позвоночник. Алли застонала, когда он судорожно пролился ей в рот.

— Глотай, — прохрипел он. — Возьми все.

Ее горло ласкало его член, пока руки выдаивали досуха, и чтоб ему провалиться в ад, едва миновал один оргазм, как он снова хотел ее. Он хотел прижать ее грудями к холодному мрамору, оттрахать жестко и быстро, расставив ее бедра и вдальблываясь в нее, пока она не станет выкрикивать его имя. И он так и сделает. Он проведет остаток дня внутри нее. Она была здесь, в его доме, и каждая его поверхность будет использована без зазрения совести.

Он понятия не имел, что готовил ему завтрашний день. Но пока что она принадлежала ему.

(13) '12 шагов' — одна из самых эффективных программ, созданных для выздоровления от алко- и наркозависимости. Она была создана в США в 1930-е годы, и данную программу в других странах мира очень быстро приняли. Кроме того, ее успешно применяют в России уже более двадцати лет. Суть этой программы состоит в признании очевидного факта: сам человек не в состоянии справиться с нарко- или алкозависимостью, и именно поэтому ему необходима помощь.

(14) Выражение *flying pig* в английском означает неприятное и неожиданное событие или известие, которое, условно говоря, падает тебе на голову точно летающая свинья. В русском языке самый близкий аналог — 'медведь в лесу сдох'. То есть Хадсон намекает, что неприятные вещи ждут Ника при следующей их встрече.

Колин бухнул на стол коричневый бумажный пакет, и Алли подняла взгляд от компьютера. Что бы там ни было внутри, пахло это вкусно, и живот согласно заурчал.

— Что это?

— Это называется 'ланч', - невозмутимо заявил он. — Традиционно подается где-то между завтраком и ужином.

— Я знаю, что такое 'ланч', - она закатила глаза. — Я спрашиваю, что этот пакет делает на моем столе?

— Когда миновало два часа, а вы все еще не высунули голову через эту дверь, я понял, что на ланч вы не собираетесь. Поэтому, — он достал бумажную салфетку и с преувеличенной церемониальностью расстелил перед ней, — ланч пришел к вам.

— Это очень мило, но ты правда не обязан это делать, — сказала она, хотя он был прав насчет пропуска ланча. Снова. В попытке отвлечься мыслями от Хадсона последнюю неделю она работала круглосуточно. И хоть безумный ритм никак не помог заполнить пустоту, которую она ощущала внутри, он заставил ее забыть о нескольких приемах пищи.

— Ага, но я это сделал. Вы же закахнете у меня на глазах.

Алли фыркнула.

— Едва ли. И лезть не даст тебе прибавки к зарплате, — поддразнила она. — Ты не проработал достаточно долго.

Хотя Колин и правда был ее ассистентом чуть больше месяца, он на самом деле заслуживал прибавки. Он уже показал себя заслуживающим доверия, ценным членом ее команды. Сфера его обязанностей, казалось, расширялась каждый день, охватывая вещи более серьезные, чем заказ ланча, хотя его предусмотрительность, не говоря о еде, была дополнительным бонусом. Алли сделала мысленную заметку поговорить с Беном насчет предложения Колину контракта, чего-нибудь, что не только увеличило бы ему зарплату, но и упрочило положение. Как минимум она хотела убедиться, что ему дадут соответствующее выходное пособие, когда дело дойдет до критического момента. Вне зависимости от ее собственного будущего в Ингрэм, Алли хотела позаботиться о том, чтобы карьера Колина не пострадала от негативных последствий корпоративных маневров.

Он вытащил из пакета прозрачный пластиковый контейнер.

— Надеюсь, салат подойдет.

— Отлично, — сказала она. — И спасибо. Сколько я тебе должна за все это?

— Нисколько. Я оплатил вашей картой, — он потянулся в пакет за второй коробкой. —

И вы купили еще один для меня.

Алли выгнула бровь, улыбаясь против воли.

— Как щедро с моей стороны.

— Я тоже так подумал, — он озорно улыбнулся в ответ, протягивая два контейнера. — Азиатский вегетарианский или Юго-западный с курицей?

Алли выбрала Азиатский салат.

— Мы можем устроить рабочий ланч, — сказал он, присаживаясь напротив. — Может, обсудим ваше расписание на следующую неделю?

— Отличная идея. Но давай сначала поговорим о мероприятии, оно состоится всего

через две недели.

Колин подвинул к ней баночку лимонной LaCroix (15) и открыл свою диетическую колу.

— Можно убрать девушку из планировщика бизнес-мероприятий, но нельзя убрать планировщика мероприятий из девушки?

Она рассмеялась.

— Что-то типа того.

Но по правде говоря, многое зависело от этого мероприятия, и Алли хотела, чтобы все прошло гладко. Ежегодный торжественный ужин благотворительного фонда Ингрэм был крупнейшим мероприятием, устраиваемым компанией, как в плане сбора средств, так и для связей с общественностью.

И поскольку совет тщательно наблюдал за каждым ее шагом, Алли хотела, чтобы мероприятие было не просто успешным, но и прошло без сучка, без задоринки. Она была уверена, что отец никогда не вмешивался в такие вопросы, но учитывая свое прошлое в благотворительной сфере, она знала, что совет отнесет провал мероприятия на ее счет, пусть даже оно планировалось задолго до ее прихода в фирму. Вот почему она лично отбирала каждого члена команды и привлекла Харпер и Колина для перепроверки последних этапов подготовки.

Колин вытер руки салфеткой и открыл крышку чехла на планшете. Следующие тридцать минут они с аппетитом поглощали салат, пока он давал Алли детальный обзор всего, начиная с крабовых клешней, которые отель доставляет самолетом с Аляски, до цвета скатертей.

— И каждая пара перед уходом получит подарочные пакеты с парами тапочек UGG (16) для нее и для него с коробочкой трюфелей Godiva (17) в знак благодарности, — добавил он в конце.

Коробка конфет на время, пока лимузин везет их домой, и удобные тапочки, в которые можно переодеться после долгих часов танцев и налаживания связей — это отличный финальный штрих. Похоже, они с Харпер и правда продумали все детали. Алли была впечатлена. Она собиралась сказать ему об этом, когда он пригвоздил ее последней деталью.

— Кстати о парах, — сказал он, безуспешно пытаясь звучать беззаботно. — Мне нужно записать вам 'плюс один' (18)?

Она решила проигнорировать вопрос, кроющийся за этим вопросом, и ответила по существу.

— Нет, я никого не буду приводить с собой. Между советом и дарителями у меня едва найдется свободная минутка. Кроме того, я хочу быть свободна, если что-то выскочит в последнюю минуту. Если я приду со спутником, в итоге он просто почувствует себя брошенным.

— Мы с Харпер сможем справиться со всем, что вдруг выскочит.

— Уверена, что сможете, — она искренне улыбнулась. — Но я все равно приду без спутника, — и в ту же секунду она поспешила сбежать с минного поля. — Спасибо тебе, кстати. Я понимаю, что работа с Харпер над этим мероприятием не входит в круг твоих обязанностей. И я очень ценю, что ты охотно вызвался.

— Не проблема. И Харпер потрясающая. Планировать это с ней не казалось работой, — Колин откинулся в кресле и закинул лодыжку на колени, давая Алли отличный обзор оксфордов (19) от Гуччи. Неудивительно, что они с Харпер поладили. Они оба имели

склонность к обуви, стоившей им недельного заработка.

— Сегодня все в силе? — спросил он, имея в виду планы на вечер с Харпер. Она пыталась устроить встречу для них троих в клубе чуть ли не с первого раза, когда поговорила с Колином по телефону.

— Конечно. Почему вдруг мне отменять?

Он пожал плечами.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Не знаю. Возможно, мое присутствие помешает вам переключиться из рабочего режима и расслабиться, — его брови приподнялись. — Или, возможно, у вас страстное свидание.

Намек на спутника, возможно, был хитростью Колина, но этот заход равнялся поезду, несущемуся на полном ходу.

— Вот что я тебе скажу, — произнесла она. — Я обещаю забыть об офисе и сопротивляться желанию продиктовать тебе напоминание, если ты пообещаешь перестать выуживать детали моей несуществующей светской жизни и будешь сопротивляться желанию поправить ситуацию в клубе.

Он встал, хлопнув в ладоши.

— Этого я не могу обещать. На меня возложена миссия держать вашу танцевальную карточку заполненной. Вам нужно расслабиться и в кои-то веки повеселиться.

И прежде чем она успела возразить, он уже был на полпути к выходу. Алли обмякла в кресле. Колин был прав насчет одного — вечером ей действительно не мешает избавиться от беспокойства и стресса, накопившихся за последние две недели. Но что ей на самом деле было нужно, так это ночь с Хадсоном.

Прошла почти неделя с тех пор, как она удивила его в душе. Пять дней, если быть точной. И как бы ни было здорово провести ленивый воскресный день в его пентхаусе, прокравшись в здание, она сильно рисковала, и они оба согласились, что этот риск не нужно повторять. Так что вместо этого они провели неделю вдалеке друг от друга, работая в соответствующих башнях по разные стороны реки Чикаго.

Алли крутанулась на стуле, поворачиваясь лицом к окну. Вдалеке она видела офис Чейз Индастриз. Один лишь взгляд на постмодернистское строение, возвышавшееся над городом архитектурным воплощением мужественной силы, послал острый укол тоски через все тело. Инстинктивно она открыла ящик стола и достала одноразовый мобильник, который держала в кармане сумочки. Сообщение, которое она отправила, было простым, чисто по делу, и сообщило Хадсону, что она чувствует.

Я скучаю по тебе.

Она подождала несколько минут, ожидая, пока появятся маленькие точки, указывающие, что Хадсон печатает ответ, но ничего. Она знала, что не стоит ждать мгновенного ответа. Не сидит же он там, в своем офисе, ожидая смс-ки от нее. Ему нужно управлять мультимиллиардной корпорацией. Не говоря уж об его обязанностях в Ингрэм и возглавляемом им расследовании насчет причастности Джулиана к убийству ее родителей. Как у этого мужчины находилось время на сон, не то что на смс-ки, оставалось загадкой.

Едва ее палец нажал на кнопку блокировки, как она услышала тихий сигнал. Его ответ был таким же прямым.

Я хочу тебя.

Ощущение тепла разлилось по ней. И прежде чем она успела ответить, на экране

выскочило еще одно сообщение от Хадсона.

Хорошо пообедала с Колином?

Что? Откуда, черт побери, он знал? Он был в Ингрэм, пока они сидели в ее кабинете с Колином? Она собиралась спросить, но экран опять засветился.

Между прочим, этот цвет тебе идет.

Она раскрыла рот от удивления.

>Ты меня видишь?

Да.

Как? В голову пришла мысль, и она быстро набрала следующий вопрос. Ты купил телескоп?

Нет.

Тогда как?

Возможно, моя недавно собранная команда предоставила мне кое-какое оборудование.

Преследователь.

Просто нашел применение доступным технологиям. Подними юбку.

Извращенец.

Сделай это.

Зачем?

Потому что я весь день гадаю, надела ли ты подвязки.

Возможно.

Покажи мне, Алессандра. Сейчас же.

Это была лишь смс-ка, но прочитав ее, она почти услышала низкий тембр его голоса, приказывающий подчиниться его воле, и всплеск обжигающего желания устремился прямо к ее естеству. Медленно она приподняла подол юбки, пока не показалась черная подвязка вместе с кружевным краем чулок.

Телефон издал сигнал.

Выше.

Она подняла ткань выше, показывая кружевное белье.

Гребаный ад.

Это нечестно, напечатала она.

То, что я невыносимо тверд, а ты на другом берегу реки? Согласен.

Сам виноват. Она рассмеялась.

Я имею в виду то, что ты меня видишь. Я могу только таращиться на гранит и стекло и пытаться представлять тебя в твоём офисе.

И что ты представляешь?

Ее губы изогнулись в порочной улыбке. Хадсон, может, и начал эту игру, но в нее могут играть двое. Ты за столом. Я под ним.

И кто теперь извращенец?

Она проигнорировала его комментарий и продолжила описывать свою фантазию короткими сообщениями.

Почти как в тот раз в кресле.

Но вместо того, чтобы скакать на твоём члене, я буду на коленях... сосать твой член, пока ты управляешь своим королевством.

Последовало долгая тишина, затем телефон в ее руке зазвонил.

— Я сейчас заеду, — голос его был напряженным, он едва сохранял самообладание.

— Нет, не надо. Слишком рискованно. Мы не знаем, кто шпионит для Джулиана с Ингрэм. И мы уже слишком много рисковали.

— Я твой бизнес-партнер, в конце концов. Куча причин может привести меня в это здание, — его раздражение был ощутимым, но они не могли ставить под угрозу свое прикрытие и поощрять Джулиана сократить сроки.

— Если мы будем держаться порознь слишком долго, он расценит это как прогресс, а нам нужно время.

— Тогда мы будем держаться на виду, — его тон смягчился. — Боже, Алли, мне нужно тебя увидеть. Я с ума без тебя схожу.

— Я чувствую то же самое, но...

— Но что?

Ее слова вылетели торопливой тирадой.

— Я не вынесу этого — видеть тебя и не иметь возможности коснуться. И я не хочу вынужденно притворяться, что ненавижу тебя. Это меня убивает. Потому что хоть ты и знаешь, что это притворство, маленькая часть тебя все равно это чувствует. Я вижу это в твоих глазах, и это разбивает мне сердце.

Он обреченно выдохнул.

— Тогда сегодня вечером. Дай мне час, чтобы придумать план.

— Не могу. Я встречаюсь с Харпер и Колином в клубе.

— Сначала ланч, теперь вы идете вместе выпить? Я начинаю ревновать к твоему ассистенту.

Алли хихикнула.

— Не надо. Я не его тип, — она встала и подошла к окну. — Я скучаю по тебе, — сказала она, эхом повторяя слова, которыми начала их разговор.

— Я тоже по тебе скучаю. Больше, чем ты думаешь.

Она прижала ладонь к стеклу, гадая, сделал ли он то же самое на другом берегу реки.

— Скажи мне, что все уладится, Хадсон. Скажи, что в этот раз добро победит. Скажи мне, что мы будем жить долго и счастливо.

Когда он ответил, голос его был хриплым.

— Будем, Алли. Клянусь тебе, так или иначе, будем.

(15) Газированная вода, полностью натуральная, без сахара, без соли, без искусственных подсластителей

(16) UGG — бренд обуви и одежды, владельцем которого является американская компания Deckers Outdoor Corporation. Производители тех самых угги.

(17) Godiva — брюссельский шоколад, одна из самых престижных среди ныне существующих марок шоколада

(18) Правило этикета, согласно которому, приглашая человека, нужно иметь в виду, что он может прийти со спутником, так называемым 'плюс один'.

(19) Оксфорды — шнурованные ботинки, самые классические, самые деловые, самые традиционные из всех, характеризуется 'закрытой' шнуровкой, где союзка нашита поверх берцов — в противоположность с дерби.

Алли наблюдала за подругой поверх края бокала. Харпер была одета в расшитое блестками короткое платье, отражавшее каждый лучик света, мелькавший в толпе, и туфли на шпильках, в которых ее ноги казались длиной в милю, несмотря на миниатюрную фигурку. Щеки ее покраснелись, глаза блестели и слегка остекленели, а пальцы барабанили в ритм музыки. Она была полностью в клубном режиме. За одним исключением. Харпер Хейз ни разу не посмотрела на парня. Ни взгляда, ни подмигивания. Ни даже улыбки. И она определенно не подсунула свой номер бармену, хотя тот, как подметил Колин, был похож на Йена Сомерхолдера. Даже Алли невольно посмотрела на него еще раз, но Харпер оставалась абсолютно невосприимчивой к его дьявольской красоте, и тому было лишь одно объяснение.

Ник.

Харпер ничего не говорила о своих подающих надежды отношениях с братом Хадсона, но Алли была уверена, что именно он причина внезапно погасшего интереса подружки к мужскому роду. Хотя это не мешало Харпер искать пару на вечер для Алли. Она без проблем использовала свои отточенные навыки, чтобы найти ей мужчину, и занималась этим весь вечер.

— Тот очень даже ничего, — сказала Харпер, когда упомянутый парень отошел к другому столику. — И предыдущие три тоже были вполне хороши.

Алли сморщила нос. Она не хотела вполне хорошего, она хотела совершенство. Она хотела Хадсона Чейза.

— Ты же не рисунок на фарфоре выбираешь, — сказала она.

— Они просто хотели купить тебе выпить.

— Я могу сама заплатить за свои напитки, спасибо, — Алли допила последние капли третьего за ночь лимонного мартини. Обычно она следовала принципу Харпер 'мартини как сиськи'. Иными словами, одной порции недостаточно, а три — слишком много. Но сегодня она хотела затеряться в головокружительном сочетании слишком большого количества алкоголя в клубе со слишком громкой музыкой. И для этого 'Психушка' была отличным местом.

Весь клуб пульсировал гипнотической энергией. Сотни тел заполнили круглый танцпол в центре клуба, извиваясь и раскачиваясь в ритм грохочущей музыки под разноцветными огнями. Потолок над ними возвышался на высоту трех этажей, и на каждом уровне находилось кольцо балконов, а в отдалении на платформе правил бал диджей.

— Ну, следующий раунд за мой счет, — Колин перехватил взгляд официантки и дал знак повторить. — А что касается ваших многочисленных поклонников, без обид, леди босс, но вы сами виноваты.

— Во-первых, мы договорились, что сегодня я не твой босс. Во-вторых, что ты имеешь в виду?

— Ну, если вы не хотите всю ночь отгонять парней направо и налево, вам не надо выглядеть так горячо, — он спрятал улыбку за стаканом с выпивкой.

Алли изумленно раскрыла рот. Она должна была бы оскорбиться, если бы не это неотразимое сочетание веселья и привязанности, что светилось в ярко-зеленых глазах.

— Что? — спросил он, тщетно пытаясь изобразить невинность. — Вы сами сказали, что

сегодня вы не мой босс.

Алли засмеялась и покачала головой.

— Верно, но политика лесть-не-даст-тебе-прибавки все еще в силе.

— Ах, но это же правда. Посмотрите на себя, волосы в идеально растрепанной прическе, макияж с нужным акцентом смоки-айз и прозрачным блеском для губ. И это платье, — его глаза скользнули по облегающему черному платью на бретельках, открывавшему спину. — Я имею в виду, черт, даже я бы попытал удачи, — он усмехнулся. — А вам кое-чего не хватает с точки зрения анатомии.

— Думаю, она слишком занята тоской по Мускулистому Магнату, чтобы дать этим парням шанс, — вклинилась Харпер.

Иииии вот мы снова вернулись к прозвищам.

Колин поперхнулся своей водкой с тоником.

— Мускулистому Магнату? Я так понимаю, она имеет в виду... — он приподнял брови.

— Да. Честно предупреждаю, Колин, у Харпер мания давать прозвища, — Алли покосилась на подругу. — И кажется, никто от этого не застрахован.

Харпер просияла.

— Это даже не лучшая моя работа. Лично я считаю, что Соблазнительный Олигарх намного лучше.

— А я считаю, что это твой способ отвлечь внимание от реальной проблемы.

Колин с заговорщическим видом наклонился вперед, опираясь локтями на высокий столик.

— О, звучит неплохо. Рассказывай.

— Харпер сделала целью вечера найти мне мужчину, чтобы мы не заметили, что она сама выбыла из гонки.

— Не выбыла, — запротестовала она. — Мне просто еще никто не приглянулся.

— Хрень полная. Двойник Деймона Сальваторе смешивал тебе Космо, а ты и бровью не повела, — Алли засмеялась. — Признай это. Ты по уши влюбилась в Ника Чейза.

Колин плюхнулся обратно на стул.

— Не могу упрекнуть ее в этом. Да и вас обоих, если на то пошло. Этот генетический бассейн содержит просто передоз высокого, темного и мужественного.

— Идея, — перебила его Харпер. — Давайте поговорим о Колине.

Он расхохотался.

— Хорошая попытка.

— Нет, она права, — не считая резюме Колина и нескольких повседневных деталей, Алли мало что знала о мужчине, который стал столь значимой частью ее жизни. — Расскажи нам историю Колина Джеймса.

У столика появилась официантка с новыми порциями напитков на подносе. Колин подождал, пока она поставит их на стол и заберет пустые бокалы.

— Тут не особо есть, что рассказывать, — он взял дольку лайма с края бокала и выдавил сок в напиток. — Родился и вырос на Среднем Западе; три старшие сестры; любит Бейонсе, долгие прогулки по пляжу и волосы Гарри Стайлза.

Харпер выгнула идеально выщипанную бровь.

— Это твоя биография на сайте знакомств?

— А ты туда заглядывала, да? — мгновенно парировал Колин.

Она салютовала бокалом Космо.

— Туше.

Алли покачала головой.

— И как я очутилась тут с вами двумя?

— Повезло, — сказали они хором, чокнувшись бокалами.

— Так в твоей жизни есть кто-то особенный? — спросила Харпер.

— Был. Но после выпуска он устроился на работу на Западном побережье. В филиале Ингрэм, кстати говоря.

— В котором? — поинтересовалась Алли.

— Сиэтл, — Колин провел рукой по светло-каштановым волосам, спадавшим на лоб в искусном беспорядке. — Несколько месяцев мы пытались поддерживать отношения на расстоянии, но... — он пожал плечами и потянулся за своим бокалом.

— Ладно, — объявила Харпер. — Новый план. 'Операция: Найти парня для Колина объявляется открытой.

— Нет необходимости, — сказал он, выскользывая из-за столика и широко улыбаясь. — Я справлюсь.

Они наблюдали, как он направляется к бару.

— Мне он нравится, — сказала Харпер.

— Но не так, как Ник, — Алли даже не пыталась изобразить вопрос.

— Снова за свое, да?

— О, кто бы говорил. Слышать такое от мисс Безжалостность?

— Используешь на мне мои же методы?

Интересно, она имела в виду постоянные допросы или надоедливые прозвища? Наверное, и то, и другое.

— Если потребуется, — она слизнула сахар с края бокала с мартини. Гудящее тепло алкоголя расслабило ее, но не настолько, чтобы она не выведала у подруги запоздалые детали. — Ты все еще не посвятила меня в подробности.

— Он мне нравится, — сказала Харпер. — И да, больше чем Колин.

Алли ожидала саркастичной усмешки или хотя бы закатывания глаз, но вместо этого Харпер сделалась нехарактерно серьезной.

— Больше всех, кого я знаю, по правде говоря.

Выражение лица Харпер сказалось Алли все, что ей надо было знать. Очевидно было, что ее подруга влюбилась в Чейза-младшего. Но Ник прошел через многое, вот почему его спонсор предложил воздерживаться от отношений во время первых месяцев трезвости. И как бы Алли ни радовалась, что двое дорогих ей людей нашли счастье вместе, это все же беспокоило ее.

— А что чувствует он?

— Аналогично, — она покрутила в руках ножку бокала. — Хотя он не супер разговорчив, когда дело касается чувств.

Алли кивнула. Еще одна общая черта братьев Чейз.

В глазах Харпер зажглась искорка.

— Но эй, он ради меня готов арендовать смокинг, если это не любовь, тогда я уже не знаю, что такое любовь.

— Смокинг?

— Да, я хотела прийти с ним на мероприятие. Если ты не против? Я знаю, что я на работе и все такое, но он понимает. Мы беспокоимся только о том, каково будет вам с

Хадсоном.

Ник в смокинге? Она должна это видеть.

— Если вы двое счастливы, то и я тоже счастлива. Уверена, Хадсон скажет то же самое.

А если нет, Алли придется найти способ убедить его.

— Ты говорила с ним после возвращения?

— Несколько раз, но чисто по работе.

— Все еще не верю, — сказала Харпер.

Алли решила, что лучше всего сменить тему, пока Харпер не стала копать глубже.

— Похоже, Колин кого-то нашел, — сказала она, кивая в сторону барной стойки, где он разговаривал с двумя невероятно горячими парнями.

— Вау, у него хороший вкус.

Точно почувствовав на себе их взгляд, Колин обернулся и улыбнулся. Обменявшись парой слов с новыми друзьями, он неторопливо вернулся за столик.

— Давайте, Леди-босс, время танцевать. Эта дамочка, может, и в отношениях, но вы нет. И к счастью, у моего парня есть друг-натурал.

Вдалеке один из двух парней поднял кружку с пивом и улыбнулся. Она раскрыла рот, чтобы запротестовать, но подозрительный взгляд Харпер заставил ее пересмотреть свой ответ. Если она откажется, это только подольет масла в огонь. И если она правда хотела, чтобы ее лучшая подруга поверила в ее расставание с Хадсоном, она должна хотя бы притвориться, что двигается дальше. И в данном случае это значило согласиться на танец. Алли обреченно вздохнула.

— Ладно. Один танец.

Широкая улыбка озарила лицо Колина.

— Для начала, — сказал он, беря Алли за руку и стягивая со стула. Двое парней, с которыми говорил Колин, присоединились к ним, и вместе они направились на танцпол. Толпа поглотила их, и в ту же секунду Алли оказалась зажата между телами, двигающимися в пульсирующем ритме музыки. Они танцевали скорее всей массой, чем отдельными парами, отдаваясь жажде жизни и наслаждения. Но одна песня перетекла в другую, и чьи-то руки обхватили Алли сзади. Сначала она напряглась, но ободряющий кивок Колина заставил ее расслабиться. Это всего лишь танец, и будь она на самом деле свободна, она наслаждалась бы им.

Музыка пульсировала в ее теле с каждым ударом, и понемногу она начала забываться в гипнотическом ритме. Закрыв глаза, она отдалась танцу, представляя, что это руки Хадсона обхватили ее бедра, его тело прижималось к ней сзади. Каждый фибр ее души изнывал от жажды его, жажды столь реальной, столь ощутимой, что она почти ощущала его теплое дыхание у уха, его губы, прижимавшиеся к ее шее.

— Ты восхитительна, — низкий тембр вибрацией прошелся по ее коже.

От незнакомого голоса глаза Алли распахнулись, и ее затопило разочарование. Музыка сменилась медленным, соблазнительным ритмом, и мужчина позади двигал бедрами в такт.

— Следующий я пропущу, — сказала она, обернувшись через плечо. Он кивнул, и Алли высвободилась из его объятий. Секунду спустя его поглотила густая толпа.

Она протолкнулась сквозь массу тел обратно к столику, и тут к ним подошла официантка с новым раундом напитков.

— Ты заказала еще раз? — спросила Алли у Харпер.

— От джентльмена у бара, — ответила официантка. Она поставила Космо перед

Харпер, водку с тоником — у пустого места Колина. Но вместо очередного мартини Алли подали квадратный стакан с янтарной жидкостью. Поднеся стакан к губам, она отпила небольшой глоток. Скотч. Johnny Walker Blue, если она не ошибалась. Не совсем типичный выбор для нее, но...

Хадсон.

Алли резко развернулась к бару. Она видела целое море лиц, но не то, которое надеялась увидеть. Ее сердце упало. Ну конечно, это не мог быть он. Они договорились держаться на расстоянии. И хоть разум говорил ей, что это было правильно, сердце все равно упало.

Повернувшись обратно к столику, она заметила, что на салфетке под бокалом написано одно-единственное слово. 'Наверху', гласила надпись, но почерк был знаком ей как свой собственный.

Наверху? Не очень определено. Она схватила украшенный бисером клатч и положила на колени, украдкой проверяя одноразовый телефон, якобы ища блеск для губ. Точно, сообщение от Хадсона отразилось на экране.

Не заставляй меня ждать.

Ее взгляд скользнул к балконам, спиралью поднимавшимся над танцполом. Там находились десятки кабинок и частных лож. Она понятия не имела, как будет его искать, но черт побери, хорошенько попытается.

— Сейчас вернусь, — сказала Алли. — Надо заскочить в дамскую комнату.

Она не потрудилась дождаться ответа Харпер. Влившись в толпу и чувствуя, как с каждым шагом ускоряется пульс, она направилась наверх. Просветы между металлическими ступенями открывали головокружительный вид, который при других обстоятельствах она нашла бы нервирующим, но в тот момент ее это не беспокоило. Важно было лишь найти Хадсона.

Первый балкон представлял собой широкий подиум с рядом круглых кабинок. Каждая из них была повернута к центру клуба, обеспечивая отличный вид на действие, разворачивавшееся на танцполе внизу. Хадсон едва ли выбрал бы столь роскошное место, но она все же мельком просмотрела их, прежде чем подняться выше. Второй балкон был более глубоким, предлагая гостям частные ложи с плюшевыми сиденьями вокруг столиков, загроможденных бутылками ликера премиум-класса. Бархатная лента перекрывала вход на третий балкон с вывеской 'ЧАСТНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ'. На секунду Алли подумала, что Хадсон снял целый этаж, но потом дрожь осознания прошла по ее телу. Каждый нерв пробудился к жизни. Он был близко. Она чувствовала его присутствие, его непреодолимое желание, взывающее к ней на самом примитивном уровне.

Алли окинула взглядом пространство клуба. На большинстве VIP-лож занавески не были задернуты, но в дальней части балкона одна ложа оставалась закрытой. Чувствуя, как кожу покалывает от предвкушения, она направилась по узкому проходу туда. Когда она подошла ближе, из темноты возник Макс, коротко кивнув ей и отодвинув занавеску в сторону. Алли вошла внутрь. И от вида, ожидавшего ее там, перехватило дыхание.

Она едва видела Хадсона после возвращения из Франции, а когда видела, это в основном был образ магната-миллиардера в дизайнерских костюмах, готового завоевать весь мир. Но мужчина перед ней был моложе и опаснее, у него были темные глаза и стойка хищника. Одетый в джинсы и черный пуловер, он был воплощением секса. Алли облизнула губы в предвкушении, потому что по крайней мере в этот момент он выглядел так, будто

единственное, что он готов завоевать — это она сама.

***

Огни мигали и гасли точно лучи лазера в ритм грохочущей музыки, пока потные тела двигались в такт. Наверху, в VIP-секции Хадсон стоял, скрестив руки на груди и держа бокал скотча. Он изменил положение, и мышцы предплечья напряглись, пальцы стиснули хрусталь. Стекло запротестовало, но все же выдержало его хватку. Это все, что он мог сделать, чтобы не пронестись через толпу словно бульдозер и не отшвырнуть лапы этого льстивого ублюдка подальше от Алли.

Не отводя глаз от сцены, разворачивавшейся внизу, Хадсон поднес стакан к губам. Он подержал жидкость во рту, смакуя насыщенный вкус, позволяя ему перекачиваться на языке, прежде чем приятно и обжигающе скользнуть по горлу. Янтарный свет ласкал кожу Алли, и когда она скользнула рукой к голове, чтобы приподнять волосы, он видел мерцание пота на ее теле. Ее голова запрокинулась, бедра двигались в такт музыке, и он еще явственнее ощутил тяжелую пульсацию, вибрировавшую по всей длине его члена.

Как по заказу Алли вернулась к своему столику. Официантка пробралась сквозь густую толпу и принесла очередную порцию напитков в соответствии с его указаниями. Хадсон подождал, пока она обнаружит его сообщение, затем развернулся и небрежно прошел в VIP-ложу, которую снял на ночь. Занавески, достаточно плотные, чтобы обеспечить абсолютную приватность, сомкнулись за его спиной. Он допил остатки скотча и поставил пустой стакан на кофейный столик. Когда он выпрямился, Алли уже стояла там, кожа ее покраснелась от танцев, глаза слегка остекленели от выпитого. Взглядом он прошелся по ее атлетичным ножкам — которые он жаждал обернуть вокруг своих бедер, вокруг своего лица; ему было все равно, что погружать в нее, язык или член — к подолу платья, которое было охренительно коротким для публичного выхода, и все же идеальным.

Тяжелая, неизбежная похоть заполонила замкнутое пространство, обостряя их взаимное желание. Его сжалились в кулаки, и под цивилизованной наружностью проснулся зверь. Жажда ее пульсировала в нем, резонируя во всем теле. Иисусе, он хотел ее, жаждал с таким отчаянием, что взял бы ее любым доступным способом.

Губы ее раскрылись, изящные изгибы плеч начали дрожать. Будучи не в состоянии ждать дольше, он медленно пошел ей навстречу, лишенный всяких мыслей и решений. Она торопливо метнулась к нему, и их тела встретились сплетением рук, языков и губ. Несмотря на стресс, который они претерпевали, несмотря на все дерьмо, что угрожало их будущему, Алли была любовью всей его жизни.

И он ни черта не стал бы менять.

Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как они были вместе, и он изголодался по ее вкусу. Хадсон запустил обе руки во влажные от пота корни ее волос, проникая языком меж ее губ.

— Я не могу так долго без тебя, — прохрипел он. Углубляя поцелуй, он ощутил примитивную нужду стереть следы прикосновений того парня.

Отстранившись и тяжело дыша, Хадсон посмотрел на нее затуманившимся взглядом.

— Мне ненавистно было смотреть на него рядом с тобой, — его рука погладила ее поясницу, бедро и забралась под платье. — Как он касается того, что принадлежит мне, — он накрыл ладонью ее попку и крепко прижал к эрекции, распиравшей джинсы.

— Я думала о тебе, — прошептала Алли, сплавляя свои мягкие изгибы с жесткими

контурами его тела. — Я хотела, чтобы это ты касался меня. Я хочу, чтобы это всегда был ты, — готовность отдаться, прозвучавшая в ее голосе, воспалила его желание. Он хотел заявить на нее права, прямо здесь и сейчас.

Опустив голову, Хадсон поймал ее нижнюю губу зубами.

— Докажи, — прошептал он.

— Бросаете мне вызов, мистер Чейз? — шаловливый настрой, несомненно, усилившийся под действием алкоголя, сверкнул в глазах Алли. Он любил ее такой, готовой оставить комплексы и не стыдящейся того, чего она от него хотела. Только от него.

Он усмехнулся.

— Если не боишься.

Руки Алли легли точно по центру его груди. Она толкнула его назад, и он подчинился, отступая, пока не уперся в сдвоенный диван. Он откинулся назад, раздвинув ноги. Но вместо того, чтобы забраться ему на колени, Алли встала перед ним, медленно задирая платье на бедрах. Иисусе, она собиралась безжалостно дразнить его. И сейчас он хотел лишь жестко насадить ее на член, ощутить ее влажную кожу своей, сплавить их губы воедино, дыша одним воздухом.

— Иди сюда, — его голос сошел до гортанного рычания.

Алли оседлала его и провела руками по его груди. Когда она приподняла края его пуловера и лениво пробежалась пальчиками по прессу, он резко втянул воздух. А она и не думала останавливаться. Безо всяких колебаний она обхватила его член через джинсы и принялась массажировать безумно твердый бугор.

— Возьми меня, детка.

Алли улыбнулась в темноте, медленно расстегивая его ширинку. Охренительно медленно, просто до боли медленно. Она высвободила его из боксеров, и член выскочил наружу, упав на живот — толстый, тяжелый, с поблескивавшей головкой.

Когда терпение подошло к концу, Хадсон взял верх в их игре. Скользя рукой меж ее бедер, он сдвинул трусики набок. Она насквозь промокла. Запрокинув голову, Алли раскрыла губы в безмолвном всхлипе, когда он приняла скользить пальцами туда и обратно по влажным складочкам.

— Слушай внимательно, Алессандра, я скажу это лишь один раз, — она открыла глаза, и когда их взгляд встретились, он понял, что владеет ею. Медленно он ввел в нее один палец и изогнул. — Это принадлежит мне.

— Навсегда, — единственное слово сорвалось с ее губ прерывистым вздохом.

— Ты такая ненасытная, — он отступил и вернулся со вторым пальцем, распаяя ее, заставляя ее бедра извиваться и раскачиваться на его ладони. — Я знаю, что ты хочешь меня трахнуть.

— Да... — луч света просочился сквозь занавески, подсветив лицо Алли. Он убрал пальцы и, продолжая смотреть ей в глаза, коснулся ее губ, покрывая их ее собственными соками. Зарывшись пальцами в тяжесть ее волос, он обхватил ее затылок и со стоном притянул к себе, крепко целуя и слизывая вкус ее возбуждения.

— Сделай это, — прохрипел он ей в губы, приподнимая бедра и стягивая джинсы ниже по ногам. — Возьми меня. Я хочу наблюдать за тобой.

Ублюдок в нем хотел связать ее руки за спиной, чтобы Алли была вынуждена принимать его лишь горячим, истекающим соками естеством. Но он жаждал мягкого ласкового прикосновения ее рук, странное противоречие желанию взять ее жестко и грубо.

Он напряженно наблюдал, как она обхватывает его болезненно твердый ствол и поглаживает головкой его члена свои влажные складки.

— Сейчас, Алли, — прошипел Хадсон сквозь стиснутые зубы. Он давно миновал этап вежливых просьб.

Приподнявшись на коленях, она устроилась так, чтобы толстая головка члена раскрыла половые губы. Он тяжело сглотнул, ощущая, как она медленно опускается на него.

— Проклятье, — выдавил он. — Так тесно.

Его пальцы беспокойно стискивали ее бедра, пока она насаживалась все глубже, пока наконец он не оказался в ней по самые яйца.

В приглушенном свете он видел, как Алли выгнула спину, прикусив нижнюю губу. Он обхватил ладонями ее талию и сжал. Ее мышцы сокращались под его хваткой, когда она начала скакать на нем легкими быстрыми движениями, снова и снова. Снаружи, за тяжелыми занавесками, пульсировал соблазнительный ритм битком набитого клуба. Но внутри этого замкнутого пространства весь мир принадлежал им двоим, и вскоре их медленный дразнящий секс перешел в необузданную ненасытную нужду.

Выругавшись, Хадсон откинулся назад, вжимаясь затылком в диванные подушки. Дыхание становилось все более хриплым и прерывистым. Алли оперлась на его плечи, извивающееся волнами тело нависало над ним, бедра перекатывались в каждом нисходящем ударе — сильнее, быстрее, глубже.

Проклятье, она не останавливалась. И он не хотел этого.

Задыхаясь, она склонилась ниже, губы ее замерли у самого его рта.

— Хадсон...

Он завладел ее ртом с яростной жадой, поглощая ее крики. Он чувствовал, как ее нарастающий оргазм пульсирует вокруг его ствола, и продолжал проникать в ее рот языком, быстро и горячо. Его бедра взметнулись вверх, толкаясь в нее в идеальном ритме, вторившем ее ускоряющимся движениям. Пальцами она зарылась в его волосы и стиснула темные кудри, сладкий укол боли эхом отдался в паху.

Он опустил руку между их тел, большим пальцем кружа вокруг ее клитора, вознося ее все выше и выше, пока ее тело не взорвалось в оргазме, стиснувшем его член как тиски. И это спровоцировало его собственное освобождение, накрывшее ослепительно острой волной наслаждения вниз по позвоночнику. Вжавшись в ее бедра, он пролился внутрь. И в этот момент лишь одно слово пришло ему на ум:

— Твой.

Из офиса Хадсона открывался панорамный вид на урбанистический пейзаж Чикаго, напомилавший зимнюю сказку. За толстым стеклом кружились снежинки, и стояла, должно быть, самая холодная зима, временами парализующая весь город. Но внутри царила обычная деловая рутина. Нахмурившись, Хадсон яростно долбил пальцами по клавиатуре ноутбука. Работа всегда была его спасением, и поскольку они с Алли договорились держаться на расстоянии, он вновь рассчитывал с головой уйти в этот мир.

Отправив очередное длинное письмо, Хадсон вздохнул и перешел к следующему неотложному вопросу, ожидавшему его внимания в почтовом ящике. Если повезет, это займет его на остаток дня. Хотя на деле не существовало ни одной электронной таблицы в мире, способной настолько увлечь его, чтобы он перестал поглядывать на фото Алли, стоящее на рабочем столе.

С тех самых пор, как Джулиан загнал ее в угол списком своих требований, они постоянно спорили на людях, продолжая трахать друг друга до бесчувствия, когда оставались наедине. И хоть последнее было не так уж и плохо, первое сводило его с ума. Казалось, их удерживали вместе лишь секунды, минуты и часы, что они урывали в укромных уголках, темных офисах или на спецоперациях поздними вечерами. Но этого было недостаточно. Им нужен был один день — нет, вычеркните, один уикэнд — когда Алли не приходилось бы постоянно оглядываться через плечо.

Хадсон посмотрел на календарь, и в голове начала зарождаться идея. Но едва он потянулся к телефону, как он завибрировал. На экране высветилось имя его братишки вместе с селфи-отсылкой к 'Беспечному ездуку '(20) — этот кадр он сделал на байке, который Хадсон подарил ему на Рождество.

— Какого хрена? — пробормотал Хадсон. Когда, черт подери, Ник нашел время и возможность сделать это? Впрочем, он хоть не сверкал голой задницей... в этот раз.

— Да, Ник, — он потянулся к куче на углу стола, взял контракт, лежавший сверху, и резко перечеркнул черно-белую писанину красным крестом.

— Откуда ты знаешь, что это я?

— Современные технологии.

— Че делаешь? — бурливший через край энтузиазм Ника заставил Хадсона пожалеть, что он не дал звонку переключиться на голосовую почту.

— Работаю, — Хадсон перевернул страницу и вычеркнул еще один параграф.

— Ты слишком много работаешь. Выйди из офиса, поживи немного.

— Чего ты хочешь, Ник? — сдавшись, Хадсон отложил документы и откинулся в кожаном кресле.

— Я хотел, ну знаешь, спросить, может, ты хочешь перекусить. Например, в 'Элс Биф'? Уже несколько дней мечтаю о той жирной вкуснятине.

— Я уже поел.

— Когда?

— Не знаю, ранее. Что за допрос о моем питании?

— Что за настрой? Алли отшлепала бы тебя за то, что ведешь себя как мрачный придурок.

Хадсон нахмурился. Ник знал Алли столько же, сколько и Хадсон, и не ошибся с этим утверждением. Ее присутствие — ее улыбка, смех, все эти женственные изгибы фигуры — привели бы его в хорошее расположение духа. Не говоря уж о том, что ее острый язычок быстро прикончил бы его дрянное настроение.

— Давай зависнем, — фыркнул Ник в телефон. — Ну, знаешь, выйдем за пределы восемнадцати миллионов комнат в твоей холостяцкой берлоге.

Хадсон глубоко вздохнул и выдохнул через нос.

— У меня есть работа, которую нужно сделать.

— Да брось, ты большая рыба в этом косяке рыбешек. Выдели пару часов и пойди со мной по магазинам или типа того. Ты всегда дразнил меня тем, как я одеваюсь. Можешь воспользоваться случаем и затащить меня в Banana Republic (21) или еще какое-нибудь дерьмо. Превратить меня в мини-версию себя.

— В чем дело, Ник?

— Ни в чем. Разве не может парень провести время с братом?

В груди Хадсона зародился смешок.

— Завязывай эту хрень, Ники. К чему ты ведешь?

Ник торопливо выдохнул.

— Я беспокоюсь о тебе, бро. Ты отгораживаешься старыми привычками. Одна работа и никаких развлечений превращают Хадсона в ублюдка. Кроме того, ты всегда присматривал за мной, теперь моя очередь.

В последние дни Хадсон едва терпел себя самого. Воздух в пентхаусе стал удушающим и затхлым, и работа не помогала сгладить углы. Возможно, вечер с Ником — как раз то, что надо. Его губы сложились в улыбку.

— У меня есть идея.

— Какая? — выпалил Ник.

— Увидишь, — Хадсон начал выключать ноутбук.

— Шопинг? Еда? Катание на лыжах?

— Все мимо.

— Что, черт побери, может быть лучше, чем вырядить меня в моднявые одежды?

— Заберу тебя через полчаса, — Хадсон повесил трубку, обрывая поток ругательств и просьб о подсказке.

***

Хадсон припарковался у обочины здания, в котором снимал квартиру для брата. После реабилитации то окружение, в котором он раньше жил, стало непригодным. Ник сопротивлялся, не хотел 'принимать милостыню', но Хадсон в итоге уговорил его. Оглядываясь назад, он думал, что надо было просто поселить его в пентхаусе, потому что он все равно проводил там большинство ночей.

Ник уже ждал снаружи в тренировочных штанах и футболке, которые почти заставили Хадсона пересмотреть идею с шопингом.

Почти.

Его одежда выглядела так, будто ее спасли из мусорки, а волосы пребывали в гребаном хаосе. Как будто кто-то взял его за ноги и вымыл его шевелюрой пол точно шваброй.

Ник открыл дверь и плюхнулся на сиденье.

— О да, подогрев для задницы включен, — сказал он, захлопнув за собой дверь.

— Эй, полегче с дверью.

— Извини, я не ушиб твой драгоценный Ассссстон Мартин? — Ник нанес ему второй удар сразу за первым. — Ты весь такой стильный, все сочетается-подбирается.

— Я не выгляжу так, будто только что выбрался из постели, — челюсть Хадсона напряглась, он завел машину и вдавил педаль газа. Поршни пришли в движение, двигатель взревел, и идеально отлаженная машина тронулась с места. — Пристегни ремень.

Вытянув ремень, Ник перекинул его через грудь, и замок закрылся с мягким щелчком.

— Так каков план? Сакс (22)? Нейман (23)?

— Нет. Лучше.

— Лучше?

Хадсон глянул на брата, и губы его сложились в полуулыбку.

— Абсолютно.

За окнами проносились городские пейзажи, пока он с лазерной точностью управлял машиной, маневрируя в насыщенном трафике. Шины хрустели по посыпанным солью дорогам, ветки деревьев изогнулись, скривившись точно артритные руки, молящие о весеннем возрождении. Они напомнили Хадсону, каким скелетом мужчины он являлся без его сердца. Без Алли он был лишь пустой раковиной.

Но разве есть лучший способ выпустить пар грехов прошлого и злости на настоящее, чем...

— Срань Господня, — выдал Ник, когда DV9 остановился перед Бойцовским клубом Чикаго. Вывеска спортзала на Норд-Элстон гласила 'ПРИНОСИТЕ ОРУЖИЕ С СОБОЙ', а краям были нарисованы сжатые кулаки.

— Я знаю, что ты давненько хотел выбить из меня дерьмо, но ты серьезно?

— А у Пиноккио деревянный член (24)? — Хадсон заглушил двигатель и дернул дверную ручку. — Вытаскивай свою задницу из машины.

— Чееерт, — Ник выругался себе под нос. — Не стесняйся выбить из меня дерьмо; ты меня по всему зданию швырять будешь, — он выбрался из автомобиля и хлопнул дверью. Опять.

Оглянувшись через плечо, Хадсон зашагал к залу.

— Это тебе не на руку.

Ник еле плелся, а затем нагнал его за пару шагов.

— Может, лучше вырядишь меня в кашемир, а потом наедемся от души в 'Элс Биф' — жирное, сочное мясо с подливкой и сыром? Будем как две леди за ланчем.

— Нет, — Хадсон придержал дверь. — Давай, заходи внутрь как большой мальчик.

— Задница.

— Внутри, принцесса.

— Ты ведешь себя как настоящий мудака, — сказал Ник, заходя в борцовский клуб.

— Выскажешь мне это на ринге.

Как только они вошли, Хадсон услышал ритмичный звук скакалок, бьющихся о бетонный пол; подстрекающих и матерящихся тренеров, выкрикивавших команды; и выверенные тяжелые удары перчаток по избитым кроваво-красным боксерским грушам, свисавшим с потолка. Чикагский Бойцовский клуб был серьезным заведением, и пояса, висевшие на стенах, это подтверждали. Он жаждал этого общества, чтобы успокоить пытку в его голове. Потому что когда ты застрял в помещении из-за того, что мать-природа решила заморозить город до основания, выбить из чего-нибудь дерьмо представляется лучшей

тратой энергии, чем крутиться как хомячок в колесе.

Они прошли вглубь помещения, прямо к огражденному канатами рингу. Хадсон коротко кивнул нескольким тренерам, постоянные посетители приветствовали его, вскинув подбородок или широко улыбаясь, демонстрируя белоснежные зубы и капы, растягивавшие щеки.

Начиная заниматься полгода назад, Хадсон не интересовался обучающими тренировками. Он был уличным бойцом с защитными навыками, позволявшими выжить то в одном, то в другом дерьмовом окружении. Но он быстро понял, что спарринг с партнером направлял в нужное русло напряжение, которое постоянно тихо бурлило в отдаленных уголках его сознания. Это точно эквалайзер, то поднимавшийся, то опускавшийся. А работа с тренером улучшила его технику. Хотя его брат тоже был хорош, возможно, даже лучше его, благодаря естественным инстинктам. И хотя Ник ломался и ныл, раунд с ним обещал стать для Хадсона одним из самых сложных.

— Мой братец-миллиардер водит меня по лучшим местам. Мы не могли пойти в Эквинокс (26) или какой-то модный спортзал, где тебе предлагают массаж, а женщины носят спандекс?

— Что не так с этим местом? Хочешь попотеть, приходишь сюда, — расстегнув куртку, Хадсон скинул ее с плеч и отбросил в сторону.

— Что не так? Это место в стиле первое-правило-Бойцовского-клуба. И нет, я не хочу попотеть. Я хочу пожрать со своим старшим братом, чтобы он заплатил по чеку, а я оставил чаевые, — Ник посмотрел вверх, на открытые балки перекрытий и проложенные между ними трубы, заскрипевшие и загрохотавшие, когда кто-то включил воду в душевых. Затертый бетон, чистая, но отслаивающаяся краска и голые стены. — Ну хоть горячая вода у них есть, значит, мне не придется ехать домой и нюхать твою вонь.

— Я хожу в душ дома, — схватив футболку за шиворот, Хадсон стянул ее через голову и бросил рядом с курткой.

— Ой, да ну нахрен, — Ник выпутался из толстовки и швырнул ее на стул. — Поеду на такси, на автобусе, пойду прямо по сне...

— Заткнись и надевай перчатки, — Хадсон бросил брату пару перчаток, пресекая очередной остроумный комментарий, который явно был готов сорваться с его языка. Взяв свою пару, Хадсон раздвинул канаты и забрался на ринг. Он надел перчатку на левую руку, затем на правую. Ударив кулаками друг о друга, он соединил перчатки. — Я жду.

Ник залез на ринг с перчаткой на левой руке.

— Жестокость — не решение проблемы, бро.

— Перестань хныкать как девчонка, — Хадсон покрутил головой в разные стороны, разминая шею.

Ник натянул перчатку на правую руку и откинул волосы с лица.

— Ладно. Если вдарив по мне пару раз, ты будешь чувствовать себя лучше, давай сделаем это, — сказал он, готовясь к драке. Хадсон тут же узнал безрассудный блеск, появившийся в его глазах. Это была их особенная черта, подтолкнувшая их к разным противоположностям.

— Если бы я просто хотел пару часов помахать кулаками с тобой, мне не понадобился бы боксерский ринг.

— Тоже верно, — Ник помахал руками как вентилятор, разминая плечевые суставы. — Ну давай же, моднявый трахатель, дизайнерская киска-шлюшка, — он сверкнул

самодовольной ухмылкой. — Дай мне свой лучший удар.

Усмехнувшись, Хадсон наблюдал, как брат балансирует на носочках.

— Посмотрим, бьешь ли ты так же быстро, как отпускаешь остроты, — он шагнул вперед и поднял кулаки, держа их у подбородка. Он знал, что преимущество было на стороне брата, но это не мешало ему... — Боишься начать?... — дразнить, подстрекать, заставлять ударить первым.

Ник атаковал парой ударов, которые Хадсон заблокировал предплечьями и быстро вернул услугу, нанеся четкий удар по ребрам брата.

— Черт, больно же, — быстрый удар по другой стороне торса заставил Ника увернуться. — Я думал, мы просто немножко поиграем, а потом возьмем тебе чудной латте или еще какое-нибудь дерьмо.

— Сказал официантик, подающий выпендренный кофе, — Хадсон уже сбалансировал свой вес. Он был подобен бомбе, подсоединенной к переключателю зажигания, а этот сволочной ублюдок Джулиан уже поворачивал ключ в замке. Хадсон нуждался в этом, чтобы успокоиться, чтобы прийти в терпимое расположение духа. Грубое траханье тоже подошло бы, но приходится довольствоваться тем, что есть. Кроме того, с Алли физическое действие переходило на новый уровень, и не было обратного пути. Она владела им — его сердцем, телом и душой. Черт, он и правда думал как подкаблучник. Но плевать он на это хотел.

— Ну ладно, игра началась, бро. Теперь будем драться грязно, — Ник ударил слева, и что-то горячее обожгло внутренности Хадсона. Он переориентировался и огромным усилием сложил мышцы в идеальный апперкот, от которого его брат зашатался точно пьяный.

Хадсон дал ему пару секунд, чтобы восстановиться.

— Ты в порядке?

— Да, чувак, но кто тебя так выбесил?

— Прочищаю голову, — Хадсон крутанулся и выбросил в воздух ногу, и брат пригнулся, уворачиваясь от прямого удара. — Давай, Ники, ты участвовал в барных драках, которые посоперничают с Восьмиугольником.

— Эй, я любовник, а не боец (28).

Хадсон подумал о том, каково это — проживать жизнь, не будучи обремененным ответственностью, и на секунду позавидовал свободе брата.

— Тебе, должно быть, надо избавиться от какого-то дерьма.

— Тебе определенно надо, — Ник бросился вперед с мощным ударом, затем выдал комбинацию, которая заставила Хадсона серьезно поработать над своими ударами левой и правой.

— Меня бросили, Ник, — как только слова слетели с его губ, боль пронзила грудь и узлом свернулась в животе. И вдобавок ко всему это была ложь, абсолютная гребаная ложь, которая скручивала его внутренности. Видит дьявол, его шкаф был полон скелетов, но на секреты между братьями он не подписывался. Ник знал его прошлое, черт, они вместе прошли через все, и это сплотило их сильнее всего остального. Но эта ложь продиктована необходимостью.

— Я знаю. Для тебя это в первый раз. Ой, погоди, в третий. Одна и та же девушка, но какая разница.

— Не смешно, — Хадсон двинулся на него, подходя к центру ринга, сила против силы, каждый пытался отбросить другого, точно пара магнитов. Их бицепсы напряглись, мышцы

предплечий напряженно сократились.

Выпрямившись, Ник покачался на пятках. Грудь его тяжело вздымалась, по вискам стекал пот.

— Вообще-то мне нужна твоя помощь кое с чем.

— Иисусе, — пробормотал Хадсон, выполняя круговой удар наотмашь.

Ник поймал его за лодыжку.

— И что это должно значить? — рассмеялся он, когда Хадсон запрыгал на одной ноге точно пого-стик (29), и только потом отпустил его ногу.

— Потому что разговоры, начинающиеся фразой 'Мне нужна твоя помощь', обычно означают, что ты в глубоком дерьме.

— Нее, ничего такого. Мне нужен смокинг.

Хадсон на мгновение ослабил защиту, его брови взлетели до самой линии роста волос.

— Что? — спросил он как раз тогда, когда Ник наградил его мощным ударом в челюсть.

— Ха! Фингал тебе, сукин сын.

Хадсон покачал головой, стряхивая последствия удара, выбившего из него дух.

— Проклятье, отличный хук справа.

— Спасибо, — Ник просиял и широко улыбнулся. — И мне нужен смокинг.

— Зачем?

— Для этого вашего выпендрёжного мероприятия. Я тоже иду.

— Ради всего святого, Ники. Мы с Алли расстались, но я не откестился от женщин. Я в состоянии найти себе спутницу.

— Не с твоей бестолковой задницей, придурок. С Харпер.

— Еще раз? — гребанный ад, Ник был тяжеловесом по части шокирования.

Ник прочистил горло.

— Я сопровождаю прекрасную деву по имени Харпер Хейз, — сказал он, пытаясь выразиться царственно.

— Прекрати так говорить. И 'дева', и 'прекрасная' — неподходящие описания для рыженькой, — эта женщина больше напоминала бригаду по сносу зданий, вооруженную рупором, но все же нравилась Хадсону. Она не терпела оскорблений даже от вспыльчивых мудаков вроде него самого. — Что особенно важно, когда, черт побери, это случилось?

— Когда мать-природа решила поиграть в сводницу на Рождество. Мы проводим время вместе.

— Проводим время вместе? — Алли предупреждала насчет его брата и Харпер, но новости все равно... он стащил перчатку и провел рукой по волосам.

— Ага, с ней круто болтать.

— И как часто вы просто 'проводите время вместе'? — Хадсон желал брату лишь счастья, но правила двенадцати шагов гласили, что заводить отношения в первые несколько месяцев трезвости — не лучшая идея.

Ник пожал плечами.

— Несколько раз в неделю, думаю, — он посмотрел на серый мат, испещренный каплями их пота. — Она мне нравится.

— И когда ты планировал мне сказать?

— Я говорю тебе сейчас, разве нет?

— Только потому, что у тебя боязнь смокингов. Иисусе, Ники.

Ник глупо улыбнулся.

— Значит, ты как старший брат поможешь мне со всеми этими щегольскими штучками?

— Жополиз.

— Пожалуйста.

— Конечно.

— Спасибо. На следующей неделе?

— Меня не будет в городе в начале следующей недели. Но я сделаю пару звонков.

— Здорово, — рассмеялся Ник. — А теперь надевай перчатку обратно, чтобы я смог надрать твою задницу за то, что ведешь себя как засранец.

(20) 'Беспечный ездок' (1969) — один из знаковых фильмов жанра роуд-муви. 'Два друга садятся на мотоциклы и уезжают из Лос-Анджелеса, чтобы насладиться романтикой свободы и путешествия. Но чем дальше они едут по просторам Америки, тем более ясно им становится, что свободные люди родине не нужны...'

(21) Banana Republic — американский бренд одежды, аксессуаров, парфюмерии и товаров для дома. Что примечательно, Дэвид Ганди, послуживший прототипом Хадсона Чейза, снимался в рекламной кампании для данного бренда.

(22) Saks Fifth Avenue — один из крупнейших розничных продавцов высококачественных товаров американских и международных дизайнеров. В ассортименте преобладают сумки, обувь, украшения и подарки.

(23) Neiman — магазин люксовой одежды от топовых дизайнеров.

(24) В английском языке вопрос типа 'А у Пиноккио деревянный член?', 'А у Пиноккис деревянные яйца?' означает что-то вроде 'А ты сам-то как думаешь?'. То есть намек на то, что собеседник спрашивает о чем-то очевиднейшем.

(25) Эквалайзер — устройство в составе высококлассных стереофонических комплексов, позволяющее регулировать частоту звука и добиваться желаемого звучания.

(26) 'Эквинокс фитнес' — сеть тренажерных залов и фитнес-клубов, в которых часто занимаются знаменитости.

(27) Восьмиугольник или октагон — символ Ultimate Fighting Championship (Абсолютного бойцовского чемпионата), спортивной организации боев без правил. Их ринг имеет форму восьмиугольника.

(28) Отсылка к песне Lover Not a Fighter — Tinie Tempah feat. Labrinth.

(29) Кузнечик, также известный как пого-стик — устройство для совершения прыжков, состоящее из пружины, ручки, педалей и основной платформы. Человек надавливает ногами на пружину, и она придаёт ему обратный импульс. Проще погуглить, чтобы представить.

Суматоха в коридоре отвлекла внимание Алли от электронного письма на мониторе. Хадсон был в здании. Она почувствовала его присутствие задолго до того, как услышала голос. Волоски на ее шее приподнялись, кожа зазвенела от предвкушения.

Через открытую дверь она увидела, как он вышел из-за угла, брови нахмурены, челюсть напряжена.

— Нет, абсолютно неприемлемо, — рявкнул он в телефон. — Я собираюсь это с ней обсудить, — переключив внимание на Колина, он резко и обрывисто произнес: — Не переводи ее звонки, — проинструктировал он, проходя мимо его стола в кабинет Алли и закрывая за собой дверь.

— Боже, ты такой сексуальный, когда злишься.

Хадсон с изумленным весельем выгнул бровь.

— То было ради юного мистера Джеймса, — движением большого пальца он выключил свой телефон и засунул в карман костюма. — Не говоря уж о десятках других сотрудников, которых я миновал в коридоре. Не более чем шоу, чтобы я мог улучшить момент наедине с тобой.

— Вот как?

— Хмм, но теперь я заинтригован, — уголки губ приподнялись в улыбке. — Сексуальный, когда злюсь, да? Давай обсудим.

— Меня заводит, когда ты ведешь себя как альфа-самец, — сказала она, немного изменяя позу в кресле.

Глаза Хадсона сверкнули, его пронизательный взгляд заметил небольшое движение.

— Вот как?

— Ты знаешь, что это так, — отрицать было бессмысленно. Хадсон не раз убеждался в ее реакции на его доминантную сторону. Но блеск его глаз говорил, что он слишком наслаждался темой разговора, чтобы ее сменить.

— Я знаю, ты успела попробовать на вкус, каково это, когда я все контролирую, — он лениво подошел ближе. — Давай гипотетически. Предположим, я сказал тебе коснуться себя?

— Гипотетически... ты будешь смотреть, как я это делаю?

— Конечно, буду.

— Тогда гипотетически... я продолжала бы смотреть на тебя и сделала то, о чем ты попросил, — были времена, когда Алли посчитала бы идею ласкать себя перед мужчиной слишком неловкой, чтобы даже подумать об этом. Но Хадсон однажды рассказал о своей фантазии наблюдать, как она доставляет себе удовольствие, и его непреклонное желание придало ей уверенности. Оно сделало ее похотливой и сексуальной и пробудило ту ее сторону, о существовании которой она не догадывалась.

— И что, если я подожду бы, пока ты окажешься на грани оргазма, а затем остановил тебя? — он обошел стол. — И сказал, что если ты не остановишься, то не получишь мой член, — быстрым движением он развернул ее кресло лицом к себе. — Каково это было бы — не иметь возможности найти свое облегчение, пока я не скажу?

— Думаю, мне это понравилось бы, — голос Алли сделался задыхающимся и

жаждущим, выдавая растущую боль между ног.

— Тогда предположим, я сказал тебе трахать себя пальцами, пока ты снова не окажешься на грани оргазма, — волна наслаждения хлынула к ее естеству, и она сжала бедра в попытке найти хоть какое-то облегчение. Но Хадсон положил руки на ее колени и раздвинул их. — И вновь заставил тебя остановиться до того, как ты соскользнешь за грань, — его большие пальцы выписывали небольшие круги на ее коже. — Дразнил тебя помаленьку, — опустив руки, он выпрямился. Его член натягивал ткань костюма. Разговор влиял на него не меньше, чем на нее, но он продолжал, добавив еще одно предостережение в их маленькую игру:

— И между прочим, — уточнил он, — тебе не позволено умолять.

Алли прикусила губу, чтобы сдержать стон.

— Гипотетически это делает меня влажной.

Он усмехнулся.

— О, я еще далеко не закончил.

Злобный улюлюк.

— Нет?

— Нет, потому что потом я заставлю тебя взяться за свои соски, по одному за раз, и жестко потянуть, пока я не скажу остановиться, — от его слов соски набухли под жестким кружевом белья. — И все это время ты будешь пытаться забыть, как отчаянно ты хочешь кончить.

— Даже если мне хотелось бы держать руки намного ниже?

Он медленно кивнул.

— Но ты не можешь, потому что если не будешь слушаться, я не позволю тебе кончить. И не сомневайся, Алессандра, ты не кончишь, пока я не решу, что ты готова быть оттраханной.

Она тяжело сглотнула.

— Все еще думаешь, что тебе понравилось бы находиться под контролем? — усмехнулся Хадсон. — Гипотетически.

Ей удалось лишь едва заметно кивнуть.

Он резко прищурился, оценивая ситуация, затем лицо его потемнело. Она хорошо знала это выражение, оно всегда заставляло ее затаить дыхание.

— Сними трусики, — мягко приказал он.

Она раскрыла рот.

— Дверь даже не заперта.

— Это была не просьба, — переменив позу, он посмотрел на нее сверху вниз. — Выполняй.

Голодным взглядом он наблюдал, как она запустила руки под юбку и медленно стянула лоскуток черного кружева по бедрам.

— Раздвинь ноги. Покажи, как сильно ты меня хочешь.

Его грубый приказ вызвал острый укол возбуждения, и она задрожала. Обнажиться перед ним, сидеть такой открытой и уязвимой, пока он стоит перед ней полностью одетым, оказалось еще более возбуждающим, чем она могла себе представить. Раздвинув бедра, она открылась ему, и наградой стал его резкий прерывистый вздох.

— Прекрасная, — пробормотал он, опускаясь перед ней на колени. — Такая влажная и набухшая, — один палец обвел ее трепещущий вход. — Ты жаждешь ощутить меня внутри,

не так ли?

— Боже, да... — Алли приподняла бедра в безудержной мольбе большего, но он продолжал дразнить, вырисовывая медленные размеренные круги. Время от времени кончик пальца нырял внутрь лишь для того, чтобы тут же выскользнуть и начать сначала. Она почти обезумела от желания быть наполненной, когда он наконец протолкнул в нее два пальца.

Голова Алли откинулась на кожаное кресло. Она сжала его так туго, что хватило бы одного умелого движения руки, чтобы довести ее до пика наслаждения. Но вместо этого его рука оставалась абсолютно неподвижной.

— Не кончай, — сказал он. Голос его был напряженным, он едва удерживал контроль. — Пока я тебе не разрешу, — с этими словами его пальцы начали двигаться медленными, дразнящими толчками в ее сокращающейся плоти.

Каким-то чудом она сдержалась, чтобы не начать тереться об его ладонь, сопротивляясь желанию насадиться на его пальцы и разлететься на куски в желанном оргазме. Но она не сумела сдержать мольбы.

— Пожалуйста, Хадсон, — взмолилась она.

— Когда ты кончишь, мой член будет внутри тебя, — его пальцы продолжали круговые движения. — И я думаю, ты еще не совсем готова.

Он добавил третий палец, и где-то в глубине ее груди зародился стон. Она вжала каблуки в ковер, пытаясь сдержать волну наслаждения, которая готова была вот-вот ее поглотить. Он удерживал ее на грани, доводя до безумия, но не давая той последней капли, в которой она нуждалась. Когда первые судороги оргазма сжали его пальцы, он убрал их, оставляя ее дрожать и задыхаться. Глядя ей прямо в глаза, он поднес пальцы ко рту, пробуя на вкус ее возбуждение.

— Хмм, да, кажется, теперь ты готова.

Она едва не зарыдала от облегчения.

— Ляг грудью на стол и подними юбку.

Все мысли об офисном этикете вылетели из ее головы, и Алли поспешила подчиниться. Секундой спустя она услышала тихий щелчок его ремня и последовавший за ним металлический звук расстегивающейся молнии.

— Держись за край стола и не отпускай, — хрипло и настойчиво приказал он.

Она сделала, как было сказано, вцепившись в столешницу из красного дерева. Руки обхватили ее талию, и она почувствовала, как большая головка скользнула меж ее складок, он направлял себя прямо туда, где она была влажной и более чем готовой.

— Готовься, — он широко расставил ее бедра, протолкнув между ними свою ногу. — Это будет грубо и быстро, — без дальнейших предупреждений он резко проник в нее одним мощным толчком бедер.

Алли прикусила щеку изнутри, чтобы сдержать крик. Она обожала, когда он брал ее так, грубо и бесцеремонно завладевая ее телом, чтобы доставить им обоим удовольствие, которого они жаждали. Его нужда клеймить ее, сделать своей ужесточало ее желание до почти невыносимого уровня.

Он прорычал ее имя, медленно отстраняясь и вновь жестко вдалбливаясь внутрь. Вновь и вновь он завладевал ею, толкая вперед с каждым тяжелым ударом.

— Держись, — прохрипел Хадсон сквозь стиснутые зубы. Алли крепче вцепилась в столешницу, и он дернул ее навстречу своим бедрам, выгибая ее тело под идеальным углом, давая возможность прочувствовать каждый дюйм его члена. Удары его были

безжалостными, и почти сразу она ощутила, как все внутри начинает конвульсивно содрогаться.

Нагнувшись, он коснулся губами ее уха.

— Сейчас, детка. Кончи для меня.

По его команде ее тело взорвалось в столь мощном оргазме, что в глазах потемнело. Хадсон выругался, последний раз вдолбился по самое основание и тоже присоединился к ней за гранью наслаждения. Она смутно уловила момент, когда он рухнул в кресло, увлекая ее за собой и бережно баюкая на руках. Какое-то время они просто сидели так, пока дыхание не успокоилось. И когда Алли наконец подняла голову, чтобы встретиться с ним взглядом, то увидела, что его глаза полны лишь теплом и нежностью.

— И каково это было? — спросил он, мягко целуя в губы.

— Изумительно, — она опустила голову ему на плечо, с губ сорвался тихий смешок. — Рискованно. Возбуждающе... Восхитительно (30).

Он тихо усмехнулся.

— Оргазм Алли зациклился на букве А?

Покосившись на него, она улыбнулась.

— Скорее уж на букве Х. Например, святой ад, Хадсон (31), — она рассмеялась. — Это было мощно.

Он улыбнулся в ответ.

— Ты якобы пришел сюда поспорить со мной, — напомнила она. — Надеюсь, у тебя нет проблем с непроницаемым выражением лица, Чейз, потому что сейчас ты выглядишь как мужчина, который чрезвычайно собой доволен.

— Может, они решат, что я получил то, чего желал.

Алли закатила глаза.

— Неудачное сравнение.

— Если оставить ужасные каламбуры, мне и правда нужно кое-что с тобой обсудить.

— Да?

— В пятницу я забираю тебя на озеро, — сказал он. Это не было вопросом, и судя по его тону, это не обсуждалось. И все же Алли запротестовала.

— Ты знаешь, что я обожаю твой дом на озере, Хадсон, но...

— Никаких 'но', — сказал он, обрывая ее до того, как она выдаст список множества причин, по которым они не могли уехать вместе. — Я устал украдкой улучать моменты. Я хочу провести с тобой все выходные, три дня, не меньше. Я хочу ложиться спать с тобой, просыпаться с тобой, а между этим трахать тебя каждый час.

У нее перехватило дыхание.

— Когда... кто... я хочу сказать, как... — она запиналась, пытаясь согласовать рот с мозгом.

Хадсон рассмеялся. Он мягко поцеловал ее в макушку и поставил на ноги.

— Доверься мне, у меня есть план.

(30) В оригинале Алли говорит: 'Amazing. Adventurous. Arousing. Awesome'. Все на букву А.

(31) А здесь все на Н — Holy hell, Hudson.

Расписание Алли было плотнее некуда. Учитывая приближающиеся выходные, Колин добавил в ее расписание вечерние часы. Работа поглощала каждый момент ее бодрствования, от встреч за завтраком до разбора электронной почты поздними вечерами. Это должно было заставить время лететь. Но конец недели обещал полноценное непрерывное общество Хадсона Чейза. Никаких прятков, никаких украденных моментов за закрытыми дверьми, ни тайных смс-ок и взглядов украдкой. Лишь три дня наедине с любимым мужчиной. Эта мысль никогда не покидала ее голову, и несмотря на бешеный ритм, неделя еле как тянулась. И поздним пятничным вечером ей начало казаться, будто время реально остановилось.

Хадсон не распространялся насчет их планов, говоря лишь, что они поедут в дом на озере и что он позаботится об остальном. Алли думала, что он предоставит ей какие-то инструкции в течение недели, но до сих пор не слышала от него ни слова, не говоря уж о деталях того, как и когда они ускользнут из города ради спокойствия и тишины в его домике на озере Женева.

Мысли Алли невольно вернулись к ко времени, которое они провели там в октябре, и воспоминания атаковали ее чувства. Вид Хадсона на мотоцикле, выглядящего на все 100 % плохим парнем, которого она когда-то знала; запах хвои, смешивавшийся с насыщенным запахом кожи, когда она ехала с ним на байке; ощущение солнца, греющего лицо, и его мышц, напрягшихся под ее ладонями; звук его смеха вперемешку с ее визгом. Тот день был идеальным во всех отношениях, но он бледнел в сравнении с ночью. Потому что тогда, перед ревушим пламенем камина, Хадсон опустил свои защитные барьеры. Он открылся ей и поделился своим прошлым, мыслями, страхами, переживаниями. Она долго ждала этой ночи, зная, что однажды она настанет.

— Большие планы на выходные? — спросил Колин, прерывая ее мечтания.

Алли подняла взгляд и увидела, что он стоит в дверях ее офиса с огромной коробкой.

— Что? Эм, нет. То есть, почему ты спрашиваешь?

— Просто подумал, что на три дня выходных вы, должно быть, запланировали что-то потрясающее.

— Не особо, — она пожала плечами. — Просто мне нужно несколько дней, чтобы отключиться и перезарядиться.

— Так вы никуда не едете?

— Единственная поездка, которую я планирую — это с кровати на диван и обратно. Есть, спать, повторить сначала, — и это не было ложью. Она просто не упомянула, что речь идет о кровати Хадсона. Той самой, к которой она была привязана, пока он дразнил и пытал ее своими пальцами, губами и языком.

Боже, завязывай с этим, Синклер.

— Что в коробке? — спросила она, стараясь сосредоточиться на настоящем.

Колин подошел к ней.

— Понятия не имею. Только что доставили с курьером, помечено 'лично и конфиденциально'. Опять, — он поставил коробку на стол и выгнул бровь. — Не знай я вас лучше, сказал бы, что у вас появился тайный дыхатель.

Тут с его губ сорвался слышный вздох, на лице появилось озорное заговорщическое выражение.

— А может, это парень из 'Психушки'? — спросил Колин драматичным шепотом.

— Кто?

— Ну тот красавчик, который жался к вам в пятницу вечером.

— Он даже не знает моего имени.

— Я мог бы его просветить, если хотите.

— Тебе разве не надо напечатать напоминалку или типа того?

Колин рассмеялся.

— Ладно, ладно. Считайте, забыли.

Алли подождала, пока он закроет за собой дверь, и принялась открывать посылку. Внутри коробки оказалось пальто цвета верблюжьей шерсти, пара солнцезащитных очков от Шанель, красная вязаная шапочка и шарф. Одним за другим она разложила предметы на столе. Она даже убрала упаковочную бумагу, но и под ней ничего не нашла. Ни записки, ни инструкций. И хоть она была вполне уверена, кто ответственен за эту таинственную посылку, она понятия не имела, зачем ей это нужно.

Шифрованный телефон. Как только эта мысль пришла ей в голову, раздался тихий сигнал. Алли открыла нижний ящик стола и вытащила из сумочки телефон. Сообщение от Хадсона осветило экран.

Посылка пришла?

Улыбаясь, она напечатала ответ. Орел приземлился.

Развлекаетесь, мисс Синклер?

Надо же как-то себя отвлечь, мистер Чейз.

От чего?

От мыслей о вас.

Что-то конкретное?

Конкретно обнаженное, ответила она.

Мне нравится ход ваших мыслей.

На все выходные.

Тогда не буду паковать много вещей.

По правде говоря, возможно, я привяжу тебя к кровати.

Это моя реплика.

Ладно, напечатала она, ты можешь привязать меня к кровати.

Проклятье.

Что?

Я тверд.

Она хихикнула. Тогда поехали прямо сейчас.

Мы не можем.

Почему?

Потому что мой план, по которому я контрабандой вывезу тебя из города, не будет готов до вечера. Поэтому как бы мне ни хотелось зарыться лицом между твоих бедер...

Проклятье.

Его ответ был незамедлительным. Что случилось?

Я влажная.

Последовала пауза. Она ждала его ответа, представляя, как он ругается и поправляет брюки. Веди себя прилично.

Не уверена, что смогу.

Ты зарычал перед тем, как напечатать это? Ты же знаешь, как это на меня влияет.

Работай, Алессандра. Возвращайся к делу.

Да...сэр.

Это не помогает.

Она улыбнулась. И не должно было.

Расплата будет скорой и неумолимой.

Волна жаркого предвкушения накрыла ее тело, и она поняла, что сжимает бедра в попытке найти облегчение. Это была ее вина, ведь это она начала их маленькую игру. Так что вместо протеста, что ей придется ждать несколько часов до этой самой расплаты, она просто напечатала правду. Жду не дождусь.

16-00. Надень вещи из коробки. Такси будет ждать. Потом получишь дальнейшие инструкции.

Она едва не пошутила насчет того, как это все напоминает агента 007, но потом поняла, что в команде Хадсона вполне могли быть бывшие разведчики. С этой отрезвляющей мыслью она вернулась к работе, изо всех сил стараясь сосредоточиться на письмах, контрактах и дистанционных совещаниях, которые заняли остаток вечера. В четыре часа она сделала в точности так, как ей было сказано, облачившись в пальто, шапку и солнцезащитные очки в холле Ингрэм, и вышла сквозь вращающиеся двери.

Когда она ступила на Мичиган Авеню, солнце все еще ярко светило, делая солнечные очки чуточку менее неуместными в январе, но холодный ветер все равно обжег лицо. Она приподняла шарф, закрывая рот, и просмотрела ряды такси, стоявших возле обочины.

Из машины, стоявшей прямо перед входом в здание, вылез водитель.

— Мисс Синклер? — по кивку Алли он поспешил обогнуть машину и открыть перед ней заднюю дверь. Алли скользнула внутрь и достала из сумочки шифрованный телефон. Она набрала номер Хадсона еще до того, как водитель отъехал от обочины.

— Не терпится меня увидеть? — спросил он, и по голосу она поняла, что он улыбается.

— Сказал человек, который ответил на звонок после одного гудка.

— Я ничего иного и не утверждал, когда дело касается тебя, — от нежной ласки в его голосе по телу разлилось тепло, но потом она осознала, что он говорит через блютуз-наушник.

— Ты за рулем?

— Рендж Ровера, да. Почему ты спрашиваешь?

— Просто.

— Алессандра? — судя по его тону, он ожидал ответа.

— Я просто иначе себе это представляла, вот и все.

— Вот как?

— Хмм. Ты, я, заднее сидение лимузина, — она мельком глянула на водителя. Таксист, казалось, был слишком занят маневрированием в насыщенном движении, чтобы обращать на нее внимание, но она все равно отвернулась и заговорила тише. — Кое-что с твоим лицом и моими бедрами.

— Поверь мне, я бы с удовольствием начал поездку, завалив тебя на том сиденье и

трахая языком, пока мы не пересечем черту города.

Ее естество содрогнулось от удовольствия, и она испустила раздраженный стон.

— Ты злобный ублюдок, знаешь это, да?

Он тихо хохотнул.

— Да, но я твой злобный ублюдок. И все тебе возьму, как только ты туда доберешься, — его голос опустился до сексуального хрипа. — Основательно и неоднократно.

— Это не помогает, — сказала она, эхом повторяя его недавним слова.

В этот раз он даже не попытался скрыть смешок.

— И не должно было.

— Подожди, — сказала Алли, осознавая его слова. — Когда я туда доберусь? А ты где?

— В данный момент стою на светофоре перед маленькой кондитерской, которая в прошлый раз тебе так приглянулась.

Алли хорошо ее помнила. Она ясно представляла себе очаровательное бело-розовое здание и женщину, расставляющую бархатный шоколадный пудинг по прохладному мраморному прилавку. И хоть у нее потекли слюнки при мысли о кремовой помадке, ее сердце упало от осознания того, что Хадсон уже на озере Женева.

— Я хотел бы, чтобы мы приехали вместе, — сказал он, точно прочитав ее мысли. — Но риск слишком велик.

И вот оно, резкое напоминание о реальности, тенью нависшей над ними. Как бы они ни старались, это всегда оставалось рядом, угрожая навсегда разрушить их счастье. Алли посмотрела в окно на пешеходов, наводнивших перекресток. Люди спешили домой на выходные, не думая об угрозах, шантаже или физическом уроне.

— Я знаю, — прошептала она. Замаскировать разочарование было невозможно, хотя она знала, что он прав.

— И мне нужно время на подготовку, — добавил Хадсон, очевидно, пытаясь направить разговор в более светлое русло. Так же очевидно было и то, что он ее дразнит, но Алли не удержалась и спросила:

— Что ты задумал?

— Предвкушение, Алессандра.

По опыту она знала, что дальнейших объяснений не последует. Смирившись с двухчасовой пыткой, она вздохнула.

— Так каков план?

— Ты вот-вот свернешь на Нижний Уэкер-Драйв, — начал Хадсон. Алли едва не спросила, откуда он знает, но потом вспомнила, что шпионские штучки позволяли ему видеть ее в офисе на другом берегу реки. Отслеживание местоположения было детской игрой.

В такси потемнело, когда водитель свернул на пологий съезд, ведущий под город. Извилистые туннели были куда более быстрым вариантом, чем переполненные улицы делового района Чикаго с бешеным трафиком и безымянными переулками, приводящими в ужас неопытного водителя. Только те, кто хорошо знал город, выбирал короткий путь, известный как Чикагский автобан.

— Оттуда тебя доставят на парковку, где ты пересядешь в другую машину, — такси резко завернуло налево. Сделав круг, оно остановилось рядом с черным лимузином. Оттуда вышла блондинка, одетая в точности так же, как Алли — такое же пальто, шапочка, шарф и

солнцезащитные очки.

— И водитель лимузина, и женщина — члены команды Макса, — сказал Хадсон. — Джессика поедет на такси к тебе домой, где и останется на весь уикэнд. Возьми все нужное из сумочки и отдай ее ей вместе с ключами и телефоном. Зашифрованный возьми с собой.

Три дня вне зоны доступа с Хадсоном были как раз тем, в чем нуждалась Алли, но все же мысль о том, чтобы не иметь никакой связи с миром заставила ее поколебаться.

— А если вдруг что-то срочное? Или прорыв в деле?

— Она будет мониторить входящие звонки и голосовую почту, в случае необходимости у нее есть инструкции, как с нами связаться. Мы не знаем, использует ли Джулиан твой телефон для отслеживания твоих перемещений, но если так, то когда он будет у Джессики, это не только защитит тебя, но и пойдет на пользу делу.

— Ты все продумал, не так ли?

Его голос опустился до соблазнительного мурлыканья.

— Ты себе не представляешь.

Обещание, содержавшееся в этих словах, не только заставило пальчики на ногах поджаться. Оно заставило двухчасовую поездку на озеро Женева казаться восьмичасовой.

Алли уставилась в тонированное окно, когда лимузин наконец-то стал притормаживать в центре старомодного городка. За исключением снега, припорошившего землю, все было точно таким, как она запомнила. Ряд домиков, окрашенных в пастельные тона, по обе стороны улицы — от галерей высокого искусства до проката оборудования для экстремального спорта — все обслуживало толпу богачей, использовавших побережье озера для бегства от городского стресса. Но в отличие от парочек, прогуливавшихся под ручку по мощеным тротуарам и останавливавшихся у витрин или кафе, чтобы выпить латте или полакомиться вручную приготовленным мороженым, они с Хадсоном не желали обследовать город. Единственным пунктом названия был его дом, и осознание, что он уже там и ждет ее, послало по ее венам волны адреналина.

Она едва могла спокойно сидеть, пока лимузин петлял по узкой дороге, обнимавшей побережье. Когда водитель проехал через каменные стены по обе стороны извилистой подъездной дорожки, она уже расстегивала ремень безопасности. На вершине холма крыша дома Хадсона из камня и дерева высоко возвышалась над соснами, окна горели точно огни маяка, зовущего ее домой.

Когда они выехали на открытое место, Алли увидела Хадсона, ждущего на балконе, охватывавшем весь дом, дверь с деревянной обивкой позади была открыта. Он тут же спустился по лестнице и открыл дверь лимузина еще до того, как тот полностью затормозил.

— Я уж думал, ты никогда нахрен не доберешься, — прорычал он, протягивая Алли руку. Резким рывком он привлек ее тело к своему, запечатывая губы изголодавшимся поцелуем. Его первобытная жажда распалила в ней огонь, взревший под кожей точно дикое пламя. Неделя порознь была пыткой, сказавшейся на их обоих.

Алли растворилась в поцелуе, уносимая сочетанием похоти и любви, которое испытывала к мужчине, владевшему ее телом и душой. Она вцепилась в его темные неуправляемые волосы, держа так, будто он мог ускользнуть сквозь пальцы, растаять в ночи точно сон. Он застонал в ответ, ладонью накрывая ее попку, соблазнительным покачиванием бедер сокращая последнее расстояние, оставшееся между ними. Но этого было недостаточно. Этого никогда не было достаточно. Не до тех пор, пока его кожа не прижмется к ее, и он не окажется глубоко в ней.

Когда он наконец оборвал поцелуй, она дрожала и задыхалась.

— Хочу тебя голой на все выходные, — сказал он, потираясь кончиком носа о ее нос.

Она широко улыбнулась.

— Правда?

— Хмм, я планирую взять тебя всеми возможными способами в каждой комнате без исключения.

— По рукам, — отстранившись, она потянулась к его ремню, схватив за пряжку и потянув к открытой двери машины. — Можно начать прямо в лимузине.

— Как бы мне ни нравилась твоя инициатива, — сказал он, переплетая их пальцы. — У меня есть на тебя планы. Пошли внутрь, — он мягко поцеловал ее в надутые губы.

— Кончай.

Алли тихонько хныкнула, когда он отошел.

— Я это и собиралась сделать.

Хадсон усмехнулся, а затем резко наклонился, обхватил рукой ее бедра и забросил себе на плечо.

Алли взвизгнула от неожиданности.

— Что ты делаешь?

— Упрощаю дело, — невозмутимо ответил Хадсон.

Она шлепнула его по заднице.

— Поставь меня.

— Не знал, что тебе нравятся игры со шлепаньем, Алессандра, — засмеявшись, Хадсон направился к лестнице. — Хотя, кажется, ты перепутала роли.

— Ты ведешь себя, как пещерный человек, — сказала она, держась за его бедра, чтобы не раскачиваться на его плече, пока он шел по лестнице. Поднявшись наверх, он поставил ее на ноги, медленно опустив вдоль своего тела, чтобы она прочувствовала каждый дюйм жестких мускулов.

— Боже, я так по тебе скучал, — выдохнул он.

Она игриво шлепнула его по груди.

— Ты мог провести со мной последние два часа.

— Надо было закончить приготовления.

Алли оценивающе прищурилась.

— Что ты задумал? — в воздухе витал аромат томатов и базилика. Она глубоко вдохнула, и у нее потекли слюнки. — И что более важно, чем так вкусно пахнет?

— Ужином. Ты голодна? — ее живот заурчал, и Хадсон усмехнулся. — Сочту это за положительный ответ.

Она покраснела.

— Возможно, я заработалась и пропустила ланч.

Его прекрасное лицо помрачнело и насушилось.

— Алессандра, нам правда стоит обсудить твои привычки в питании, — его руки прошли по ее бедрам. — Мне нравятся твои изгибы такими, какие они сейчас, — в подтверждение своих слов он нежно сжал ее попку.

— Это было не нарочно, — она разгладила пальчиком складку, собравшуюся меж его бровей. — Но да, я постараюсь питаться регулярнее, начиная прямо сейчас. Что ты нам заказал?

— Никакой доставки. Я готовил сам.

Когда она изумленно распахнула рот, Хадсон запрокинул голову и рассмеялся. Низкий сексуальный звук стал буквально музыкой для ее ушей.

— Не делай такой шокированный вид, — сказал он.

— Я видела, как ты делаешь кофе. И попкорн. Ничего из этого не сулит хороший ужин.

Хадсон накрыл ладонью ее поясницу.

— Ты в меня совсем не веришь. Я уязвлен. Думаю, ты будешь приятно удивлена, — он кивнул в сторону кухни. — Хотя я отчаянно надеялся, что удастся убрать весь этот беспорядок до твоего приезда.

Алли проследила за его взглядом на кухню, являющуюся произведением искусства. И хоть она была единственным гостем, которого Хадсон приглашал в свой дом на озере, архитектура явно была устроена для огромных собраний людей. Потолок с балками и дощатый пол гостиной перетекал в открытое пространство, и те же разноцветные камни, которые украшали двухэтажный камин, образовывали уютный очаг вокруг варочной поверхности на двенадцать конфорок. В центре комнаты находился остров барной стойки с подвесными медными светильниками и мраморной плитой, размерами превышавшей большинство обеденных столов. Но отнюдь не вид шести деревянных барных стульев вызвал у Алли ее вопрос — а целая дюжина горшков и кастрюль, разбросанных по всей кухне.

— Ты скольких гостей ожидаешь?

— Возможно, потребовалось несколько попыток, — пробормотал он. — Но последняя партия почти такая, какой я ее помню.

— Какой ты ее помнишь? — сердце Алли взволнованно бухнуло. Хадсон так редко упоминал свое прошлое, что любая мелочь, касавшаяся его семьи, была драгоценной просто потому, что он делился ею. — Это семейный рецепт?

— Да. Мама не очень-то любила готовить, по крайней мере, насколько я помню. Но время от времени он делала болоньезе по бабушкиному рецепту.

Широкая улыбка озарила ее лицо.

— Не слишком радуйся, — предупредил он. — Ты еще не пробовала.

— Я уверена, что буду в восторге. У меня есть время переодеться перед едой?

Хадсон кивнул.

— Я подумал, что перед ужином не помешает расслабиться, выпить немного вина, — он быстро чмокнул ее в губы. — Иди освежись, а я пока попробую привести в порядок кухню.

Алли поспешила наверх и быстро приняла душ, затем переделалась в пару потертых джинсов и мягкий кремовый свитер. Ей нравилось, какими расслабленными и небрежными они были на озере. Вдалеке от банкетов и конференц-залов, в доме Хадсона они могли быть собой, есть на полу китайскую еду на вынос или танцевать босиком в гостиной. Она легкомысленно улыбнулась, подумав о времени, проведенном здесь осенью, и она все еще улыбалась, когда спустилась обратно вниз.

Успокаивающие звуки классической музыки наполнили комнату, на оттоманке стоял поднос со свечами. Декоративные подушки, обычно лежавшие на кожаном диване, были разбросаны у камина рядом с мягким покрывалом. Кухня была полностью убрана, не считая одной кастрюльки и открытой бутылки красного вина с двумя бокалами без ножек. Все было идеально, за исключением одного — Хадсона нигде не было видно.

Алли прошла на кухню. Соус, приготовленный Хадсоном, томился на маленьком огне. Она подняла крышку, испытывая соблазн попробовать, но решила подождать его, прежде чем оценивать его кулинарные таланты. Закрыв кастрюльку, она вдруг заметила что-то в

окне. Хадсон стоял прямо за французскими дверьми, ведущими из кухни на обширную террасу. Факелы на перилах не горели, но она четко видела его в лунном свете, падавшем с ясного ночного неба. Он стоял спиной к ней, но Алли понимала, что его что-то беспокоит. Это было заметно по его позе и напрягшимся плечам. Алли нахмурилась. Это было любимое место Хадсона, единственное место во всем мире, где он чувствовал себя как дома. И от того, что что-то в ее поведении могло испортить для него хоть один момент, проведенный здесь, ее сердце болезненно ныло.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она, набрасывая парку, висевшую тут же на крючке у двери.

— Наслаждаюсь видом, — Хадсон повернулся, и при виде ее все напряжение покинуло его тело. — Хотя признаю, что теперь он намного лучше, — он привлек ее к себе, обнимая сзади. — Я так рад, что ты здесь.

— Ты казался расстроенным до того, как я пришла. Беспокоишься из-за Джулиана?

— Я не перестаю беспокоиться о твоей безопасности, Алессандра. Но нет, я думал не об этом.

— Тогда о чем?

Он уткнулся носом в ее волосы.

— Ты счастлива? — голос его прозвучал хрипло.

Алли повернулась и прижалась поцелуем к его подбородку.

— Очень. Несмотря на то, что случилось за последние два месяца, я никогда не была так счастлива, как рядом с тобой, — она накрыла его щеку ладошкой, заставляя посмотреть на себя. — Я люблю тебя, Хадсон.

Его взгляд смягчился, не отрываясь от ее лица.

— Я тоже тебя люблю, Алли.

Счастливо вздохнув, она прижалась к его груди. Солнце давно село, но луна освещала полузамерзшее озеро.

— И я люблю бывать здесь с тобой. Потому что тогда я чувствую, что что бы ни ждало нас по возвращении домой, все наладится, потому что у нас есть это. У нас есть мы.

— Я должен кое-что... — остановившись на полуслове, он внезапно убрал руки. Алли почувствовала, как тепло его тела покинуло ее, когда он отступил назад.

— Хадсон? — Когда их глаза встретились, его взгляд был отстраненным, почти потерянным, красивое лицо побледнело, точно от него отлила вся кровь. Алли накрыла паника, стиснувшая горло, и она едва выдавила: — Что такое, что случилось?

— Я собирался подождать, но... — Хадсон тяжело сглотнул и опустился на одно колено. — Алессандра Синклер, я люблю тебя. И я хочу любить, почитать и заботиться о тебе до конца наших дней, — из кармана джинсов он достал маленькую красную коробочку, обтянутую кожей. Открыв крышку, он продемонстрировал сногшибательный бриллиант-солитер. И в этот раз, когда их взгляды встретились, его глаза были полны благоговения и нервного волнения. — Выходи за меня?

Хадсон смотрел на Алли, застывшую с выражением абсолютного шока на лице. Стоя перед ней на коленях, он внезапно осознал происходящее, и его накрыла тревога. Она не говорила ни слова. Тишина... и снова тишина.

— Я тут на коленях стою. Скажи что-нибудь. Скажи мне 'нет' или пошли к черту, но я бы предпочел 'да'.

— Я не знаю, что сказать.

— Не такой реакции я ожидал, — Хадсон встал.

— Не в том смысле... да, я люблю тебя... но просто... то есть ты едва меня знаешь... и мы были вместе каких-то шесть недель... и формально мы даже не вместе сейчас и...

— Для окружающего мира не вместе, но мы вместе в единственном месте, которое имеет значение — в наших сердцах. И это единственное, что не изменилось за эти годы. Я потерял тебя дважды, а я из тех мужчин, которые учатся на своих ошибках. Черта с два я потеряю тебя снова. И несмотря на множество причин не жениться, которые ты мне только что выпалила, я совершенно точно уверен, что где-то там в середине я слышал 'да'. Так что я спрошу еще раз.

Алли рассмеялась, хотя на глаза навернулись слезы.

— Хотите пожениться тайно, мистер Чейз?

— Кажется, все наши отношения были тайными, мисс Синклер, — Хадсон сделал шаг назад и опустил на одно колено. Прочистив горло, он вновь протянул красную коробочку. — Алессандра Синклер, любовь моя, жизнь моя — ты выйдешь за меня?

— Да, да, я выйду за тебя, — когда он встал, Алли бросилась ему на шею с такой силой, что он покачнулся и вынужден шагнуть назад, чтобы удержать равновесие. Обхватив ее лицо руками, он соединил их губы в нежном поцелуе.

— Скажи еще раз, — прошептал он.

Слезы потекли по ее щекам, а лицо озарила широкая улыбка.

— Да, я выйду за тебя. Большая свадьба, маленькая свадьба, все что захочешь, — она рассмеялась. — Но прошу, не выбирай Дрейк.

Хадсон хохотнул.

— Ну уж нет, — он пробежался рукой по волосам. — По правде говоря, я думал, мы могли бы пожениться здесь.

— На озере?

Он кивнул.

— Те выходные, которые мы провели здесь в октябре, то время, что мы разделили... той ночью между нами что-то изменилось. Подозреваю, что в ту самую ночь ты поняла, что любишь меня. И тогда я без сомнений знал, что люблю тебя и всегда любил, — он глубоко вздохнул. — Я постоянно рискую, Алли, но я ни за что не поставлю под угрозу то, что мы имеем. Ничто в мире этого не стоит. Мне жаль, что мне не хватило мужественности это признать.

— Ш-ш, — Алли прижала пальцы к его губам. — Я думаю, это будет идеальным местом, чтобы пожениться.

Хадсон запечатлел на ее губах легкий поцелуй и расплылся в улыбке как последний

сукин сын.

— Тогда решено. Мы поженимся завтра на закате.

— Завтра? — голос Алли подскочил до таких высот, которые могли слышать лишь четвероногие.

— Да, — категорически заявил он.

— Мы по уши в проблемах с Джулианом.

— Тем более. Несмотря на всю неопределенность в нашей жизни, я уверен лишь в одном — что хочу провести остаток своих дней с тобой. И я не вижу повода откладывать это просто потому, что Джулиан хочет выстроить чертов любовный треугольник, — Хадсон сверкнул широкой улыбкой. — Я мужчина, который хватается за представившуюся возможность. Завтра день нашей свадьбы. Я хочу обменяться с тобой клятвами, я хочу, чтобы ты взяла мое имя и стала миссис Хадсон Чейз, — Алли открыла рот, но он продолжил говорить: — Можешь взять двойную фамилию, я не стану спорить, но для наших семей, друзей и коллег ты будешь носить мое имя как моя жена. Я безумно люблю тебя, Алли, и хочу, чтобы наша совместная жизнь началась немедленно. Я не могу ждать.

— Я тоже не хочу ждать, но ты не забыл, что мы сейчас даже не встречаемся?

— Как я мог забыть? — челюсть Хадсона напряглась.

— Я знаю, что у нас не так уж много родственников, но я хотела бы, чтобы здесь были хотя бы Ник и Харпер.

— Мне тоже этого хотелось бы, но мы не можем им сказать.

— Харпер будет в ярости. У нас вроде как есть уговор быть друг другу подружками невесты и все такое.

— Конечно, Ник тоже мне это до гроба будет припоминать. Как только вся эта хрень уляжется, мы сможем пожениться еще раз, перед друзьями и семьей, столько раз, сколько ты пожелаешь и где пожелаешь. Что бы ни было угодно твоему сердцу, я дам тебе это. Можем объявить о помолвке в газетах, сделать публичные фото; черт, я даже буду спорить с тобой насчет схемы рассадки гостей, если захочешь. И можешь пригласить хоть все Чикаго, мне плевать. Но завтрашний день будет только для нас. Я хочу, чтобы ты стала моей женой, и единственный человек, чье присутствие нам требуется — это священник. Обо всем остальном позаботились — цветы, платье, прически, макияж — все, что тебе понадобится, уже готово.

— Так был уверен, что я скажу да?

Он расплылся в улыбке.

— Так надеялся.

— Погоди, ты сказал платье?

— В гостевой спальне. Я договорился с местным магазином, они прислали несколько платьев на выбор. Не беспокойся, — быстро добавил он. — Даже я знаю, что жених не должен видеть платье. Хотя с нетерпением жду, когда сниму его с тебя, — губы его сложились в порочную улыбку. — Посмотришь на них после обеда. Если ни одно не придется по вкусу, я закажу другие на завтра.

Легкий румянец окрасил щеки Алли.

— Я думала, ты знаешь мой вкус, — поддразнила она.

— О, я знаю, — губы Хадсона прошлись по ее подбородку. — Изысканное совершенство. Сладкая и полностью моя, — Алли тонула в нем, чувствуя, как он водит раскрытым ртом по ее шее. — Но когда женщина начинает говорить о выборе ткани и

фасоне корсета, я поднимаю руки и сдаюсь.

Она рассмеялась, когда он нашел чувствительное местечко за ушком.

— Ну, вам, мужчинам, проще. Черный смокинг или черный смокинг?

Его улыбка коснулась ее кожи.

— Как знать. Я мог выбрать небесно-голубой.

Отстранившись, Алли нахмурилась. Хадсон погладил бархатистую кожу ее лба большим пальцем.

— Я шучу, Алли.

— Нет, я не об этом. Что, если... Ну, просто мы с тобой вечно были в вечерних нарядах то для одного мероприятия, то для другого. Но выходные здесь мы провели в штанах для йоги и джинсах, и это были одни из самых счастливых мгновений в моей жизни. И я хочу, чтобы наша новая жизнь началась так же.

Он выгнул бровь.

— Предлагаешь пожениться в джинсах?

Алли кивнула.

— Как бы ты ни нравился мне в смокинге, таким я люблю тебя даже больше.

— Ты уверена, что не предпочла бы роскошное белое платье? Разве это не мечта каждой маленькой девочки?

— Эта девочка десять лет мечтала снова быть с тобой. И теперь я стану твоей женой. Одежда не имеет значения. Я могу надеть подобающее свадебное платье, когда мы будем жениться перед нашими семьями и друзьями. Но завтра, как ты и сказал, только для нас. И это то, кем мы на самом деле являемся.

Опустив голову, Хадсон медленно провел языком по изгибу ее губ, прежде чем сплавить их губы в поцелуе. Мышцы плеч перекатились, когда он обнял ее и крепче прижал к себе. Вкладывая все свои чувства в этот поцелуй, он подумал о том, какой женщиной стала Алли — прощающей, сострадательной, прекрасной, умной — и он был везучим сукиным сыном, что она полюбила пустую раковину мужчины, которым он являлся. Жизнь была охренительно коротка, и всей ее не будет достаточно рядом с Алли. И он женился бы на ней каждый проклятый год, чтобы доказать, что завязал с поисками. Она была той самой. Каким же бесхребетным он стал. Но ему было плевать.

Хадсон прервал поцелуй и обвел ее покрасневшие припухшие губы.

— Репетиция свадебного ужина в семь, а сразу за ней — репетиция медового месяца.

— О нет.

— Что?

— Ничего подобного до брачной ночи.

— Ты разыгрываешь меня, да?

Вспышка веселья мелькнула в ореховых глазах Алли, золотые искорки заиграли от глупой идеи.

— Может, мы и не самая традиционная пара, но я не стану заниматься с тобой сексом в ночь накануне нашей свадьбы.

— Ну ладно, просто трахни меня.

— Хадсон, — предостерегла Алли.

— Займись со мной любовью?

— Серьезно.

— Ты правда думаешь, что я буду спать с тобой в одной постели и не коснусь тебя?

Черт, Алли, целая неделя прошла.

— Нет, я посплю в одной из гостевых комнат.

— Гостевые комнаты в данный момент превратились в центр свадебной подготовки.

— Тогда посплю на диване.

— Черта с два, — Хадсон резко выдохнул. — Ты будешь спать в главной спальне, я пойду на диван. Но для галочки, правило никакого-секса-перед-свадьбой — бред сивой кобылы.

Алли безуспешно пыталась скрыть улыбку. Черт, да она издевалась над ним.

— Мне очень жаль.

— Ничего тебе не жаль, — Хадсон широко улыбнулся. — Но ты мне это еще возместишь.

— Правда?

— Хм-м. Но пока ужин с женихом.

Она хихикнула.

— Недолгая помолвка.

— Действительно, — они направились обратно в дом, и он наградил ее легким шлепком пониже талии. — Наслаждайся последним вечером в качестве мисс Синклер, детка.

Распахнув глаза, Алли замерла. Сердце бешено колотилось, она вслушивалась в темноту, молясь, чтобы разбудивший ее звук оказался сном. Но тут она вновь услышала его, гортанный стон мучительной боли.

— Нет... оставьте его... не забирайте его.

Крики Хадсона заставили ее выскочить из постели. Сбежав по лестнице, она увидела его скорчившимся на диване, сжимавшим простыни в кулаке, как будто его куда-то тянули. Сначала Алли подумала, что кошмар связан с потерей Ник, что он переживает тот ужасный момент, когда брата буквально вырвали из его рук. Но потом он сказал кое-что еще. Кое-что, заставившее ее остановиться на полпути.

— Его глаза открыты... заставьте его дышать... Папа! — последнее слово вышло первобытным криком, ударившим ее почти с физически ощутимой силой.

— Хадсон! Проснись! — но его глаза все еще были закрыты, голова металась из стороны в сторону, ноги пинались. Подбежав к нему, она опустилась на колени рядом с диваном и потрясла его за плечи. Она ощутила, как бешено колотится его сердце под промокшей от пота футболкой. — Хадсон, проснись. Пожалуйста.

Он резко вскинулся, хватая ртом воздух. Дикий и перепуганный взгляд лихорадочно метался по комнате, освещенной лунным светом, пока наконец не остановился на Алли.

— Что такое? — он судорожно вздохнул. — Что случилось?

— Тебе опять приснился кошмар.

Хадсон тяжело выдохнул и провел рукой по лицу.

— Извини, что разбудил.

Алли присела рядом с ним на диван.

— Хочешь поговорить об этом? — спросила она, уже зная ответ.

— Нет.

— Это может помочь.

— Я же сказал, я не хочу это обсуждать.

— Ты не можешь и дальше прятать это, Хадсон.

— Я в норме, — сказал он. — Давай спать дальше.

— Но ты не спишь, — голос ее сделался тише. — И я беспокоюсь о тебе. Как долго это продолжается?

— Большую часть моей жизни.

— И как часто?

— По-разному. Они прекратились на какое-то время.

— Когда они вернулись?

Хадсон потер переносицу.

— Недавно.

— Когда мы вернулись из Европы?

— Да, — он провел рукой по мокрым от пота волосам. — Это все мое беспокойство за твою безопасность. Как только все это закончится, я буду в порядке.

— Перестань так говорить, — она видела, что кошмар все еще не оставляет его. Он был не в порядке, и не будет, пока не разберется со своими демонами раз и навсегда. —

Ситуация с Джулианом, может, и вернула их, но ты сам сказал, что они у тебя всю жизнь.

— И я справлялся с ними, — он попытался встать, но Алли его остановила.

— Я видела их всего несколько раз, — сказала она. — Но похоже, они разрывают тебя изнутри. Пожалуйста, поговори со мной. Расскажи мне о своих кошмарах.

— Поверь мне, ты не захочешь сидеть в первом ряду на гребаном шоу, творящемся в моей голове.

— Тогда расскажи мне о своем прошлом, — Алли понимала, что то, что преследует Хадсона, идет из его юности. Возможно, если бы ей удалось уговорить его рассказать о тех днях, она смогла бы добраться до корня его мучений. — Завтра я выхожу за тебя замуж, Хадсон, — взяв его за руку, она погладила место, где вскоре должно было появиться обручальное кольцо. — Мы обменяемся кольцами и поклянемся быть партнерами... во всем. В горе и в радости. Пожалуйста,пусти меня.

Он перевел взгляд от их сплетенных пальцев к ее умоляющим глазам.

— Что ты хочешь знать? — хрипло спросил он.

— Расскажи мне о своей семье. Какой она была в твоём детстве? Из того немногого, что я знаю, похоже, не всегда все было плохо.

Напряжение его плеч немного ослабло.

— На самом деле, все было идеально. Я имею в виду, мы не сорили деньгами, но мы были счастливы. И мои родители действительно любили друг друга. Черт, да для моей матери весь мир вращался вокруг отца. Я появился раньше, чем планировалось, и Ник, ну, он был неожиданностью. Но мы всегда чувствовали себя желанными детьми.

Алли мало что знала об его отце, кроме того, что он покинул их жизнь, когда Хадсон и Ник были еще совсем маленькими.

— Каким он был, твой отец?

Легкая задумчивая улыбка осветила лицо Хадсона.

— Он был совершенством. Очень работающий. Выглядел во многом как я, но чувство юмора получше. И он мог сыграть любую песню на гитаре, услышав ее всего один раз.

— Звучит здорово.

Хадсон кивнул.

— Он много работал, чтобы обеспечить нас — ничего роскошного, но жизнь была хорошей.

— Так что случилось?

Он нахмурился, улыбка исчезла.

— Я все испортил, вот что случилось, — он замолчал, и на мгновение Алли подумала, что он больше ничего не скажет, но он удивил ее, продолжив: — Мы возвращались из похода. Расточительные каникулы для нас не были вариантом. Мы ездили в дорожные путешествия со всеми сопутствующими сложностями. Было поздно, и мы остановились, чтобы папа заправился и отвез нас домой, но я проголодался и хотел купить какую-нибудь еду в магазинчике. Мама запретила мне, сказала, что сделает нам с Ником сэндвич с арахисовым маслом и желе, когда приедем домой, — он сморщился. — Белый хлеб. До сих пор эту хрень не перевариваю. Но я был эгоистичным ублюдком, и мне этого было недостаточно. Я закатил чертову истерику, пока папа не сдался. Он сказал, что купит что-нибудь для меня и Ники, но пока я перечислял варианты, ворвался парень, размахивавший пистолетом.

Алли невольно ахнула.

— Он продолжал кричать, чтобы мы легли на пол и не делали ни одного гребаного движения, иначе он засадит пули в наши черепа, — Хадсон тяжело сглотнул. — Я едва не описался от страха, но отец был охренительно спокоен.

— Вы были одни в магазине?

Он покачал головой.

— Была еще леди, пытавшаяся купить пачку сигарет, и насколько я различил, какой-то старик с пивной ломкой. Парень с пистолетом орал на кассира, чтобы тот открыл кассу, но бедняга дрожал как лист, ронял деньги, мелочь раскатилась по всему полу. Я подумал, может, он нажмет на какую-нибудь кнопку тревоги или достанет свой собственный пистолет, но он был просто до усрачки напуган, как и все мы. В кассе оказалось только пятьдесят баксов, так что парень начал орать, чтобы он открыл сейф. Кассир попытался его образумить, повторял, что не знает комбинацию, ее знает только менеджер — но грабитель совсем рехнулся.

Алли задержала дыхание. В тот момент она сделала бы что угодно, чтобы переписать историю и изменить то, что как она понимала, было ее концом. Но она могла лишь слушать, как Хадсон перечисляет ужасающие детали той ночи.

— Мой папа оставался спокойным и сдержанным. Гребанный чертов герой, он пытался поговорить с этим мудаком, даже предложил ему наши последние деньги, лишь бы он убрался из магазина. Но как только папа потянулся за бумажником, парень взмахнул пистолетом и выстрелил, не задумываясь, — Хадсон напрягся всем телом. — Пуля попала в груди, и он рухнул на пол. Я не знал, что делать. Он пытался дышать, кровь была повсюду, и я зажал рану руками, — его голос надломился. — Я не мог ее остановить. Кровь продолжала сочиться сквозь мои пальцы.

У Алли сдавило грудь. Сцена, которую описывал Хадсон, встала перед ее глазами с поразительной ясностью.

— Глянув на папу, парень удрал со всех ног. Ник и мама видели все происходящее с парковки. Кто-то, наверное, удержал Ники, но мама сразу же ворвалась внутрь, крича и плача. Все превратилось в хаос, но в то же время как будто проигрывалось в замедленном режиме. Люди кричали, вдалеке вопили сирены, и кровь... столько много гребаной крови... — он крепче сжал ее руку. — Мой папа умер до приезда скорой. Я никогда не забуду момент, когда его глаза расфокусировались, и его хватка на моей руке разжалась.

Горячие слезы стекали по щекам Алли.

— Мне так жаль, Хадсон.

— Если бы я довольствовался чертовым бутербродом с арахисовым маслом и желе, мой отец все еще был бы жив. Моя мать была бы жива. Ник не слетел бы с катушек. Все в нашей жизни было бы по-другому. Мы могли быть счастливы, но я все испоганил.

— Ты думаешь, что как-то виноват во всем случившемся с тех пор?

Он недоверчиво посмотрел на нее.

— Цепочка событий началась той ночью.

И вот оно, то отрезвляющее чувство вины, что Хадсон носил в себе. Оно руководило каждым его шагом и преследовало даже во сне.

— Ты был всего лишь ребенком. Все дети изводят своих родителей.

— Они мертвы из-за меня. Ника забрали из-за моих поступков. Это не оправдывает последствий моих действий, и нет этому прощения.

— Тут ты ошибаешься, Хадсон, — голос ее был мягким, но в нем слышалось

непоколебимая уверенность. — У твоей матери явно были более крупные проблемы, но Ник определенно тебя не винит. Если ты не заметил, он смотрит на тебя так, будто луна есть на небе только потому, что ты ее туда повесил, — она подарила ему ободряющую улыбку. — И судя по тому, что ты рассказал об отце, он меньше всего хотел бы, чтобы ты жил в этом аду, — Алли положила свободную руку на шею Хадсона, поглаживая влажные волосы на затылке. — Ты должен простить себя.

Он нахмурился.

— Проще сказать, чем сделать.

Какое-то время они сидели молча, пока Алли не нарушила тишину.

— Спасибо тебе.

Он вопросительно посмотрел на нее.

— За что?

— За то, что доверился мне настолько, чтобы впустить. Я хочу делить с тобой все, Хадсон, плохое и хорошее. И я хочу помочь тебе пережить это, но я не профессионал. Ты хотя бы подумай о том, чтобы поговорить об этом с кем-нибудь?

Он обреченно выдохнул.

— Подумаю. Для тебя.

Алли знала, что он должен сам захотеть помощи, а не потому, что она об этом просила. Но она также понимала, что для него было огромным шагом открыться, а вопрос о терапии с психологом был еще большим прыжком. И за это она была искренне благодарна.

— Я не могу передать словами, как много это значит для меня.

Выражение, мелькнувшее в его глазах, сказало ей, что он избавился от этой темноты.

— Достаточно, чтобы отменить эмбарго на секс? — спросил он, криво усмехаясь.

— Ни за что, — она рассмеялась, но потом смягчилась. — Но я бы хотела побыть немного с тобой, если не возражаешь.

Улыбнувшись, Хадсон уложил ее рядом и прижался грудью к ее спине.

— Я думал, что вчера ясно заявил о своих намерениях, — сказал он, утыкаясь носом в ее шею. — Я хочу, чтобы ты была со мной вечно.

Алли покосилась на часы на каминной полке. Яркий свет, наполнявший комнату, говорил о том, что было по меньшей мере позднее утро, но она все равно не ожидала, что обе стрелки будут указывать на двенадцать. Обычно она не спала до полудня, но последние несколько недель, очевидно, взяли свое. И полуночный разговор с Хадсоном принес умиротворение, какого она давно не испытывала. Еще столько всего оставалось нерешенным, но последний барьер пал. Они были командой, и они встретят все препятствия лицом к лицу, с высоко поднятой головой.

Сзади Хадсон заворочался во сне, его рука крепче обвила ее талию. Закрыв глаза, Алли наслаждалась ощущением того, как он прижимается к ней всем телом. Лежать рядом с ним в этой сонной неге, балансируя на границе сознания, было ее любимым началом дня. Но сегодня был не просто какой-то день. Сегодня день ее свадьбы.

День ее свадьбы.

Последние остатки сна мгновенно улетучились, и Алли подскочила на кровати. Вскинув руки, она закрыла ладонями лицо Хадсона.

— Не открывай глаза.

Хадсон застонал, губы изогнулись в сонной улыбке.

— У меня для таких вещей есть глазные повязки, Алессандра, — произнес он хриплым со сна голосом. — Хотя я бы предпочел, чтобы ее надела ты.

Алли закатила глаза, хоть и знала, что он этого не увидит.

— Я не это имела в виду. Не хочу, чтобы ты меня видел.

Он хихикнул.

— Обещаю жениться на тебе, несмотря на то, какой ты выглядишь спросонья.

— Очень смешно, Чейз. Но если только ты не хочешь отложить свадьбу еще на день, держи глаза закрытыми. Плохая примета, если жених видит невесту до церемонии.

— Ты серьезно решила следовать всем этим приметам?

— Учитывая наш с тобой послужной список, я не хочу рисковать. Поэтому нам понадобится как можно больше хороших знаков. Договорились?

— Не мне связываться со всеми этими знаками, — он улыбнулся под ее руками. — Я буду держать глаза закрытыми. Даю слово.

Алли соскользнула с дивана и метнулась в одну из гостевых спален. Надежно запершись внутри, она крикнула ему.

— Все чисто.

Мгновение спустя в дверь постучали.

— И долго ты там планируешь оставаться? — спросил Хадсон с другой стороны.

— Ну, зависит от обстоятельств. Долго еще до церемонии?

— Четыре часа.

— Тогда я останусь здесь на четыре часа.

По другую сторону двери раздался низкий смешок.

— Нет необходимости. Мне нужно решить несколько последних вопросов. Дай мне пару минут, и весь дом в твоем распоряжении.

— Вопросов? Что ты задумал? — но из-за двери не донеслось ни звука. Спустя,

казалось, целую вечность, она услышала шаги по лестницы и звяканье посуды на кухне.

Какого черта он там делает?

Ответ она получила на записке, просунутой под дверь.

'Ланч на кухне, ванна ждет тебя наверху.

Встретимся у алтаря.

— Х.'

Встретимся у алтаря? Какого алтаря?

— Хадсон? — она подождала пару минут и, не получив ответа, открыла дверь и обнаружила...

Ничего. Ни следа Хадсона, никаких дальнейших объяснений. Впрочем, на кухне ждал прекрасный ланч из фруктов, сыра, хрустящего хлеба и баночки ее любимой газированной воды. Похоже, ее жених продумал все на свете. Что касается остальных вопросов, ей оставалось лишь довериться ему, что все со временем станет явным.

Алли наложила себе небольшую тарелку еды и взяла с собой в хозяйские апартаменты. Как и обещано, ванна была набрана, и судя по вкусному запаху, витавшему в воздухе, в воду были добавлены жасминовое и ванильное масла. Горел двусторонний камин, разделявший спальню и ванную, на шиферной плитке по краю ванны мерцали свечи.

Почти мгновенно одежда Алли оказалась сваленной на пол, а она сама погрузилась в огромную медную ванну. Теплая вода была раем для ноющих мышц, и вскоре боль, вызванная ночью сна на диване, начала исчезать. Она положила голову на край ванны и закрыла глаза. Мысли о вечере наполнили ее воображение, и она улыбнулась. Еще до наступления ночи Хадсон станет ее мужем. Они обменяются кольцами и клятвами, соединив их жизни в одну.

Алли распахнула глаза. Она не сомневалась, что Хадсон позаботился об обручальных кольцах, но клятвы они не обсуждали. Они повторят традиционные фразы за священником или произнесут свои собственные клятвы? Решив, что береженого Бог бережет, она торопливо встала, расплескав воду через край, и потянулась за полотенцем.

Сказать Хадсону о своих чувствах к нему — не проблема; проблема уместить это в подобающую длину. Завернувшись в белый пушистый халат, Алли вдруг начала хохотать. Вот в чем ее проблема — написать клятву, которая не затянется до рассвета. Контраст с планированием ее предыдущей свадьбы был просто комичен. И в сотый раз за день она понимала, что приняла верное решение.

Несмотря на ее изначально противоположную реакцию, Алли нравилась идея пожениться тайно. С самой первой их встречи какие-то силы удерживали их на расстоянии. После всего того, через что они прошли, и что еще ждало впереди, самым логичным казалось начать новую жизнь на своих условиях.

И место, выбранное Хадсоном, было идеально. Он был прав — здесь она ясно осознала, что любит его. Они, без сомнения, поженятся еще раз, для семьи и друзей, но ей нравилось, что их первые клятвы будут произнесены в месте, столь важном для их обоих.

С этими мыслями она притащила на кухню бумагу с ручкой и начала изливать чувства на бумагу. В конце концов, получилось две версии: одна — набор клятв, которые она могла прочесть в нормальный промежуток времени; другая — изливание ее мыслей и чувств в форме письма, которое она собиралась отдать своему новоиспеченному мужу как свадебный

подарок ближе к ночи. Ее мужу. Она когда-нибудь привыкнет его так называть? И от осознания, что у нее будет целая жизнь, чтобы привыкать, по телу разлилось тепло.

Когда Алли наконец-то закончила писать, было почти два часа. Хадсон сказал, что церемония состоится в четыре, поэтому у нее оставалась уйма времени для сборов. Он предложил прислать несколько сотрудников спа-отдела отеля Гранд Женева, чтобы те побаловали и приготовили ее, но Алли отклонила это милое предложение. Сохранить интимность и уединение этого дня было важно для нее, а это значило свести все вмешательства к минимуму.

Поэтому вместо того, чтобы валяться, пока вокруг нее мелькают белые халаты, Алли готовилась к свадьбе одна. В животе порхали тысячи бабочек, Фрэнк Синатра тихо напевал из ее iPod-а. Она нанесла легкий естественный макияж, зная, что Хадсону такой нравится, и собрала волосы в прическу из свободных локонов, закрепленных жемчужными невидимками. Несколько спадавших завитков обрамляли ее лицо, пара простых бриллиантовых гвоздиков украшала уши. Откинувшись назад, Алли любовалась своим отражением. Даже она сама вынуждена была признать, что сияла, и это не имело ничего общего с бронзером, нанесенным на щеки — это все мужчина, с которым она вот-вот встретится у алтаря.

Кстати, о ее загадочном мужчине...

Что, черт подери, он делал целый день?

Был только один способ выяснить, и после прически и макияжа пришло время одеваться.

Гардеробная была полна разной одежды, начиная от лыжных брюк до нижнего белья. В самом конце комнаты висел ряд длинный белых футляров с платьями. Алли расстегнула их один за другим. Без сомнения, свадебные платья из салона были просто сногсшибательными. Элегантные туалеты из шелка и тюля, некоторые искусно расшитые бисером, другие более простые и утонченно стильные. Любое из них было бы прекрасным выбором.

Но вместо этого Алли выбрала белый свитер из ангоры, висевший с повседневными нарядами, и дополнила его любимой парой темных джинсов. И вместо хрустальных туфель от Джимми Чу она надела пару отороченных мехом высоких ботинок со шнуровкой. Наряд был до невозможности далек от платья, которое она должна была надеть на свадьбу с Джулианом, и он не мог быть более идеальным. Потому что сегодня не Алессандра Синклер становилась маркизой Лорен на тщательно продуманной церемонии, которая по сути была лишь приукрашенным слиянием. Сегодня Алли Синклер становилась миссис Хадсон Чей: через простой обмен клятвами с мужчиной, который был ее первой и последней любовью.

Но выйдя из спальни, она обнаружила, что дом все еще пуст. Хадсона нигде не было видно, как и алтаря. Возможно, он опять на улице? Пройдя на кухню, она раскрыла французские двери, которые вели на балкон. Он был пуст, факелы по периметру также не горели. Она уже собиралась вернуться назад, как ясно услышала ржание лошади. Она прошла по балкону к передней части дома. Там, у самого основания лестницы стояли запряженные лошадью сани. Величественный клейсдесдальский скакун приветствовал ее тихим радостным ржанием и мотанием головы, отчего она невольно хихикнула.

— Сюда, мисс Синклер, — сказал кучер, указывая на небольшую лесенку, приставленную к блестящим белым саням.

— Дайте мне захватить пальто.

— Нет необходимости, — он взял белую парку и раскрыл, помогая надеть ее на плечи.

Может, она и выходит замуж в джинсах и свитере, но ее заботливый жених позаботился, чтобы верхняя одежда была белой как у невесты. — На сиденье есть одеяло, — добавил мужчина.

Алли приняла его руку и забралась в сани. Конечно же, на сиденье, обитом мягким бархатом, лежало роскошное покрывало из искусственного меха. Ее поражало внимание Хадсона к деталям, вплоть до букетика белых роз, перевязанного широкой сатиновой ленточкой.

Со щелчком поводаев они отправились в путь. Сани скользили меж деревьев позади дома. Солнце почти село, свежий снег под полозьями отливал серебристо-голубым. Несколько мгновений спустя в отдалении показался простой деревенский амбар. Она улыбнулась про себя, зная, что в этом амбаре стоял ее любимый мужчина, ждущий, когда она пройдет к алтарю в его объятия. Но когда дверь открылась, у нее перехватило дыхание, и она сбилась с шага. И хоть она весь день думала об этом моменте, все ее фантазии оказались далеки от того, что ждало ее в этом амбаре.

Свечи занимали почти все доступные поверхности, освещая амбар теплым мягким светом. Над головой мерцали крошечные огоньки, точно звезды на ночном небе, с сеновала каскадом спадали белые цветы, создавая впечатление зимней сказки в помещении. От двери начиналась присыпанная лепестками роз белая дорожка, которая вела к дальнему концу амбара, к алтарю, где еще больше цветов образовывали арку над священником. Но вид Хадсона заставил Алли застыть, почти забыть как дышать, не говоря уж о том, чтобы идти. Их глаза встретились, и эта улыбка на его лице подтвердила, что он чувствовал то же самое, то же страстное желание, пульсировавшее между ними с их первой встречи. Их влекла друг к другу почти осязаемая магнетическая сила, перед которой меркли все препятствия и обстоятельства. Только теперь это была не просто похоть, влечение, желание или нужда. Теперь это была любовь.

Черт, дыши, напомнил себе Хадсон. Сердце колотилось в груди точно отбойный молоток. Десять лет и несколько месяцев, часов, дней, минут и секунд расплылись в мне-это-все-неважно.

Вот оно. Момент настал, Чейз.

Он стоял у импровизированного алтаря под навесом из цветов и гирлянд, окруженный десятками свеч, которые освещали винтажный амбар теплым свечением. Позади него стоял священник, готовый начать церемонию, а на улице начала падать снег. Хадсон посмотрел на часы, а затем мельком глянул на заиндевевшее окно. Его любимая женщина была где-то там, в санях, запряженных лошадей. В любой момент двери могут распахнуться, и она пройдет по этой белой дорожке, протянувшейся по всему полу.

Мысль о ней, стоящей в дверях, ничуть не облегчило напряжение в груди. Хадсон поднял руку, чтобы провести по волосам, но вовремя остановился. Когда придет Алли, он не хотел выглядеть так, будто только что скатился с постели. Проклятье, он нервничал. Будь на нем галстук, он бы его периодически поправлял. Но Алли его снова удивила. Так что вместо мартышкиного костюма (32) он ждал свою будущую жену в джинсах и кашемировом свитере. Его жену. Эти слова здорово ударили по нему. Он покачался на пятка и глубоко вздохнул. Он должен быть спокойным, невозмутимым и собранным, и ему нужно взять себя в руки как можно скорее.

Священник хихикнул.

— Расслабься, сын мой. Здесь только ты и твоя невеста.

Да ты что. Во всем мире был лишь он и его невеста. Хадсон потер бровь и слегка нахмурился. При других обстоятельствах Ник стоял бы рядом, дразня его и отпуская шуточки насчет потерянных колец. По правде говоря, он чувствовал себя последним сукиным сыном, не говоря брату о том, что делает, но ситуация критична, и их бракосочетание должно остаться тайной. Это было необходимо, но это не значит, что это было ему по душе. Он ненавидел тот факт, что священник и виолончелист будут единственными свидетелями момента, когда Алессандра Ингрэм Синклер станет его женой.

И в этот самый момент двойные двери открылись, виолончелист заиграл, и вся нервозность Хадсона исчезла.

Она была прекрасна. Нет, этого недостаточно. Элегантна. Гребанный ад, идеальна.

Хадсон смотрел, как Алли идет к нему под Thinking Out Loud (33) в переложении на виолончель, и невольно вспомнил, как увидел ее в первый раз. Она шла по пляжу — загорелые ноги, сарафан, светлые веснушки на носу и выгоревшие на солнце волосы. Он никогда не мечтал стать достойным ее, не говоря уж о том, что однажды она будет принадлежать ему. Тогда он был никчемным сопляком и не особо стал лучше с тех пор, но остаток своих дней посвятит тому, чтобы быть мужчиной, которого она заслуживает.

Боже, он любил ее. Почему она так долго идет к этому алтарю? Он едва сдержался, чтобы не встретить ее на полпути, но ничего не мог поделать с идиотской улыбкой, осветившей его лицо. И провалиться ему на месте, если эта улыбка не становилась шире с каждым ее шагом.

— Быстрее, — одними губами произнес он.

Ее смущенная ответная улыбка была поначалу лишь поднявшимся уголком рта, но потом лучезарно осветила все ее лицо.

— Я люблю тебя, — так же одними губами произнесла она. Она была столь прекрасна, и все еще нервничала, чего он совсем не хотел в данный момент.

— Дыши, детка, — прошептал он.

Музыка замедлилась, остановилась, и тогда...

— Сегодня вы празднуете один из величайших моментов в вашей жизни, — начал священник, — признаете ценность и красоту любви, сочетаясь брачными клятвами. Слова могут быть прекрасны, но лишь действия имеют значение. Одно должно быть сказано; одно — обещано; одно — пережито; и одним положено насладиться. Одно — этот день; другое — ваши жизни. Прошлое важно, но ваши жизни лежат в будущем.

Хадсон крепче сжал руку Алли. Стоять у алтаря с ней было подобно чувству, будто они взобрались на Эверест и наконец достигли вершины.

— Вы вступаете в священный статус, который является самым сокровенным опытом и самым таинством божественной любви. Нет нежнее уз между людьми, нет клятв священнее тех, что вы собираетесь принести. У вас есть кольца?

Хадсон достал из кармана кожаную коробочку и открыл ее, демонстрируя два платиновых ободка. Алли взяла его кольцо с сатиной, надежно удерживавшего ободок на месте, и Хадсон сделал то же самое с ее кольцом и убрал коробочку обратно в карман. Держа кольцо, он повернулся к Алли и посмотрел на нее так, точно держал в своих объятиях.

— Я, Хадсон, беру тебя, Алли, в свои жены. Этим кольцом, на этой церемонии я делаю тебя той, кем ты должна была стать давным-давно. Я обещаю быть твоим любовником и спутником, твоим самым большим поклонником и самым большим вызовом и соперником, — его губы сложились в радостную улыбку. — Обещаю сохранять честные и бесстрашные отношения, — не отводя взгляда от ее лица, он надел кольцо на ее палец. — Я соединяю свою жизнь с твоей, прими это кольцо как знак моей любви и верности.

Взяв левую руку Хадсона и посмотрев ему в глаза, Алли начала произносить свои клятвы.

— Я, Алли, беру тебя, Хадсона, в мужья, будучи твердо уверенной, что ты моя единственная истинная любовь.

Губы Хадсона сложились в улыбку. Даже не обсуждая, оба они написали свои клятвы, отказавшись от традиционных.

— Я приношу тебе торжественную клятву быть твоим верным партнером в хорошие времена и плохие, быть рядом в болезни и в здравии, в радости и горе. Я обещаю любить тебя безоговорочно, утешать тебя в трудную минуту, поощрять твои мечты и цели. Я буду смеяться вместе с тобой, и я буду плакать вместе с тобой, расти с тобой разумом и душой, и прежде всего заботиться о тебе всю нашу жизнь, — она надела кольцо на его палец, и несмотря на все проблемы, все еще висевшие над ними, все в этом мире казалось правильным. — Прими это кольцо как знак моей бесконечной любви.

Хадсон держал ее за руку, и они просто стояли, глядя друг на друга. Эмоции, сиявшие в глазах молодой невесты, отражали его собственные. Она была его любовью, его жизнью, его домом. Они стояли, растворившись в моменте, пока священник не кашлянул.

— Выслушав обещания вашей привязанности и клятвы верности, я властью, данной мне штатом Висконсин, объявляю вас мужем и женой, — он посмотрел на них и улыбнулся. —

Можете поцеловать невесту.

Хадсон обнял Алли и притянул ближе.

— Наконец-то ты моя, — прошептал он, прежде чем соединить их губы в медленном томительном поцелуе. Отстранившись, он заметил теплый румянец, заливший ее щеки, и провел пальцем по подбородку. — Ты выглядишь изумительно.

— И что будет дальше? — спросила она почти смущенно.

Хадсон улыбнулся.

— Вся наша жизнь, миссис Чейз.

(32) Так называют любую официальную одежду, поскольку та якобы напоминает костюм мартышки бродячего шарманщика.

(33) Песня Ed Sheeran — Thinking Out Loud

Поездка обратно в дом на озере была полна падающего снега, нежных касаний и прошептанных слов. Алли и Хадсон не могли глаз оторвать друг от друга, не говоря уж о руках, вот почему она едва заметила фонари, обрамлявшие подъездную дорожку, пока сани не остановились перед домом.

Она повернулась на обитом бархатом сиденье. Еще больше свечей в стеклянных подсвечниках были расставлены на лестнице.

— Это прекрасно, — произнесла она.

Хадсон выбрался из саней, и когда он протянул руку, его платиновое обручальное кольцо блеснуло в лунном свете. Вид ее кольца на его пальце заставил живот Алли затрепетать. Это официально. Он принадлежит ей. Навеки. И встретившись с ним взглядом, она поняла, что он прочел ее мысли, будто они были написаны на ее лице. И то, как сияли его голубые глаза, когда он ждал, пока его молодая жена выберется из свадебной повозки, говорило о том, что он чувствует то же самое. Она принадлежала ему, и ничто другое в этом мире не имело для него значения. В тот момент ей казалось, что он просто не может выглядеть сексуальнее. Но он заговорил, и все ее внутренности расплавились.

— Пойдемте, миссис Чейз, — сказал Хадсон, приподнимая уголок рта в озорной улыбке. — Вас ждет свадебный прием.

Алли вопросительно подняла бровь, вкладывая руку в его ладонь.

— Что ты задумал? — едва она поставила одну ногу на край саней, как он нагнулся и подхватил ее на руки. — Хадсон! — взвизгнула она. — Что ты делаешь?

Он хихикнул.

— Переносу свою невесту через порог, — крепко прижимая ее к груди, он без труда поднялся по лестнице. Добравшись до верха, он распахнул входную дверь, не потрудившись отвести от нее взгляд. — Я люблю тебя, — прошептал он перед тем, как их губы вновь соединились. Поцелуй начинался мягко, почти благоговейно, но потом руки Алли зарылись в его волосы, притягивая ближе, а его язык принялся жадно ласкать ее. Он крепче прижал ее к себе, углубляя поцелуй. Она чувствовала каждую его мысль, каждую эмоцию в том, как двигались его губы. Пробуя ее на вкус, поглощая ее, любя.

Когда он наконец отстранился, она едва могла дышать.

— Вот это улыбка, — сказал он. — А ты еще даже не видела моей лучшей работы.

Алли знала, что улыбается как идиотка, но ей было все равно. Она вышла замуж за единственного мужчину, которого по-настоящему любила. И остаток ночи она собиралась показывать ему силу этой любви.

— Так, я тут подумала...

— Я опасаясь, когда ты так начинаешь предложение, Алессандра, — поддразнил он.

Она шутливо ударила его по плечу.

— Я думала, что в частной церемонии есть один большой плюс — теперь ничего не удерживает меня от того, чтобы раздеть тебя. Немедленно.

В глубине его груди завибрировал смешок.

— Как бы я ни ценил твой энтузиазм, — произнес он, и взгляд его потемнел, а голос сделался хриплым, — и как бы мне ни хотелось заявить свои права на тебя как на мою жену,

есть еще несколько традиций, которые нужно соблюсти.

Он поставил ее на ноги, и Алли впервые получила возможность осмотреть гостиную. Небольшой круглый столик стоял перед камином, где на двух березовых поленьях танцевало пламя. Стол был укрыт белой скатертью, и между двумя элегантными приборами из китайского фарфора стояла ваза с белыми розами. Подойдя ближе, Алли увидела, что ужин уже подан, а открытая бутылка шампанского ждет в серебряном ведерке со льдом. Какую бы команду эльфов ни нанял Хадсон, чтобы организовать этот очень приватный прием, они ушли совсем недавно.

— Идеально, — пробормотала она.

Хадсон выдвинул перед Алли стул и подождал, пока она сядет. Но вместо того, чтобы обойти стол и занять свое место, он взял нож для масла из ее приборов и деликатно постучал им по бокалу.

— Что ты... — она хихикнула, когда ответ на невысказанный вопрос пришел на ум. Улыбнувшись в ответ, Хадсон наклонился и мягко поцеловал ее в губы. — Вау, а ты не шутил насчет традиций, да? (34)

— Это только начало, детка, — он не стал объяснять дальше и вместо этого перешел к делу — налил им по бокалу шампанского и произнес тост, от которого ее сердце растаяло и пальчики на ногах подогнулись. Они поужинали при свечах, непринужденно беседуя о церемонии, смеясь над тем, что должен был подумать священник, увидев ее, идущую к алтарю в джинсах. Или что кучер в санях, должно быть, счел их хуже пары перевозбуждившихся подростков. Но по большей части они лишь смотрели друг на друга с невысказанной признательностью за этот момент.

Как только Алли доела последний кусочек, Хадсон потянулся через стол и взял ее за руку.

— Мне нравится, как смотрится на тебе мое кольцо, — сказал он, поглаживая большим пальцем платиновый ободок.

— Помечаешь территорию?

Он хихикнул.

— Типа того. Поскольку я так понимаю, татуировка с надписью 'Моя' не вариант.

Алли нахмурилась.

— Эй, — он бережно сжал ее ладонь. — Я же просто шучу.

Она улыбнулась.

— Я знаю.

— Тогда что не так?

Ее взгляд упал на их переплетенные пальцы.

— Я всегда думала, что когда надену обручальное кольцо, то никогда больше его не сниму.

Она виновато пожала плечами.

Хадсон взял ее руку и прижался губами к кольцу.

— Настанет день, и это кольцо никогда не покинет твой пальчик, — его взгляд на мгновение помрачнел, но потом вернулось беззаботное веселье. — Но пока что время резать торт.

— Торт?

Он оттолкнулся от стола и встал.

— О да, я может и не профессиональный организатор мероприятий, но даже такой

простой смертный как я знает, что жених с невестой должны разрезать торт.

Повернувшись, Алли смотрела, как ее муж направляется на кухню, полностью очарованная им. То, что он постарался объединить столько традиций в их импровизированном приеме, было ужасно мило. И все же она невольно думала о том, сколько традиций они упускают, сколько они не смогли бы соблюсти в любом случае. Даже если бы они пригласили на свадьбу половину Чикаго, отец Алли все равно не смог бы отвести ее к алтарю. Хадсон все равно не танцевал бы со своей матерью.

Она выпрямилась на стуле и отбросила нежелательные мысли из головы. Хоть они с Хадсоном и многое потеряли, они обрели друг друга, а ведь еще недавно это казалось им невозможным. И у них есть Ник и Харпер. Алли слегка нахмурилась при мысли, что они не поделились этим событиям с двумя самыми важными людьми в их жизни.

Хадсон внезапно оказался позади нее, прижавшись губами к уху.

— Мы сделаем все это еще раз перед дорогими нам людьми, — прошептал он, демонстрируя еще один пример сверхъестественного чтения ее мыслей.

Торт, который он поставил перед ней, выглядел почти слишком красивым для того, чтобы есть. Трехуровневый, с каскадом цветов из чего-то, по запаху напоминавшего ее любимую сливочную глазурь. Это миниатюрное творение было в точности тем, что она сама выбрала бы, и размер его как раз подходил для двоих.

— Кажется, эта честь принадлежит невесте, — сказал он, протягивая ей нож для торта с белым сатиновым бантиком на хрустальной рукоятке. Алли приняла его, заметив на лезвии переплетенные буквы А и Х и дату.

— Кажется, мы должны сделать это вместе.

Хадсон положил ладонь поверх ее руки, и они отрезали один кусок торта. Он отломил небольшой кусочек пальцами и поднес к ее губам.

— Открой ротик, детка, — тон его голоса вторил озорному блеску глаз.

Алли отстранилась и грозно на него посмотрела.

— Даже не думай об этом, Чейз, — традицию бросать друг другу торт в лицо она с удовольствием пропустила бы.

— А не то что, Чейз? — серьезное выражение лица перешло в веселый смех. — Расслабься. Хоть мне и понравился результат, сегодня я не собираюсь повторять наши занятия по украшению печенья.

— И что ты задумал на сегодня?

— Торт, Алессандра, — сказал он, игнорируя ее вопрос.

Алли поборола желание закатить глаза и вместо этого просто встретила его взгляд, пока он положил ей в рот кусочек торта.

— Вкусно.

— Дай попробую, — Хадсон зарылся пальцами в волосы Алли и привлек ее к себе. Его губы мягко двигались поверх ее губ, язык глубоко проникал в неспешном поцелуе. Когда он закончился, Алли была более чем готова покинуть прием и направиться напрямик в люкс для молодоженов, но Хадсон, похоже, не торопился. Он потянулся за пультом, лежавшим на столе, и нажал на кнопку.

— Время для первого танца, — из динамиков полилась песня Эда Ширана, под которую Алли шла к алтарю.

Расплывшись в улыбке, она приняла руку Хадсона.

— Ты правда продумал все на свете, да?

Он поднял руку Алли над головой и закружил по гостиной. — Я хотел, чтобы этот вечер стал особенным для тебя, — скользнув рукой по пояснице, он привлек ее к себе. — Для нас.

Она посмотрела на него снизу вверх.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Каждый вечер с тобой — особенный.

— Ах, но это твой первый вечер в качестве моей жены, — он раскрутил ее и вновь привлек к себе. — Должен повысить ставки в игре.

Его лицо осветила почти мальчишеская улыбка. Такая же, что и много лет назад, невероятно по-мужски красивая и на удивление смущенная. Десять лет ничуть не ослабили эффект, который он на нее оказывал, и сердцем она знала, что он не ослабнет никогда.

Они покачивались под музыку, кружась по гостиной, пока Ширан напевал про вечную любовь. Рука Хадсона крепче обхватила талию Алли, он низко наклонил ее, запечатывая губы страстным поцелуем.

— Хмм, — промычал он ей в губы и тихо пробормотал, цитируя песню, которая уже заканчивалась: — До семидесяти лет.

— Я хочу намного больше, мистер Чейз. Девяносто минимум.

Хадсон рассмеялся, но когда он вновь поднял ее, его взгляд смягчился.

— Целой вечности будет недостаточно, — произнес он, проводя пальцем по ее нижней губе, затем опустил голову, мягко соединяя их губы. Это было легчайшее прикосновение, но каждый нерв в ее теле пробудился к жизни. Хадсон дразнил ее легкими касаниями, затем накрыл ее рот своим, целуя медленно, глубоко и долго. Она тихо застонала, наслаждаясь пьянящими ударами его языка, и когда его рука скользнула ниже талии, она прижалась к нему, страстно желая ощутить его обнаженную кожу своей.

Сзади раздался тихий щелчок камеры. Алли повернулась и увидела, что Хадсон снял их двоих на свой телефон.

— Улыбнись в камеру, — сказал он. Те же слова он произнес, когда фотограф прервал их танец в Филдовском музее. После вспышки камеры Алли невольно подумала, сколько они пережили с той случайной встречи три месяца назад. В глубине души она понимала, что им еще очень многое предстоит, но оттолкнула нежеланные мысли. Это вечер ее свадьбы, и единственное, что имело значение — это мужчина, который обнимал ее за талию, вискон прижимаясь к ее виску.

— Уверен, в следующий раз, когда мы будем делать это, профессиональных фотографий хватит, чтобы забить весь твой планшет, — сказал он. — Но я хотел этот снимок чисто для себя.

— Это мне напомнило ту случайную встречу в сентябре, — сказала Алли.

Хадсон отключил телефон и убрал его в задний карман джинсов.

— Заставило подумать о том, как ты меня хотела той ночью?

В этот раз она все же закатила глаза.

— Вообще-то той ночью ты вел себя как напыщенная задница.

Он широко улыбнулся.

— Но ты все равно меня хотела.

Она прикусила губу.

— Возможно.

— Ну, той ночью я подумал, что ты испорченная замкнутая сука, — Алли раскрыла рот в притворном возмущении, но Хадсон просто улыбнулся и закончил мысль: — И еще

прекраснее, чем в день нашей первой встречи. Что, для галочки, мне казалось невозможным в принципе.

— А теперь? — спросила она.

— А теперь я поверить не могу, что я такой счастливый ублюдок, которому довелось видеть этот твой взгляд.

— Какой взгляд?

— Тот, который говорит, что ты больше всего хочешь, чтобы я глубоко вошел в тебя.

Алли тихонько ахнула.

— Ну, если меня так легко прочесть, какого черта ты ждешь? Давай уже доведем дело до конца.

Хадсон расхохотался, запрокинув голову.

— Очень романтично, миссис Чейз, — легким движением он подхватил ее под колени и поднял на руки.

— И что ты теперь делаешь?

— Мы уже проходили это, — сказал он, направляясь к лестнице. — Я должен перенести тебя через порог.

— Порог спальни? — в ее груди поднялись пузырьки смеха. — Я думала, что имеется в виду только порог входной двери.

— Смейся сколько хочешь, но насколько я помню, это ты решила соблюдать приметы, — он широко улыбнулся. — Или знаки, как ты это называешь.

Алли обвила руками шею Хадсона, и он отнес ее наверх, в спальню. Команда эльфов-планировщиков свадьбы, очевидно, поработала и на втором этаже. На белом пуховом одеяле были разбросаны лепестки роз, на прикроватной тумбочке стояли свечи в стакане.

Он уложил ее на кровать королевских размеров, присоединился к ней, и они принялись раздевать друг друга. Нетерпеливые руки и непослушные пальцы в сочетании с беспокойными стонами и тихими смешками напоминали скорее двух подростков на заднем сиденье авто, чем пару в их первую брачную ночь.

Когда они оба оказались голыми, он не спеша накрыл ее тело, контролируя себя, что полностью противоречило их торопливому раздеванию, не говоря уж об эрекции, прижимавшейся к ее бедру. Все смешки исчезли, осталось лишь глубокое прерывистое дыхание.

Хадсон смахнул волосы с ее лица, большим пальцем лаская ее щеку.

— Меж призраков любви блуждал мой взор,

Ты снилась мне в любой из Евиных сестер.

Слова из стихотворения Джона Донна лаской омыли ее разгоряченную кожу, и на глаза Алли навернулись слезы. Хадсон был не из тех мужчин, которые станут цитировать поэзию, и от того этот жест становился еще трогательнее. И слова, которые он прошептал своей жене, были не только прекрасными, но и подходящими. Для окружающего мира Хадсон Чейз имел все, чего только мог пожелать, и все же он снова и снова давал понять, что Алли была единственной мечтой, имевшей значение. Поэтическое напоминание, что ее любимый мужчина ставил ее выше всего на свете, возвело желание на почти невыносимый уровень. Она не могла больше ждать. Она нуждалась в его руках, губах и языке на своей коже. Она желала слиться с ним в самом первобытном единении. Она нуждалась в своем муже.

— Люби меня, Хадсон.

— Люблю, — пробормотал он. Голос его охрип от эмоций. — Этих слов никогда не

будет достаточно, но помоги мне Боже, люблю.

С этими словами Хадсон накрыл ее рот своим. Она застонала, раскрывая губы, и он углубил поцелуй, с неоспоримой властностью завладевая ее языком.

— Я ждал этого весь день, — прохрипел он. Выгнувшись всем телом, он сосал и лизал, прокладывая дорожку по ее горлу. — Момент, когда я сделаю тебя своей.

Опустив голову, он поласкал языком ее сосок и поймал его зубами. Она задрожала всем телом, когда он сильно прикусил его, ощущение эхом отдалось в ее естестве. Затем он процеловал дорожку к другой груди, лаская напрягшуюся вершинку ленивыми круговыми движениями, затем глубоко вобрал ее в рот.

Дрожащими пальцами Алли скользнула по его плечам и к груди. Мышцы его живота сократились, когда она погладила кубики пресса, а когда она обхватила рукой его твердую напряженную длину, он резко выдохнул.

— Мне нравится тебя касаться, — прошептала она, сгибая пальцы, нежно сжимая и поглаживая от основания до головки. Ощущение того, как он пульсирует и подрагивает в его руке, сводило ее с ума, ее бедра тут же начали приподниматься в безмолвной мольбе.

Хадсон посмотрел на нее голодными потемневшими глазами.

— Рано, — пробормотал он. — Сначала я должен попробовать свою жену на вкус.

Приятное обещание, прозвучавшее в его словах, заставило все ее тело содрогнуться от желаний. А может быть, тихое хныканье сорвалось с ее губ, потому что Хадсон назвал ее женой. Как бы там ни было, предвкушение звенело в ее венах, а он уже быстрым движением очутился меж ее бедер. Он закинул одну ее ногу себе на плечо, широко раскрывая ее, и провел языком прямо по средоточию ее наслаждения. Дыхание Алли прервалось, воздух резко вылетел из легких, пока его язык продолжал ласкать самую чувствительную плоть. В том, как он поглощал ее, не было ничего нежного — он лизал, сосал и щипал ее, точно охваченный отчаянной жадью доставить ей удовольствие.

— Боже, — простонала она, зарывая пальцами в его волосы, притягивая ближе и начиная дрожать.

— Вот так, кончи мне на язык. Дай мне ощутить твой вкус, — его слова прошли через нее волной вибрации, и она закричала, разлетаясь на сотни кусочков в умопомрачительном оргазме.

Он раздвинул ее ноги коленями.

— Откройся для меня. Мне нужно в тебя войти, — опустившись на нее всем весом своего тела, он прижался горячим и тяжелым членом как раз там, где она больше всего в нем нуждалась. Глядя ей в глаза, Хадсон соединил их тела и застыл, войдя до упора. — Моя.

— Твоя, — прошептала Алли в ответ, наслаждаясь ощущением его внутри и зная, что их связь была полной. Он запечатал ее губы поцелуем и начал медленно двигаться, проникая глубже и вновь отступая в неторопливом размеренном ритме.

Она застонала, нуждаясь в большем, нуждаясь в нем.

— Пожалуйста, Хадсон...

С рыком он скользнул еще глубже. Алли задохнулась, ее набухшая плоть отчаянно сократилась вокруг него, но он вновь отступил. Их поцелуй углубился, Хадсон начал двигаться по-настоящему, трахая ее одновременно и языком, и каждым властным толчком бедер. Алли чувствовала, что все внутри ее начинает конвульсивно содрогаться, а его тело продолжало двигаться над ней с уверенной решительностью. Ее рука стиснула белую простынь, и с каждым его толчком эта хватка усиливалась. Она возносилась все выше и

выше, и вдруг Хадсон изменил угол проникновения, ударяя по чувствительной точке в глубине ее естестве, и пронзительный крик сорвался с ее губ. Ее голова запрокинулась, глаза сами собой закрылись.

— Открой, — прорычал он.

Она встретилась с ним взглядом, и в тот же момент ее накрыл яростный оргазм, стирающий все, кроме мужчины, жарко и влажно двигавшегося в ней.

— Проклятье, Алли. Да, вот так. Смотри мне в глаза, пока я кончаю в тебя.

Он кончал мощно и долго, бедра резко дернулись в мощном неумолимом толчке, и Хадсон пролился в нее.

— Я люблю тебя, — прошептал он, рухнув на нее. Вес его тела, вжимавший ее в матрас, смягчил судороги, все еще сотрясавшие ее дрожащее тело.

— Я тоже тебя люблю, — ответила она дрогнувшим голосом.

Хадсон перекатился на спину, утягивая ее за собой и не разрывая связи. Алли уткнулась носом в его грудь, чувствуя, как он баюкает ее в колыбели своих рук, как гулко стучит сердце в его груди. Они лежали молча, не нарушая тишины, пока дыхание не замедлилось, а в голове не осталась одна-единственная мысль. Хадсон был прав: всей жизни будет недостаточно.

Она хотела вечность с ним.

(34) По французскому обычаю на свадьбе не принято кричать 'Горько'. Вместо этого гости деликатно стучат столовыми приборами по бокалу, и жених с невестой целуются.

Солнечный свет просочился сквозь окно, пробуждая Алли от самого чудесного сна. Снег, свечи, клятвы, слезы и прошептанные слова любви. Вот только это был вовсе не сон. Это была ее жизнь, и она проведет ее остаток с замечательным мужчиной, спящим рядом с ней в постели.

Он распростерся на ней, голова лежала на ее груди, одна рука властно обвивала талию, а его ноги были сплетены с ее. Алли кончиками пальцев погладила его по спине, и солнечные лучи отразились от граней бриллианта в ее помолвочном кольце. Она подняла руку. Кольцо, которое преподнес ей Хадсон, было абсолютно идеальным. Скромный, но безупречный овальный солитер на тонком платиновом ободке, покрытом маленькими камушками. Элегантное и простое кольцо было в точности тем, что она сама выбрала бы.

— Тебе нравится? — спросил Хадсон, поморгав спросонья.

Алли встретила с ним взглядом. В его ясных голубых глазах отражалась любовь, от которой перехватывало дух и терялся дар речи.

— Если ты бы предпочла что-то другое, — сказал он, приподнимаясь на локте, — мы можем вместе пойти в магазин и...

Алли прижала кончики пальцев к его губам.

— Я люблю это кольцо, — она наклонилась вперед, заменяя пальцы мягким поцелуем. — Но еще больше я люблю мужчину, который мне его подарил.

— Ммм, — низкий одобряющий звук завибрировал в его горле, рука крепче обняла ее талию. — А я вас, миссис Чейз.

В животе забурлили пузырьки тепла, и она тихо хихикнула.

Хадсон отстранился и выгнул одну бровь.

— Ты будешь так реагировать каждый раз, когда я говорю твое имя? — веселье, слышавшееся в его голосе, заставило ее улыбнуться еще шире.

— Может быть.

— Тогда мне придется говорить это почаще, — он убрал прядку ее волос за ухо. — Каждый день на протяжении всей оставшейся жизни.

— Мне нравится, как это звучит, — сказала она, наклоняясь навстречу его прикосновению. — Итак, скажи мне, каков план на первый день всей нашей жизни?

Хадсон устроился на подушке и притянул Алли к себе на грудь.

— Меня устроит остаться здесь на весь день.

— Ну, нам все равно придется поесть.

Он тяжело вздохнул.

— Женаты меньше двадцати четырех часов, а я уже на втором месте после еды.

— Едва ли, — она рассмеялась.

Брови Хадсона сошлись вместе.

— По правде говоря, я не особо думал о сегодняшнем дне. Я так сосредоточился на предложении и свадьбе, что ничего не запланировал на остаток выходных, — он усмехнулся. — Ну, помимо очевидного.

— Звучит как идеальный медовый месяц, — сказала Алли, пальчиком прослеживая точеный контур его грудных мышц.

— Действительно. Но ты права. Нам понадобится еда, не считая остатков свадебного торта, а это значит, нам придется выйти на улицу, — он резко втянул воздух, когда она коснулась особенного щекотного местечка, которое недавно обнаружила чуть ниже его ребер. Он поймал ее за руку и переплел их пальцы. — Я бы взял тебя в город, но...

— Но нельзя рисковать, нас могут увидеть.

— Именно.

— Мотоциклетные шлемы послужили бы отличной маскировкой, но сейчас не та погода, чтобы ехать на твоём байке.

— Тебе понравилось, да?

— Ага.

Лицо Хадсона осветил почти мальчишеский энтузиазм.

— Вставай, — сказал он, откидывая простыни. — Тепло оденься.

С этими словами он выбрался из постели. При виде его очень прекрасного и очень голого зада, направившегося к ванной, Алли захотелось, чтобы она вообще не упоминала еду. И 'оденься тепло'? К чему это вообще? Алли была уверена, что Хадсон не рискнет выезжать на мотоцикле посреди зимы. Он недвусмысленно высказался о безопасности, говоря с Ником. Так куда, черт побери, он собирался ее взять?

Мгновение спустя Хадсон появился из ванной, одетый в темные джинсы и синий свитер, творивший невообразимые вещи с его глазами.

— Встретимся снаружи, — сказал он, выходя из комнаты.

Алли выбралась из кровати и просмотрела гардеробную в поисках теплых вещей. Одевшись, она спустилась вниз и вышла на террасу, окружавшую дом.

На заднем дворе, как называл его Хадсон, простирались акры висконсинской глуши. Плавные изгибы холмов простирались до самого горизонта, кое-где утыканные соснами и покрытые несколькими дюймами свежего белого снега. Алли нашла своего новоиспеченного муза в полуметре от лестницы, возле гаражей, занимавших первый этаж трехэтажного дома. Он был одет в черную парку и черный мотоциклетный шлем с опущенным тонированным забралом. Если бы он не сидел на снегоходе вместо мотоцикла, она была бы готова поклясться, что очутилась в собственной фантазии на 'Бриолин 2'.(35)

— Откуда это взялось? — спросила она.

Хадсон приподнял защитный козырек. Его синие глаза блеснули в позднем утреннем свете.

— Я купил его одновременно с Харлеем. Хотя не был уверен, что ему найдется применение. До сегодняшнего дня.

Алли улыбнулась.

— Видимо, правду говорят про мальчиков и их игрушки.

— Это слово вызывает в моем воображении совсем другие вещи, — сказал он, глядя ей в глаза, пока жар его взгляда не заставил ее переминаясь с ноги на ногу. — Алессандра, у тебя румянец от ветра или я заставил свою жену покраснеть?

— Ты шkodливый мальчик, Хадсон Чейз.

— Хмм, ты и половины не знаешь. Пока не знаешь, — грубоватый тембр его голоса послал сквозь ее тело дрожь желанья. Но вместо уточнения Хадсон просто потянулся за вторым шлемом. — Вот, — сказал он так, будто вовсе не превратил ее в лужицу. — Они должны помешать кому-либо узнать нас.

Она глубоко вздохнула.

— Куда мы направляемся?

— Недалеко к северу есть небольшой лыжный городок. Можем поехать по следам в лесу, — Хадсон повернул ключ, и секунду спустя снегоход взревел. — Запрыгивай, — перекричал он шум двигателя и протянул руку, чтобы помочь ей забраться, затем подождал, пока она застегнет шлем. — Готова?

Алли кивнула и взвизгнула, когда снегоход резко рванул вперед, как пуля, поднимая за собой волну снега. Крепко обхватив руками его талию, она уютно прижалась к спине Хадсона, частично чтобы защитить себя от ветра, частично — просто для того, чтобы быть ближе к нему. Она вжалась в него всем телом, впитывая гудение двигателя, отдававшееся в его теле. Все, что делал Хадсон Чейз, действовало на нее как афродизиак, но было что-то особенно сексуальное в том, чтобы ехать позади него на байке. Оказывается, это относилось и к снегоходу.

После пересечения поля позади дома Хадсона они свернули в более лесистую местность, зигзагами петляя между деревьев и сугробов, пока не добрались до следов. Лыжный курорт, о котором говорил Хадсон, кишел туристами, и никто из них не обратил внимания на еще одну парочку на снегоходе, пообедавшую в гостинице и купившую припасы в главном магазине.

Солнце уже садилось за озером, когда они наконец вернулись к дому. Хадсон притормозил у передней лестницы и придержал ее руку, пока Алли слезала со снегохода.

— Иди внутрь и отогревайся. Я поставлю это в гараж.

Алли сняла шлем, и светлые кудри свободно рассыпались по плечам. Ее губы сложились в улыбку, она поспешила вверх по лестнице, уже точно зная, как согреть их обоих.

***

Холод пробирался под одежду Хадсона, пока он шел по подъездной дорожке. Снег скрипел под тяжелыми ботинками, и быстро поднявшись по лестнице к передней двери, он потопал ими по дереву, чтобы не оставлять грязных следов по всему полу.

Волна жара ударила по нему, стоило открыть дверь. Дом не казался таким теплым перед их уходом, но теперь жара казалась просто тропической. Хадсон шагнул внутрь и едва не споткнулся о женский зимний ботинок. Он удержал равновесие и увидел второй ботинок, а сразу за ним — пару носков. Следующими лежали джинсы, черный свитер, кружевные трусики и такой же лифчик. Весь этот след обрывался у порога стеклянных дверей, ведущих на террасу с джакузи, где сидела его обнаженная ждущая жена.

Проклятье. Он мгновенно затвердел.

Хадсон направился к открытым дверям. Пар поднимался и клубился возле лица Алли. Кожа ее покраснелась и блестела от жары, и она была так прекрасна. Он стоял там, внезапно огорошенный, стояк распирает ширинку, более чем готовый искупаться.

— Ты сказал мне согреться, — сказала она тихим искушающим тоном.

— Сказал, — губы Хадсона сложились в ленивую грешную улыбку. — И мне нравится, как ты подошла к делу. Весьма нестандартный подход.

Она подняла руку из бурлящей воды, и при этом из пены показалась ее грудь, обнажая напрягшийся розовый сосок, так и зовущий его рот.

— Собираешься ко мне присоединиться?

Ей не пришлось просить дважды. Хадсон скинул влажное пальто и перчатки, бросив одно на другое и наплевав на лужу, которая после них останется на полу. Плечи его

перекатились, бицепсы напряглись, когда он стащил свитер через голову, сразу прихватив и футболку, и сбросил их в ту же кучу.

Взгляд Алли блуждал по нему, пока он расстегивал пуговицу на ширинке, алчный голод в ее взгляд делал жажду, повисшую между ними, живым и дышащим созданием. Он сдернул джинсы и боксеры-брифы одним резким движением, и член вырвался на свободу, вздымаясь над бедрами. Рот Алли непроизвольно открылся, язык облизал нижнюю губу. Сладкий ад, Хадсон почти чувствовал, как этот язычок скользит по его болезненно твердой длине.

Не отводя от нее взгляда, Хадсон шагнул в джакузи и опустил в воду.

— Идите сюда, миссис Чейз, — он притянул Алли к себе на колени, и ее бедра раскрылись над ним. Ее руки опустились на его плечи, пальцы принялись играть с волосами на затылке.

— Мне нравится слышать это.

Он скользнул губами по ее рту.

— Мне нравится это говорить.

— Скажи это снова, — прошептала она, влажной рукой скользя по его груди, медленно прокладывая горячий след к его члену. И когда ее пальцы обхватили его, он зашипел.

— Двумя руками, миссис Чейз, — он усмехнулся, произнося имя, которое теперь связывало их воедино. Она взяла его двумя руками и сжала, большим пальцем поглаживая толстую головку. Проклятье, она знала в точности, что ему нравилось.

Алли выгнула спину, и Хадсон сосредоточился на ее груди, языком прокладывая себе путь. Он обхватил тяжесть, наполнявшую его ладонь, и стал дразнить напряженную вершинку, мягко лаская губами и жадно всасывая. Когда он поймал зубами сосок, Алли резко выдохнула, усиливая хватку на его стволе.

— Иисусе, Алли, — он был слишком охренительно тверд, чтобы мыслить разумной, но крови, остававшейся в его мозгу, было достаточно, чтобы понять — он был опасно близок к концу. И ни одна ручная мастурбация на свете не могла заменить ощущение того, как она кончает на его члене.

— Вставь меня внутрь, детка. Возьми то, что всегда принадлежало тебе.

Она нависла над ним, тело ее блестело в теплом свете, исходившем от дома, — затем одним гибким движением она опустилась на его член. Запрокинув голову, Хадсон застонал. Она была тесной, еще горячее, чем вода, омывавшая их тела, и такой охренительно шелковистой. Он стиснул ее бедра, останавливая на секунду, чтобы восстановить контроль. Когда немного отступило желание кончить охренительно быстро, он начал двигаться в ней гладкими размеренными движениями.

— Я люблю тебя, — она задыхалась, пока он наполнял ее снова и снова, распластала ладони на мощных мышцах его груди, пока он возносил их все выше и выше. Ритм был неумолимым, и она начала двигаться сама, его руки поднялись по талии к ребрам, ее мышцы напрягались и расслаблялись под его ладонями.

— Я люблю тебя, миссис Чейз.

Алли улыбнулась, но в следующую секунду ее голова запрокинулась, глаза закрылись. Он стал вдальбивать бедра в нее еще быстрее и глубже, желая, чтобы она почувствовала каждый чертов дюйм его члена. С каждым толчком он чувствовал, как напрягаются мышцы его пресса и груди.

От движения их тел вода расплескивалась через края джакузи, разбрызгиваясь по всей платформе, просачиваясь сквозь щели между досками и заставляя снег внизу таять. Вокруг

них поднимался пар, на лице Алли блестел пот. Он просто пьянел от вида ее, и финальным аккордом стало чувство того, каково находиться внутри нее.

— Хадсон, — Алли впиалась пальцами в его плечи. — О... Боже, — их взгляды встретились, и ее дыхание прервалось, все ее тело начало дрожать.

— Вот так, дай это мне, — приказал он, мышцы его шеи напряглись, удерживая остатки контроля. — Сейчас же.

Оргазм накрыл ее столь мощно и бурно, что она буквально выкрикнула его имя. Ее освобождение рикошетом отдалось в его члене, и все это время они смотрели друг другу в глаза. Каждое ощущение и каждая эмоция слились воедино в этом идеальном моменте. Их жизнь была сложным, запутанным беспорядком, но истина их любви была простой.

Грубое и несдерживаемое наслаждение выстрелило вниз по позвоночнику Хадсона.

— Проклятье, — выругался он на выдохе, вжимаясь в нее бедрами, проникая эрекцией глубоко внутрь нее и кончая протяжно и мощно.

Невероятная. Отрахуительно невероятная.

Они вместе пережили оргазм, и наконец успокоившись, Алли уронила голову на плечо Хадсона, всем телом тая на его груди. Он крепче обхватил ее руками и в тот момент он чувствовал себя так, будто может удерживать их так вечно.

Но на следующее утро на них обрушилась реальность, тугим узлом свернувшаяся в животе. Они позавтракали в тишине, затем подождали водителя, который должен был отвезти Алли в Чикаго. Одну. Выходные могли быть идеальными, но их жизнь была далека от совершенства. И ехать домой из медового месяца отдельно было охренеть как не в порядке вещей. Они должны были рвануть на самолете на тропический остров, ну или хотя бы впасть в спячку в его доме на озере на следующие две недели.

Вместо этого Хадсону пришлось целовать свою молодую жену на прощание. Губы Алли на секунду задержались на его губах, и по щеке ее скользнула слезинка.

— Эй, — тихо произнес он. — Мы с тобой увидимся завтра.

— Знаю, — она взяла его за руку и поцеловала его обручальное кольцо. — Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, миссис Чейз, — он выдавил ободряющую улыбку. — Позвони, как доберешься домой.

— Конечно, — Алли скользнула на заднее сиденье, и Хадсон наклонился, чтобы подарить ей последний поцелуй, перед тем как захлопнуть дверь. Он постучал костяшками пальцев по крыше машины и смотрел, как машина отъезжает, увозя с собой его сердце.

(35) 'Бриолин 2' — американский фильм-мюзикл 1982 года, продолжение фильма 'Бриолин', снятого по мотивам одноименного мюзикла, написанного Джимом Джейкобсом и Уорреном Кейси. Там главный герой на последние деньги покупает байк, чтобы произвести впечатление на главную героиню.

Держа голову опущенной, Алли прошла в заднюю часть конференц-зала. С возвращения из Парижа было множество случаев, когда ей приходилось притворяться, что Хадсон значил для нее не больше, чем любой другой член совета. Но в этот раз в комнату вошел ее муж. Вид его, одетого в темно-синий костюм в тонкую полоску в сочетании с ее любимым кристально-голубым галстуком, был подобен удару о кирпичную стену. Каждый инстинкт в ее теле говорил ей подойти к нему, коснуться, поцеловать, черт, да просто поговорить с ним. Но она не могла сделать это, не вызывая подозрений. Потому вместо этого она развернулась на каблуках и нашла 'убежище' возле небольшого шведского стола на завтрак, который Колин заказал для утреннего собрания.

Она чувствовала присутствие Хадсона, когда он подходил ближе, и к тому моменту, когда он очутился рядом, каждый нерв в ее теле пробудился к жизни. Легким движением пальцев он коснулся ее руки, протянув руку за чашкой кофе.

— Сегодня утром я скучал по своей жене, — пробормотал он, его голос лаской прошелся по разгоряченной коже.

Алли раскрыла губы, резко втянув воздух. Слышать, как Хадсон называет ее своей женой, было горькой сладостью, обоюдоострым клинком, который и согрел ее сердце, и пронзил его. Она впервые посмотрела ему в глаза, но прежде чем она успела ответить, Бен Вайс подошел к ним сзади. Не то чтобы ее ответ имел значение. Взгляд Хадсона говорил, что он точно знает, о чем она думала.

— Полагаю, мы готовы начать, — сказал Бен.

Хадсон и Алли заняли свои места на противоположных концах конференц-стола. Временами казалось, будто они попали в сцену противостояния на диком Западе, когда солнце в зените, но Алли любила каждую минуту соперничества с Хадсоном за этим столом из полированного красного дерева. Он поворчал бы, что она является пресловутой занозой в заднице, но она знала, что ему это тоже нравилось. Они бросали друг другу вызов, заставляли раскрываться с лучшей стороны и переводили все на новый уровень.

Если бы остальные члены совета смотрели на это с той же точки зрения...

Хоть Алли и наслаждалась сладостью победы и сохранения печатного издания их ведущей газеты, большинство голосов не ликовало с ней. И за это нужно было благодарить двух людей. Первый — это Дункан Вентворт, мужчина с самыми старыми деньгами в Чикаго. Вентворт обладал неоспоримым влиянием, хотя не проработал ни дня в своей жизни, и он никогда не упускал возможности снисходительно высказаться о попытках Алли.

Другой член совета, ставивший ей палки в колеса на каждом повороте — это Мелани МакКормик, женщина, которая заслужила свое место в совете серией удачных разводов. Для Мелани подъем по карьерной лестнице представлял обмен свадебными клятвами с мужчиной, чье состояние в десять раз больше ее собственного. Предыдущие ее цели были вдвое старше ее, но если ее нескрываемая благодарность Хадсону что-то значила, в этот раз она нацелилась на куда более молодого мужчину.

Мелани скользнула к Хадсону, едва закончилось собрание. Наблюдая тот же далеко-не тонкий маневр, разворачивающийся на каждой встрече акционеров, Алли другого и не ожидала. Но в этот раз кое-что было иначе. Алли видела это в ее глазах. Мелани повышала

ставки в игре, где Хадсон Чейз был заветным призом.

Алли неторопливо собирала свои вещи, пока в зале не остались лишь они с Хадсоном.

— В чем дело? — спросила она, когда он широким шагом пересек пустой конференц-зал.

— Похоже, наша коллега по совету директоров обнаружила, что ей не с кем идти на Ингрэм Гала в эти выходные. Она попросила меня оказать ей честь.

— Она пригласила тебя на свидание? — взвизгнула Алли.

— Не надо так пугаться, Алессандра, — Хадсон усмехнулся. — Говорил же, я завидный улов.

— Ты женатый мужчина.

Он хихикнул.

— Она этого не знает. Хотя сомневаюсь, что для нее это имеет значение.

— Мне от этого ничуть не лучше.

— Извини, — его глаза светились весельем. — Хотя ревность тебе идет.

Алли опустила взгляд на свою левую руку. Когда она заговорила, ее голос сошел до шепота.

— Ненавижу то, что мне пришлось снять кольцо утром.

Его взгляд смягчился.

— Я тоже.

На какой-то момент весь мир вокруг исчез, и они вновь очутились в освещенном свечами амбаре. Интимность, воцарившаяся между ними, сдавила грудь почти невыносимой болью. Хадсон опустил голову, приближая свои губы к ее губам.

Позади них кто-то прочистил горло.

— Извините, что прерываю, — сказал Колин.

Алли отступила.

— Все нормально. Просто обсуждали кое-какие дополнительные вопросы, — она повернулась, уделяя ему полное внимание. — Что случилось?

Глаза Колина метнулись Хадсону и затем обратно к Алли. Ее ассистент был слишком внимателен, чтобы не заметить происходящее. Но он также доказывал свою отчаянную преданность. Она была уверена, что он и слова не скажет о том, что определенно подозревал.

— Детектив Грин здесь и хочет видеть вас.

— Отведи ее в мой кабинет и предложи напитки. Я буду через минуту.

— Будет сделано.

— Это еще зачем? — спросил Хадсон, как только они остались одни. Он нахмурился, и складка меж его красивых бровей выдавала его беспокойство.

— Понятия не имею. Встреча не была запланирована.

Он коротко кивнул.

— Значит, у нее есть новости. Она бы не стала заходить, чтобы сказать, что все по-прежнему.

— Думаешь, они сумели связать Джулиана со всем случившимся?

— Не забегай вперед. Сначала послушай, что скажет эта женщина, — предостерег он. — И позвони мне сразу после ее ухода.

— Обязательно.

Несколько мгновений они просто смотрели друг на друга, затем Хадсон раздраженно

выдохнул и провел рукой по волосам.

— Эти платонические прощания становятся утомительными.

Она была абсолютно согласна, но его раздражение заставило ее улыбнуться.

— А если бы люди знали, что мы женаты, то ты что, прижал бы меня к стене?

— Для начала.

— Думаю, мне понравится работать со своим мужем. Если повезет, весь этот цирк скоро закончится.

— Можно только надеяться, — слова Хадсона эхом отозвались в голове Алли, пока она шла к своему кабинету. Надежда. Она и помогла ей продержаться последние несколько недель. Надежда, что они наконец будут свободны от угроз Джулиана; надежда, что убийца ее родителей получит по заслугам; и больше всего надежда, что у них с Хадсоном наконец-то будет будущее, которое им обоим казалось невозможным.

Но когда она вошла в офис, вся надежда испарилась. Детектив Грин сидела в одном из кресел перед столом Алли, спина прямая, лицо мрачное. Как и при каждой предыдущей их встрече, эта женщина средних лет была одета в старомодный костюм, ее песочно-каштановые волосы были убраны в тугий пучок. Зеленые глаза по-прежнему каталогизировали каждую деталь окружения, но когда она встретила с вопросительным взглядом Алли, в ее глазах уже не было той успокаивающей уверенности, которая помогала Алли пройти сквозь самые тяжелые моменты расследования. В этот раз ее глаза были полны лишь извиняющегося разочарования.

Она встала, как только Алли вошла в комнату.

— Спасибо, что так быстро нашли время встретиться.

— Не проблема, — Алли пожала протянутую руку детектива и обошла свой стол. — Я надеялась, что ваш визит означает прорыв в расследовании, но судя по выражению вашего лица, вы здесь не поэтому, — она указала на пустое кресло. — Прошу, присаживайтесь.

— Хотелось бы, чтобы причина была в этом, — пиджак детектива распахнулся, когда она села в одно из кожаных кресел, и Алли мельком заметила значок, который она носила на поясе, и пистолет в кобуре на боку. Она глубоко вздохнула. — Это никак не скажешь помягче, мисс Синклер, но мы зашли в тупик.

Сердце Алли упало. Этого не могло быть. Джулиан не мог избежать наказания за убийство.

— Я думала, вы узнали личность стрелка?

Грин кивнула.

— Да. Но мы не смогли найти ничего, что связывало бы его с третьей стороной. Ни банковских переводов, ни звонков, ни поездок за город.

Значит, не в том месте вы ищете, хотелось закричать Алли. Но она не могла сказать полиции о том, что ей известно, не обличая Хадсона.

— На данный момент все указывает на то, что он работал в одиночку.

— И каков мотив?

— Это могло быть ограбление, как мы изначально полагали. Но без большей информации мы никогда не узнаем, работал он в одиночку или нет.

Алли закрыла глаза, ей понадобилась минутка, чтобы собраться. Когда она вновь открыла их, детектив стояла перед ее столом.

— В моей работе нет побед, мисс Синклер. Я ничего не могу сделать, чтобы вернуть людям их близких. Но я упорно тружусь, чтобы восстановить справедливость и принести

успокоение в их семьи. Мне действительно жаль, что я не смогла сделать этого для вас.

— Спасибо, детектив Грин. Я знаю, вы посвятили немало времени и усилий этому расследованию.

— Если будут какие-то новые открытия, вы узнаете первыми. Но по крайней мере, на данный момент отдел считает дело закрытым.

Алли подождала, пока дверь со щелчком закроется, затем оперлась локтями на стол и спрятала лицо в ладонях. Этот гребаный ублюдок. Несомненно, дальнейших открытий не будет. Джулиан слишком хорошо замел следы. Вся надежда на команду, собранную Хадсоном. Если они найдут что-нибудь, хоть что-то, что она сможет использовать против Джулиана...

Пронзительный звонок телефона нарушил тишину офиса, и Алли подпрыгнула. Сначала она проигнорировала его, надеясь, что ответит Колин, но потом поняла, что это была прямая линия ее отца. У кого вообще был этот номер? Алли определенно его никому не давала. Она подняла трубку и осторожно произнесла:

— Алло?

— Bonjour, Алессандра.

Помяни черта на ночь. Буквально. Алли стиснула зубы.

— Джулиан.

— Такая напряженная, ma chérie, — короткий резкий смешок раздался на том конце линии. — В чем дело, все еще переживаешь свое поражение?

— Мое что?

— Сегодняшнее голосование, — у динамика телефона щелкнула зажигалка. — Не сумела их убедить.

Как черт подери, он узнал об этом так быстро?

— Неважно. Как только я приду к власти, я его отменю. Ужасная идея.

— Ты следишь за мной?

— Присматриваю за моей компанией, — он резко выдохнул, несомненно, выпуская дым.

— Она еще не твоя, — пробормотала она.

— Ты слишком часто проигрываешь этому дворняжке.

— Ты позвонил мне, чтобы сказать, что я одерживаю недостаточно побед в зале совета?

Он насмешливо фыркнул.

— У меня есть дела поважнее, чем бросаться оскорблениями, Алессандра. Да это и скучно. Как говорите вы, американцы, как два пальца об асфальт.

— Тогда почему ты звонишь?

— Потому твоя унылая череда провалов изменила мое расписание. Я опасаюсь, что совет выгонит тебя до мартовского собрания. Если они назначат твоего бывшего любовника постоянным генеральным директором, он ни за что не откажется от своих акций, как бы широко ты не раскинула ноги, — похотливый тон его голоса послал мурашки по ее позвоночнику. — Я возвращаюсь в Чикаго первого числа. И я хочу, чтобы к моему возвращению весь этот бардак был улажен.

— Но это всего лишь...

— Одиннадцать дней. Используй их с умом.

Хватит с меня этого дерьма, подумал Хадсон. Ник опаздывал. Снова. Солнце село, и последний размытый луч оранжевого света отражался от небоскребов вокруг, отчего Великолепная Миля походила на огненную планету. Что было обманчивым впечатлением, поскольку опускавшийся холод врвался всюду точно непрошенный гость.

Последний свет погас, и гостиная Хадсона погрузилась во тьму, как и его расположение духа. Огромная комната напоминала скорее клетку из стекла, чем роскошный пентхаус с видом на урбанистический пейзаж Чикаго. Клетка, камера, тюрьма — все эти термины подходили для описания того, как Джулиан схватил его за яйца, держа в постоянном состоянии пересмотра и перепроверки своих действий.

Он стоял перед баром в стиле арт-деко, одетый в сшитый на заказ смокинг от Brioni и гребаный галстук-бабочку. Вырядился на очередное проклятое мероприятие. Единственный плюс во всей ситуации — он будет в одной комнате с Алли. Минусы? Он не сможет коснуться собственной жены. Но его настроение упало от плохого до дерьмового не потому, что он не был представлен в качестве ее мужа. Он знал, что это лишь временно, но это не значит, что ему это нравилось. И что еще хуже, ему приходилось сопровождать женщину, которую он едва выносил даже по деловым вопросам.

Хадсон посмотрел на хрустальные графины, в приглушенном янтарном свете блестящие точно драгоценности. Добрых три пальца напитка значительно облегчили бы вечер в компании Мелани МакКормик. Ну, или затычки для ушей.

— Йо, Хадсон, — позвал Ник из фойе. — Ты где?

Вот тебе и выпивка. Хадсон снял с пальца обручальное кольцо и убрал в нагрудный карман пиджака.

— Здесь я. Ты опоздал.

— Я не мог завязать этот кусок дерьма во что-то, напоминающее галстук. Это как ласкать киску — снизу начинать или сверху? Каждый раз получается иначе.

— Чудно, Ник. Но сходство в том, что это требует практики. И это не кусок дерьма, это Том Форд, — Хадсон повернулся и его взгляд упал на... — Что это за хрень у тебя под рукой?

— Это? — самодовольно улыбаясь, его брат приподнял пушистое создание. — Это йорки. Его зовут Харлей, — Ник помахал крошечной лапкой собачки. — Скажи 'привет' дяде Хадсону.

— Ты меня разыгрываешь? И что это еще за имя?

— Это была идея Харпер.

— Кличка или вот... это?

— Не, кличка — это моя идея. Ей нужно большое имя, подходящее ее личности. Собака была идеей Харпер. Она подумала, что мне пойдет на пользу заботиться о ком-то.

— Растение было бы неплохим началом. Служба контроля за животными не станет вмешиваться, если ты забудешь его полить.

— Ага, но растения с тобой не разговаривают, они просто сидят и все.

Хадсон выгнул темную бровь.

— А собака?

— Говорит по-своему, — Ник наклонился к песику. — Правда, красавица?

Харлей завертелась в его руках, маленький язычок выскочил наружу, бешено облизывая его лицо.

— Писая и какая на полу.

— Не будь таким мрачным, бро. Она милашка, — Ник зарылся носом в шерсть собачки. — Ну разве ты не милашка? Да, ты милашка, — чем дальше его брат ударялся в детский лепет, тем быстрее вертелся хвост этой мелочи.

— Да ну нахрен, поставь собаку и иди сюда, чтобы я мог задушить тебя галстуком за то, что ты притащил сюда это создание, которое разрушит мой паркет.

— Собачьи пеленки, чувак. Это как подгузники для пола, — Ник поставил Харлей на пол и вытащил скомканный галстук из кармана.

— Сюда, — Хадсон развернулся на пятках и прошел по коридору в спальню. Ник последовал за ним, Харлей неуклюже семенила за ними, так быстро, как только могла.

Хадсон резко остановился перед зеркалом в полный рост, и цокот собачьих коготков тут же прекратился.

— Стой здесь.

— Черт, да ты в дерьмовом настроении, — Ник встал на указанное Хадсоном место и расправил клочок ткани.

Хадсон посмотрел на помятое безобразие.

— Ты что с ним делал?

— Ты можешь просто завязать эту хрень на мне, пожалуйста?

Хадсон поднял воротник на рубашке брата и набросил галстук ему на шею, располагая концы так, чтобы левый свисал на пару дюймов ниже правого.

Ник посмотрел в зеркало.

— Вот на этой стадии мой поезд сошел с рельсов.

Харлей начала скрести лапами по ноге Хадсона. Он мельком глянул на собаку.

— Сидеть.

Она немедленно села и наклонила голову на бок.

— Черт, ты как будто заклинатель собак. Я несколько дней пытался этого добиться.

Губы Хадсона сложились в самодовольную ухмылку.

— Все дело в тоне голоса.

— Нее, просто ты властный ублюдок.

— И это тоже, — Хадсон скрестил концы, затем просунул длинный конец в середину и вытянул.

— Чувак, не так туго, — Ник сделал вид, что задыхается. — Эй, я могу поехать с тобой, на лимузине и все такое?

— Мы забираем Харпер по дороге?

— Я встречаюсь с ней там, она же работает над мероприятием, — Ник задрал подбородок. — Ты сегодня самец-одиночка?

— У меня есть пара.

— Да ладно? — Ник уронил челюсть. — Кто?

— Мелани МакКормик.

— Подробнее?

Хадсон приподнял челюсть Ника на место.

— Нечего рассказывать. Она в совете Ингрэм. Привлекательная, постарше, — он

выдавил из себя эти слова. Она не была некрасивой, и в теории они были бы идеальным сочетанием. Но он ненавидел это. Испытывал отвращение. Не было ничего искупительного в том, чему он собирался посвятить вечер. — Она попросила меня сопровождать ее на мероприятии.

— Ключевое слово для 'переспи со мной'.

— Об этом уговора не было, — сухо ответил Хадсон.

— Ага, — фыркнул Ник. — Как скажешь. Уверен, что хочешь, чтобы я торчал с вами в лимузине? Ну знаешь, вдруг захочется перепихнуться по дороге? Потому что ты, кажется, на нервах, бро.

На нервах не то слово. Его кожа звенела от напряжения, а кровь едва не кипела. И теперь он направлялся на мероприятие для стариков, где авторитет приобретался за деньги. Все для благих целей, конечно же, и женщина, которую он будет держать под руку, не будет его женой. Хотя по ее логике и с ее послужным списком она наверняка рассматривает этот вечер как репетицию. Да, он ублюдок. Пойти одиноким самцом было бы достойно, но нужно было продолжать подыгрывать.

Хадсон обернул свисающий конец галстука против часовой стрелки и просунул его в петлю, завязанную на шее брата. Он вытянул конец и расправил его.

— Вот так, готово. Стильно выглядишь, Ники.

— Проклятье, бро, — Ник любовался отражением. — Ты хорош в завязывании галстуков.

Хадсон усмехнулся.

— Еще одна вещь, которая требует практики. Пошли, — добавил он, когда завибрировал телефон. — Макс приготовил машину.

Ник присел и опять принялся сюсюкать.

— Ты будешь хорошей девочкой, пока я потусуюсь с дядей Хадсоном, да? — собака виляла не только хвостом, но и всей задницей.

— Скажи мне, что ты не собираешься оставить эту штуку здесь?

— С ней все будет хорошо. У нее куча пеленок внизу.

— Иисусе, — пробормотал Хадсон, направляясь в гостиную.

Ник нагнал его у лифта.

— Если она описает здесь все, я уберу, — сказал он, когда они вошли внутрь.

— Я тебя заставлю, — Хадсон нажал кнопку гаража и сделал непроницаемое выражение лица. Сегодня он должен быть самым завидным холостяком Чикаго, развратным плейбоем, каким он был когда-то, а не преданным мужем, каким являлся сейчас.

Первое появление Алли с мужем на публике прошло совсем не так, как она себе представляла. Не то чтобы она много об этом думала. Или вообще рассматривала такой вариант будущего, в котором она будет миссис Хадсон Чейз, если уж на то пошло. Как и десять лет назад, жизнь с Хадсоном казалась недостижимой сказкой. По крайней мере, до того момента, как она повернулась и увидела его, опустившегося на одно колено. В ту секунду она поверила, что все возможно. И когда он надел на ее палец платиновый ободок с бриллиантами и поклялся любить ее до конца своих дней, она знала, что не захочет провести ни одного дня без него. Вот почему она расстроилась из-за того, что он не был рядом, чтобы застегнуть ей платье, вот почему она упала духом, садясь в лимузин без него, вот почему ее ногти больно впились в ладонь, когда он вошел в Палмер Хаус под руку с Мелани МакКормик.

Алли отпила немного шампанского и осмотрела танцевальный зал, освещенный мерцающим светом десятков канделябров, украшенных цветами. Она улыбнулась про себя. Харпер и Колин проделали отличную работу по организации. Ее взгляд метнулся к ним двоим, окружившим аукциониста. Ник стоял в нескольких ярдах от них, поправляя галстук, и выглядел так, будто согласился бы быть где угодно, но только не на официальном приеме.

В отличие от его брата.

Почти невольно она поискала взглядом своего любимого мужчину. Он стоял у бара, в руке — квадратный стакан со скотчем, рядом Мелани. Коварная ведьма всячески липла к нему, хоть и не так очевидно, как это делала бы София. Мотив у нее был тот же, но Мелани подходила к делу более изящно. И если ее черед браков с могущественными мужчинами что-то значила, ее подход был более успешным.

Хадсон отпил янтарной жидкости, и тут его взгляд встретился с Алли. Глаза его почти незаметно прищурились, и она могла поклясться, что губы сложились в самодовольную ухмылку как раз перед тем, как он опустил стакан. Она наблюдала, как он склонился ближе к уху Мелани, прошептав ей что-то, и направился через весь зал, лавируя между укрытыми скатертями столиками и умело избегая нежеланных разговоров кивком головы.

Алли потягивала шампанское и вновь глянула на Мелани. Ее раздражение и разочарование были заметны даже с другого конца комнаты, и Алли с трудом подавила улыбку, зарождавшуюся в уголке рта. Но за удовольствие созерцать хмурое лицо Мелани пришлось заплатить. Когда она вновь переключила внимание на Хадсона, он уже ушел.

— Прошу прощения, — сказала она, выходя из кружка, собравшегося вокруг нее. Она протянула пустой фужер проходившему мимо официанту и, приподняв серебристый подол платья, поспешила туда же, куда направлялся Хадсон. Но когда вышла за двери зала, его не оказалось поблизости.

— Ищете кого-то? — Хадсон внезапно оказался позади нее. Его голос превратился в соблазнительное мурлыканье, которое при других обстоятельствах превратило бы ее в лужицу. Но Алли держалась.

— Своего мужа. Вы его не видели? Высокий, темноволосый, великолепный, упивается вниманием авантюристки, пользующейся самой дурной славой в Чикаго, — она повернулась к нему и усмехнулась. — Наслаждаешься вечером с Мелани?

Хадсон нахмурился.

— Нет, не особо, — он схватил ее под руку и подвел ее к гардеробу.

— Ты мог бы меня обдурить, — сказала она, когда он затащил ее за бархатные шторы. — Выглядит так, будто...

Одним быстрым движением он прижал ее к стене, накрыл ее губы своими, затыкая ей рот своей дикой страстью. Губы Алли со вздохом приоткрылись, и Хадсон воспользовался этим, искусно лаская ее язык своим. Все ее тело инстинктивно расслабилось, отдаваясь моменту, и когда он наконец завершил поцелуй, она едва могла дышать.

Хадсон слегка отстранился, чтобы видеть ее лицо.

— Как бы ты мне ни нравилась в этом оттенке зеленого, — сказал он, поглаживая пальцем ее щеку, — у тебя нет причин ревновать.

Ее пальцы зарылись в волосы у основания его шеи.

— Мне было ненавистно смотреть, как она к тебе льнет.

Одним движением бедер он прижался к ней толстым бугром эрекции.

— Ты единственная, кто делает это со мной, — он вновь завладел ее губами, прижимая ее к стене своим мускулистым телом, и она застонала от отчаянного желания. Она любила его таким, грубым и неукротимым в своем желании к ней. От этого все ее тело ощущалось таким живым.

Но они находились всего в паре шагов от сотен гостей.

— Нельзя, чтобы нас видели вместе, — напомнила она, хотя ее голосу недоставало убедительности.

Хадсон навис над ней, его губы были в считанных дюймах от ее рта.

— Джулиан ожидает, что я буду убеждать тебя принять меня обратно, — его губы сложились в улыбку, грешную и игривую одновременно. — Считай, что тебя убеждают.

Алли улыбнулась в ответ.

— В гардеробной на корпоративной вечеринке? Какое клише, не так ли, мистер Чейз? Так недалеко и до перепиха на копировальной машине во время рождественской вечеринки в офисе.

Хадсон усмехнулся.

— Не мой стиль, но множественные копии попки моей жены — звучит заманчиво. Я просто подумал, что тебе не помешает напоминание о...

Теперь пришла очередь Алли прервать его.

— Так напомни мне уже, — сказала она уже серьезным и искушающим тоном. Она знала, что должна остановиться, поправить его галстук и свое платье, и вернуться к трем сотням благотворителей в зале. Но слышать, как Хадсон называет ее своей женой, воспламенило ее и без того разгоряченную кожу. Все, о чем она могла думать — это то, как отчаянно она его желала.

Его глаза потемнели, и он вложил ей в руку ключ-карту.

— Встречаемся наверху через пять минут. Комната 2305, - с этими словами он повернулся, раздвинул шторы и ушел.

Алли немного подождала и тоже вышла в коридор. Издалека до нее доносился гул тихих разговоров, смешивающийся со звуками струнного квартета. В их расположении двадцать, может, тридцать минут до того, как будет подан ужин. И как только это случится, их пустые стулья несомненно будут выглядеть подозрительно. Возбуждение пульсировало по ее венам, она быстро подошла к лифтам, постоянно оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что

никто не видит, как она покидает мероприятие.

Несколько минут спустя она стояла перед дверью номера Хадсона. Она провела картой по замку и шагнула в комнату. Лунный свет проникал сквозь наполовину задернутые шторы, подсвечивая ее кожу холодным сиянием, но в остальном в комнате было абсолютно темно.

— Разденься для меня, — приказал Хадсон откуда-то из темноты. В его голосе звучали те жесткие властные ноты, которые неизменно посылали волны наслаждения к ее естеству. — Я хочу видеть то, что принадлежит мне.

Во рту пересохло, когда она потянулась к молнии на боку платья. Идеально сидящий корсаж рюшами обхватывал ее фигуру от груди до бедер, но когда она расстегнула молнию, он с легкостью разошелся, серебристая ткань собралась нежным облачком у ее ног. Под платьем на ней были надеты лишь белые кружевные стринги.

Она услышала, как вдалеке Хадсон резко втянул воздух.

— Все, кроме туфель, — сказал он.

Медленно она стянула клочок ткани вниз по бедрам. Ее дыхание участилось, она стояла в ожидании дальнейших его указаний. Зная, что он наблюдает за ней, его глаза жадно блуждают по каждому сантиметру ее обнаженного тела, делая ее прекрасной, сексуальной и похотливой. В такие моменты его власть над ней не ограничивалась физической. Она принадлежала ему телом и душой.

Тишина в комнате казалась вечной, пока, наконец, ее не нарушил звук резко отодвигаемого стула по мраморному полу. Мгновение спустя Хадсон очутился рядом с ней, запустив руки в ее волосы и наклоняя ее голову под нужным ему углом. Он накрыл ее рот своим, врываясь своим умелым языком, изучая и доминируя. Но вместо того, чтобы заклеить ее, он предложил обратное.

— Я принадлежу тебе, — сказал он, и эти хрипло произнесенные слова заставили все ниже ее талии задрожать от желания. — И то, что я не надел сегодня своего кольца, этого не меняет.

Он отступил, и она услышала тихий звук расстегивающейся ширинки.

— Теперь я собираюсь трахать тебя так долго, сколько тебе потребуется, чтобы запомнить это. И плевать я хотел, кто заметит наше отсутствие.

Схватив ее за бедра, Хадсон поднял ее ноги, обвивая ими свою талию.

Он вновь завладел ее ртом, язык грубо ворвался между ее губ. Алли ответила на его поцелуй, одной рукой вцепившись в его рубашку, другой зарываясь в густые волнистые волосы. И тот факт, что она была голой, тогда как он оставался полностью одетым, возвел ее желание до почти невыносимого уровня. Грубая ткань его смокинга терлась об ее обнаженную кожу, свидетельствуя об их обоюдном неиссякаемом желании.

Одним движением бедер он прижал ее к стене, твердая и горячая головка его члена вжалась в ее вход. Алли захныкала, тело ее непроизвольно двигалось, пытаясь вобрать его глубже.

— Ты готова для меня? — спросил он тихим хриплым голосом. — Потому что я больше не могу ждать.

— Да, — она задыхалась, желая этого единения не меньше, чем он. — Сейчас, Хадсон. Пожалуйста.

Он подался вперед, и одним гибким движением ворвался в нее со всей силой. Алли запрокинула голову, ударяясь о стену, и громко застонала. Он отступил и вернулся, проникая еще глубже.

— Так хорошо, — прорычал он.

И затем он принялся трахать ее, вминаясь плавными неумолимыми движениями, пока все мысли о вечеринке внизу не оставили ее. Все, что имело значение — этот мужчина, этот момент и то, как они идеально подходили друг другу.

— О боже, — у нее перехватило дыхание от особенно умелого толчка, и глаза непроизвольно закрылись, упиваясь ощущением его и ослепляющего наслаждения, которое начало накрывать ее с головой.

— Посмотри на меня, — выдавил он.

Ее ореховые глаза встретились с его пронзительно голубыми. И интенсивность его опаляющего жаром взгляда, пока он двигался внутри нее, стала последней каплей. Впившись пальцами в пиджак на его плечах, она взорвалась в оргазме, от которого все ее тело затряслось в его руках. Хадсон еще раз вдолбил ее по самое основание и застыл, проливаясь глубоко внутри нее.

— Вечно, Алли, — он прислонился лбом к ее лбу, пытаясь восстановить дыхание. — Вечно.

***

Алли вышла из лифта напрямик в лапы ирландской инквизиции.

— На секунду я подумала, что ты собираешься пропустить ужин, — сказала Харпер. — Хотя не могу тебя винить, серьезно. Если бы я увидела своего любимого мужчину с этой гадюкой, я бы тоже утащила его для быстрого перепиха.

Алли изо всех сил постаралась сохранить бесстрастное выражение лица. Харпер просто гадала. Поддерживать безразличный вид — ее единственное спасение.

— Тебе разве не надо работать? — спросила она.

— Вот ты где, — Колин как раз кстати появился из-за угла и тут же стал заваливать Харпер информацией. — Первые блюда поданы, менеджер нашел еще один ящик Боллинджера, а музыканты готовы начать играть, как только подадут десерт, — перечислял он, загибая пальцы. — Хочешь сейчас выступить с благодарственной речью?

— Конечно, — Харпер покосилась на Алли. — Если только ты или Хадсон не скажете пару слов вместо меня?

Алли улыбнулась подруге. Сколько бы эта женщина ни болтала, Харпер было некомфортно выступать на публике.

— Ты справишься, — сказала она ей, пока они шли к входу в танцевальный зал.

Она подождала, пока Колин и Харпер исчезли в толпе, затем осмотрела комнату, ища Хадсона. Он сидел за одним из круглых столиков рядом с музыкантами. Мелани опять устроилась возле него, треща Бог весть о чем, но Хадсон смотрел лишь на Алли. Он не отводил от нее взгляда, пока официант наливал в его бокал каберне на пробу. Алли застыла на месте, смотря, как он поиграл жидкостью в бокале, прежде чем поднести ее к носу. Удовлетворенный результатом, он отпил небольшой глоток и облизал губы. Жест был невинным, но выражение его глаз говорило Алли, что он представлял ее вкус на своем языке.

Румянец теплой волной разлился по лицу Алли, и с губ ее сорвался вздох. Нуждаясь в минутке, чтобы собраться, Алли отвела взгляд. И как только она повернулась обратно, то увидела Джулиана, стоявшего прямо перед ней.

— Добрый вечер, Алессандра, — губы его скривились в усмешке.

— Джулиан, что ты здесь делаешь?

— Ем ужин, который стоило подавать заключенным.

— Я имела в виду... Я думала, — она запнулась. — Ты же сказал, что прилетишь в Чикаго первого числа?

— И все же вот он я, на неделю раньше, — он усмехнулся. — Ты не забыла, кто все контролирует? Я задаю расписание, Алессандра. Я корректирую планы под себя. А теперь обрисуй ситуацию, и постарайся сделать это кратко.

— Разве твои слуги не следили за каждым моим шагом?

Его губы сжались в тонкую линию.

— Похоже, нам придется потренироваться перед церемонией, — он подошел ближе и приторный запах его одеколona заполнил ее ноздри. Она буквально чувствовала его вкус. — Ты будешь разговаривать со мной вежливо. Всегда.

Желчь подступила к ее горлу, сердце заколотилось быстрее.

— Мне надо вернуться к гостям, если ты меня извинишь... — она шагнула в сторону, но он поймал ее за руку.

— Не так быстро.

— Не устраивай сцену, Джулиан.

Он опустил руку.

— Тогда отвечай на мои приказы. Ты выдвинула ультиматум?

— Еще нет.

Он застыл.

— Так какого черта ты ждешь? Он ходит за тобой хвостиком, точно ты сучка с течкой, насколько я знаю. Пришло время тебе... как там вы, американцы, любите говорить? Ах да, выложить карты на стол. Сделай это, Алессандра, — Джулиан кивнул на Хадсона и Мелани. — И на твоём месте я бы поторопился, пока он не потерял интерес, — он прищурился, наблюдая за ними. — Интересно, станет ли Мелани навещать супруга в тюрьме?

— Тогда я приглашу его на ужин и все выскажу.

— Быстрее. Я теряю терпение, а ты знаешь, какие импульсивные решения я принимаю в таком состоянии, — угроза в его голосе была очевидной. У нее не оставалось времени.

— Я договорюсь на завтрашний вечер.

Он сдержанно кивнул.

— Следи за своими действиями, — выражение его лица изменилось, когда он скользнул по ней долгим хитрым взглядом. — Ты покраснела, Алессандра. Не знай я тебя лучше, решил бы, что ты находишь мою близость возбуждающей, — Джулиан поднял руку и она вздрогнула. Его глаза вспыхнули, заметив ее защитное движение. Этот большой ублюдох начинал возбуждаться. Она ненавидела свою реакцию почти так же сильно, как и удовлетворенную ухмылку на его губах. Конечно же, он не ударил бы ее, не при стольких свидетелях, и тем более не при тех, кого считал 'фальшивым благородным сословием' Америки. Нет, маркиз Лорен слишком беспокоился о своем образе, чтобы ударить женщину на публике. Он относился к тому типу, которые избивают женщину в уединении ее же дома.

Но когда Джулиан коснулся ее лица, это с тем же успехом могло быть пощечиной. Ощущение эхом вызвало воспоминания о той ночи, когда он швырнул ее через всю гостиную в ее квартире. Она почти чувствовала кровь, капающую по щеке, когда костяшки его пальцев погладили кожу, и когда он склонился ближе, она ясно ощутила ту же вонь алкоголя и сигарет в его дыхании.

— Возможно, от этого слияния все же будет кое-какая выгода, — он опустил руку, заменив пальцы своими губами. Живот Алли сделал адский кульбит, когда он поцеловал ее в щеку. — Я буду на связи, — сказал он и зашагал в направлении бара.

Алли повернулась и увидела, что Хадсон смотрит на нее, и все, о чем она могла подумать в тот момент — это то, как ей хотелось ощутить на себе его руки. Хотя бы теперь у нее есть повод поговорить с ним. По сути, Джулиан, возможно, наблюдает за ней откуда-то, ожидая как раз этого.

Она пробралась к его столику. Еще час назад вид Мелани, запрокинувшей голову и смеющейся, положившей руку на запястье Хадсона, заставил бы Алли обезуметь от ярости. Но в данный момент у нее были заботы поважнее.

Когда она подошла, Хадсон встал, на удивление Мелани, которая замолчала на середине предложения.

— Если вы нас извините, — сказала Алли, совершенно не заботясь о том, что прерывает женщину, буквально запустившую когти в ее мужчину. — Мне нужно поговорить с мистером Чейзом.

Едва эти слова сорвались с ее губ, как он уже двинулся с места. Едва касаясь ее поясицы, он отвел их в угол зала, но и этого контакта было достаточно, чтобы успокоить ее.

— Еще две минуты, и я оторвал бы ему руки, — выпалил он на одном дыхании.

— У нас почти не осталось времени.

— Что он сказал?

— Леди и джентльмены, — руководитель группы музыкантов заговорил прежде, чем Алли успела ответить. — Перед тем, как мы начнем, наши организаторы хотели бы сказать пару слов.

Колин и Харпер оба поднялись на помост, но именно Харпер взяла микрофон. Алли с гордостью смотрела, как ее подруга умирят свои страхи.

— От имени благотворительного фонда Ингрэм я бы хотела поблагодарить каждого пришедшего сегодня вечером. Ваши щедрые пожертвования пойдут на финансирование более двенадцати благотворительных программ, начиная от чартерных школ до передовых раковых исследований и убежищ для женщин и детей, пострадавших от насилия, — последнее было новшеством для миссии фонда, которое недавно предложила сама Алли. К ее огромной радости, она уже собрала необходимый объем пожертвований, чтобы запустить программу этой весной.

— И прежде чем я оставлю вас наслаждаться шоколадом и кружиться на танцполе, — она заговорила тише, — и напиться вином настолько, чтобы предлагать абсурдно высокие цены за предметы на аукционе, — она улыбнулась, когда по залу прокатились тихие смешки, говорящие, что ее шутка нашла отклик. — С моей стороны было бы упущением не высказать особую благодарность совету директоров Ингрэм, в частности генеральным директорам, за их непоколебимую решительность.

Двусмысленность в ее словах нельзя было не заметить, но чтобы подчеркнуть это, Харпер выгнула бровь, глядя на Алли, пока представляла Алли и Хадсона здесь присутствующим. Проектор на мгновение ослепил их, толпа аплодировала, и затем музыканты начали играть.

— Думаю, нам будет уместно потанцевать, — сказал Хадсон.

Алли кивнула. Благодаря маленькому фокусу Харпер, Джулиан бесспорно наблюдал за ними. Черт, да все в этой комнате наблюдали за ними. Если что, танец убедит его, что она

достигла желаемого прогресса.

Хадсон протянул руку, и Алли положила ладонь на его бицепс. Через ткань смокинга она чувствовала, как напряжены его мышцы. Как только они достигли середины паркетной площадки, он привлек ее в свои объятия. Она хотела прижаться к нему всем телом, с макушки до пят ощутить их связь, но приходилось держать расстояние, подобающее для публичного места.

После нескольких аккордов другие пары присоединились к ним на танцполе, и тихое бормотание вновь наполнило зал. Хадсон привлек ее ближе, прижимаясь щекой к ее виску. Она знала, что это для того, чтобы приглушить их беседу, но контакт кожи с кожей все равно заставил ее задрожать.

— Что хотел этот ублюдок? — пробормотал он ей в волосы.

— Результатов. Я должна пригласить тебя на ужин завтра вечером и поставить перед ультиматумом.

— Я зарезервирую столик.

— Надо где-нибудь на виду, чтобы он мог видеть. Иначе... — она отстранилась, чтобы посмотреть на него. Горячие слезы навернулись на глаза, когда она встретилась с ним взглядом. — Он теряет терпение, Хадсон. Он начинает угрожать.

Хадсон привлек ее ближе, обнимая еще крепче.

— Я позабочусь об этом, — сказал он, и несколько мгновений спустя добавил: — Я позабочусь обо всем.

Алли посмотрела на маленький прибор, который Хадсон держал между двух пальцев.

— Что это такое?

— Последнее приобретение команды Макса, — он убрал маленький предмет обратно во внутренний карман пиджака и поправил галстук. — Что-то вроде устройства для шумовых искажений. Оно позволит нам разговаривать свободно.

Небольшой ресторанчик уже гудел всеми возможными звуками, от звона посуды до оживленных разговоров толпы у барной стойки. Сложно было расслышать даже человека напротив тебя, не говоря уж о соседнем столике. Если только...

— Ты думаешь, Джулиан установил здесь жучки?

— Нельзя недооценивать соперника, Алессандра. И в данный момент нельзя сказать, как далеко он готов зайти, — Хадсон подлил еще кьянти в ее бокал. — Кто бы ни следил за нами сегодня, он сумеет расшифровать наш разговор только по выражению лиц и языку тел.

Она кивнула и инстинктивно посмотрела на огромное окно рядом с их столиком. Снаружи люди спешили вдоль по тротуарам, машины забили все четыре полосы движения. Чуть подалее туристы столпились вокруг исторической водонапорной башни (36), позируя для фотографии или садясь в кареты, чтобы покататься. Хадсон не только выбрал ресторан рядом с оживленным проспектом, но и позаботился, чтобы их посадили у окна. Администратор удивилась, когда он предпочел место 'в аквариуме' вместо приватной кабинки, куда она их вела, но пятьдесят баксов, опустившиеся в ее ладонь, быстро решили проблему.

— Расслабься, Алли, — Хадсон хотел ободрить ее, но нервное волнение, гудевшее в ее венах, никуда не делось. Кто-то следил за каждым их шагом. Вести светский разговор оказалось сложнее, чем она ожидала.

Она ткнула вилкой в пиццу, приготовленную на огне. Сочетание бурраты, рукколы и масла белого трюфеля было одним из ее любимых, но сегодня она едва коснулась блюда.

— Расскажи мне о проектах, презентованных вчера, — сказал он, явно пытаясь ее отвлечь. — Удалось достичь цели?

Алли потянулась за вином. Но отпив приличный глоток, едва ощутила его вкус.

— Даже превзойти ее, на самом деле. И намного. Конечно, это во много благодаря щедрому чеку, который выписал ты.

— Возможность увидеть моего брата в смокинге стоила каждого цента.

Тут ей в голову пришла мысль, и впервые за время их встречи ее лицо осветила искренняя улыбка.

— Я слышала, он завел щенка.

Меж бровями Хадсона залегла складка.

— Да, видимо, рыженькая решила, что ему это пойдет на пользу.

— Хадсон, ты же знаешь, что ее зовут Харпер.

— Ладно. Харпер, — сказал он, подчеркивая ее имя, — может сама убирать за этой штукой в следующий раз. Эта мелкая собачонка облегчилась где угодно, кроме чертовой пеленки.

Алли прикрыла рот салфеткой.

— Я знаю этот трюк с салфеткой, Алессандра. Давай, смейся надо мной, — тут его

взгляд смягчился. — Хотя я рад, что у тебя есть повод улыбнуться.

— Ты даешь мне массу поводов для улыбки, Хадсон.

— И я планирую продолжать в том же духе.

Возле столика появился официант с чеком. Протянув свою кредитку, Хадсон вновь переключился на Алли.

— Ну а пока, полагаю, пришло время тебе нанести решающий удар.

— Ну, поскольку тебе нужно выглядеть расстроенным из-за моих слов, обсудим вчерашнюю игру Быков?(37)

Хадсон нахмурился.

— Ту игру решили судьи, а не игроки.

Бинго. Хадсон тут же откинулся в кресле, руки скрещены на груди, брови нахмурены. Для любопытных взглядов он выглядел как мужчина, которому только что поставили ультиматум.

Он быстро встал, как только Алли поднялась со стула.

— Мой лимузин ждет снаружи, — сказал он, бросив салфетку на стол.

Она мельком глянула в окно.

— Думаешь, так будет правильно?

— Ты якобы только что дала мне возможность вернуть тебя. Подвезти тебя домой было бы логичным, — он положил руку ей на поясницу и вывел из ресторана. Макс уже стоял на тротуаре у открытой двери лимузина. Алли скользнула внутрь и подождала, пока Хадсон обменялся парой слов с мужчиной, который был его правой рукой, и тоже присоединился к ней на кожаном сиденье. Как только дверь закрылась, она тут же забралась ему на колени, пользуясь уединением, которое обеспечивали темные тонированные стекла.

— Обними меня.

Его руки уже обхватили ее тело.

— Тебе не нужно просить.

Алли опустила голову ему на плечо. Обычно одна лишь его близость заставляла ее таять, но теперь и этого было недостаточно, чтобы ослабить мучившее ее напряжение.

— У Макса есть какие-то новости?

Хадсон вздохнул.

— К сожалению, нет. Хотя он вычислил предположительного туриста, фотографировавшего нас.

— Кто-то из людей Джулиана?

Он коротко кивнул.

— Похоже на то.

— Он потребует информацию. Собрание совета в следующем месяце заставляет его нервничать.

— Скажи ему, что я согласился.

Алли вскинула голову.

— Переписать на меня акции Ингрэм? — ее голос прозвучал на несколько октав выше обычного. Это было нелепой уступкой, какой она от него совсем не ожидала. И все же его согласие, даже в теории, застало ее врасплох.

— Да. Джулиан знает, что я к тебе чувствую. Весь его план основан на том, что я пойду на что угодно, чтобы вернуть тебя. Он не ожидает ничего другого. Если вдруг выяснится, что я могу не согласиться, его действия будут непредсказуемыми, — Алли открыла рот, но

Хадсон тут же ответил на ее невысказанный вопрос. — Это не ускорит его планы. Он знает, как долго составляются и оформляются подобные бумаги. На худой конец, ложное чувство прогресса может заставить его оставить тебя в покое, — его пальцы ритмично поглаживали его спину. — Тем временем, я предоставлю в распоряжение Макса все ресурсы. Если есть улики, которые можно использовать против Джулиана, он в конце концов найдет их.

— Просто, Хадсон... мне начинает казаться, что там нечего искать. Стрелок мертв, и никто из окружения Джулиана не рискнет повторить его судьбу. Твоя команда работает уже несколько недель, и мы ни на шаг не продвинулись по сравнению с началом всего этого хаоса, — она прерывисто вздохнула. — Он уйдет безнаказанным.

Хадсон взял ее за руку.

— Нет. Мы что-нибудь придумаем.

Горячие слезы навернулись ей на глаза, когда она представила себе самодовольное выражение на лице Джулиана тем днем в его замке.

— Если бы ты только видел, как он злорадствовал, — ее голос дрожал от эмоций. — Он говорил о том, как планировал их убийство, точно речь шла об одной из его любимых детективных драм, — идея шарахнула ее почти подобно физическому удару, и она резко выпрямилась. — Точно, — сказала она уверенно и четко впервые за вечер. — Мне нужно записать на пленку, как он хвастается этим.

— Ни за что.

— Это единственная возможность покончить с этим раз и навсегда.

— Через мой труп.

— Ну почему?

Хадсон посмотрел на нее так, точно она выжила из ума.

— Не считая очевидных причин?

Она не шевельнулась, и он продолжил, сердито выдохнув.

— Даже если допустить это, и тебе бы удалось, нет гарантии, что суд примет эту улику.

Такой тип доказательств ценится по-разному в зависимости от дела.

Она покачала головой.

— Это неважно. Я не собираюсь врываться в полицейский участок с этой записью, ведь он может отомстить тебе и Нику. Мне достаточно использовать это против него. Обмен информацией.

Все тело Хадсона напряглось под ней.

— Проклятье, Алли, — буквально выкрикнул он, стаскивая ее со своих колен. — Ты, черт подери, не можешь серьезно думать об этом, — он разразился быстрой гневной тирадой. — Этот ублюдок подобен заряженному пистолету, готовому спустить курок. Неизвестно, что он сделает, если его загнать в угол. Если ты думаешь, что я позволю тебе так рисковать собой, хоть на минуту... — его челюсть напряглась, и она знала, что перед его глазами стоит та же сцена, что и перед ней — Джулиан, заваливший ее на диван.

— Джулиану нужна я. Он не может ничего со мной сделать, или весь его план пойдет прахом, — она взяла его лицо в ладони, заставляя посмотреть на себя. Когда их глаза встретились, его взгляд пылал яростью, но помимо этого она увидела там страх. Он боялся за нее, и эту эмоцию она понимала слишком хорошо. — Он не причин мне вреда, — прошептала она.

Когда он заговорил, голос его был хриплым.

— В прошлый раз он почти...

— Я знаю, — сказала Алли. — Но теперь он ведет себя хорошо. Он не может рисковать и испортить все, сев в тюрьму за побои.

— Проклятье, Алли. Побои — лишь верхушка айсберга.

Она тяжело сглотнула.

— Хадсон, я должна это сделать. Это наша единственная надежда.

Миновало несколько напряженных мгновений. Алли сидела абсолютно неподвижно, позволяя ему прийти к единственному логичному заключению. Наконец, тяжело вздохнув, он заговорил.

— Мне это не нравится, Алессандра, скажу прямо.

— Я тоже не в восторге, но это единственный выход.

Хадсон провел рукой по волосам.

— Мы сделаем это по-моему. Я не хочу ни в чем полагаться на удачу.

— Да, конечно, — она без колебаний согласилась.

На протяжении оставшейся поездки Хадсон изложил свои условия. Встреча должна пройти на публике, на Алли наденут прослушку и отслеживатель, Макс будет руководить всей операцией. Его команда тренированных профессионалов не только обучит ее, они будут наблюдать за ней все время.

— Я отдам необходимые указания первым делом завтра утром, — сказал Хадсон, когда они притормозили у ее особняка. Он проводил ее до двери и поцеловал на прощание в щеку. — Я, черт подери, ненавижу это, — прорычал он, прежде чем повернуться и сбежать по ступенькам. Алли не знала, что именно он имел в виду — их план или целомудренное прощание, но скорее всего, и то, и другое.

Едва она отперла дверь, как зазвонил ее телефон.

— Поцелуй перед дверью? Как мило, — слова Джулиана сочли сарказмом. — Кажется, я ясно высказался насчет лобызания с этим дворнягой.

— Это был поцелуй в щеку, Джулиан. Он должен думать, что я возвращаюсь к нему, помнишь? И это работает. Он согласился переписать акции.

— Отлично. Когда бумаги будут готовы?

— Не знаю. Он сказал, что запустит процесс завтра. Скоро узнаю подробнее.

— Следи за своими поступками, — рявкнул он и повесил трубку.

— Ну, и тебе до свидания, мудака, — пробормотала она себе под нос. Сбросив пальто и шарф, она прошла в спальню, по пути забрав ноутбук с кофейного столика. Была по меньшей мере дюжина писем, требующих ее внимания еще до начала рабочей недели. Если повезет, они отвлекут ее от мыслей, не дававших ей спать почти каждую ночь. Кажется, единственные ночи, в которые ей действительно удалось отдохнуть после их возвращения из Европы, она провела в доме Хадсона на озере.

Но вместо утешения в объятиях мужа ей приходилось довольствоваться горячим душем и чашкой любимого зеленого чая. Она нагнулась, чтобы вытащить футболку и пару фланелевых брюк из ящика, а когда повернулась, то едва удержалась, чтобы не вскрикнуть.

Хадсон стоял прямо в дверном проеме спальни.

— Извини. Не хотел тебя напугать, — он сменил пиджак и галстук на толстовку с воротником на молнии и бейсболку, низко натянутую на глаза.

— Ты просто... ты переоделся... и я не ожидала тебя... — ее мысли и сердце бешено скакали от пережитого шока. — Как ты сюда попал?

Он бросил кепку на прикроватную тумбочку и провел рукой по волосам.

— Я вошел через черный вход. Людей Джулиана трудно не заметить. Их машина прямо перед входом.

— Я думаю, смысл как раз в очевидности. Он хочет, чтобы я знала об его слежке, вот почему ты не можешь остаться.

— Черта с два я не могу. Я не спал со своей женой с самого медового месяца, если его вообще можно так назвать, — он разом стянул толстовку и футболку через голову, обнажая жесткие контуры грудных мышц и четко очерченные кубики пресса. — Как только вся эта хрень закончится, я увезу тебя на настоящий медовый месяц, куда-нибудь в теплое тропическое местечко. Одежда не потребуется. Вид голой груди Хадсона в сочетании с мыслями о том, чтобы валяться с ним на песчаном пляже отвлек ее, и прежде чем она успела осознать происходящее, он оказался полностью обнажен. Она упивалась видом, любуясь им с головы до пят, задержавшись взглядом на эрекции, приподнявшейся ей навстречу в демонстрации мужественности и желания.

— Нравится то, что ты видишь?

Она подняла взгляд и увидела, что он выгнул бровь и криво усмехается.

— Ты же знаешь, что да, но...

— Я уеду утром после того, как твой хвост последует за тобой на работу. Ну а пока я хочу заняться любовью со своей женой и уснуть у нее на руках.

Спорить с ним было бесполезно. Тем более что он предлагал именно то, в чем она нуждалась.

— Вы обладаете даром убеждения, мистер Чейз. Можно сказать, мастерски владеете языком.

Он облизнул губы, лениво пересекая спальню.

— Ох, миссис Чейз, вы себе не представляете.

(36) Чикагская водонапорная башня является единственным общественным зданием, пережившим пожар 1871 года, и выступает символом старого Чикаго и восстановления города после огня.

(37) Чикаго Буллз (Чикагские быки) — профессиональная баскетбольная команда Чикаго.

Алли никогда не любила утро понедельника. Ни будучи маленькой девочкой, которую шофер отвозил в школу, ни будучи взрослой женщиной, ежедневно ездящей на работу. Но утро понедельника особенно жестоко, когда приходится оставлять Хадсона Чейза, спящего в твоей постели. Голого.

Вид его, развалившегося на ее матрасе, оставался в ее памяти целый день. Одна рука запрокинута за голову, нога согнута, и все шесть футов три дюйма (38) представляли собой то еще зрелище. Но именно девять дюймов (39) тяжелой плоти, покоившейся внизу его живота, заставили ее хотеть забраться обратно в постель. Она отдала бы что угодно, чтобы задернуть шторы, отключить телефоны и провести целый день, показывая своему мужу, насколько она его жаждала. Но вместо этого она просто поцеловала его в лоб и направилась к двери.

Он поморгал, глядя на нее, великолепные голубые глаза были мутными спросонья.

— Возвращайся в постель, — протянул он.

— Мне нужно ехать на работу, чтобы сладкая парочка перед домом покинула свой пост.

— Который час?

— Почти семь. Я хотела освободить дорогу, чтобы у тебя было время заехать в пентхаус перед своей первой встречей.

Его губы расплылись в ленивой сексуальной улыбке.

— Которая только в девять, — он потянулся к ней, но Алли стояла на своем, зная, что если поддастся на мгновение, то останется на весь день. Он неохотно согласился, когда она напомнила ему о необходимости запланировать встречу с Максом этим утром, но заставил ее пообещать, что они найдут способ провести вместе хотя бы часть вечера. Шаловливые слова, которые он прорычал ей вслед, заставили ее отсчитывать часы, и когда наконец стрелка достигла шести, она была более чем готова к секретному randevu.

Телефон на ее столе зазвонил, когда она уже собирала вещи. После третьего гудка она позвала Колина, но когда тот не отозвался, она сама ответила.

— Алессандра Синклер, — произнесла она, и внезапно ее собственное имя прозвучало неправильно. Прошло чуть больше недели с тех пор, как она вышла за Хадсона, и хоть никто об этом не знал, она уже думала о себе как об Алессандре Чейз. Алли Чейз, если называть вещи своими именами. Хадсон говорил ей, что не будет возражать против двойной фамилии, но взять его фамилию казалось ей просто идеальным. И как только они публично огласят новости, она собиралась изменить фамилию.

— Нам надо встретиться, — звук сиплого голоса Джулиана послал дрожь по ее позвоночнику.

— Ладно, — согласилась она. Как бы ей ни была ненавистна идея видеть Джулиана, она никак не могла придумать, под каким предлогом им встретиться. Он был слишком умен, чтобы хоть как-то изобличить себя в убийстве ее родителей по телефону. И тот факт, что Джулиан предлагал встретиться, был недостающим кусочком пазла, который как раз встал на место. Она зажала телефон между ухом и плечом, и открыла календарь на своем ноутбуке. — Когда?

— Сейчас.

— Сейчас?

— Я говорю по-английски, Алессандра. Уверен, ты меня поняла.

— Я просто думала...

— Мне не нужно, чтобы ты думала, — перебил он. — Мне нужно, чтобы ты сделала, как сказано. Машина перед зданием. Не заставляй меня ждать, иначе я могу использовать это время, чтобы пересмотреть наши условия.

Звонок закончился. Мысли Алли бешено неслись. Они с Хадсоном договорились, что Макс спланирует встречу с Джулианом, и она обещала в точности следовать инструкциям. Но она не ожидала, что Джулиан свяжется с ней так скоро, и его недвусмысленные угрозы не оставляли ей выбора. Она должна была встретиться с ним. Не было никакой гарантии, что им представится еще одна возможность поговорить наедине.

Алли глубоко вдохнула через нос и постаралась сосредоточиться. Если Джулиан выдаст себя, она должна быть готова. Ее телефон может записывать аудио, но когда он в последний раз 'потребовал' ее присутствия, его головорезы конфисковали телефон. Вероятно, они сделают это снова. Ей нужен другой вариант.

Пока она собирала вещи и направлялась к двери, ей в голову пришла идея. Выйдя в приему, она увидела, что Колин вернулся за свой стол.

— Все хорошо, леди-босс?

— Да, просто у меня поздняя встреча, и я немного тороплюсь.

Он нахмурился, глядя на экран компьютера.

— В вашем календаре ничего нет.

— Ага, извини, забыла упомянуть, — Алли просунула руки в рукава пальто. — Не знаю, где была моя голова в последние три дня. Эй, а у тебя есть под рукой цифровой рекордер?

— Конечно, — Колин открыл ящик стола и вытащил устройство. Оно оказалось даже меньше и тоньше, чем ей помнилось. Идеально.

— О, и пара ножниц?

Он схватил их и закрыл ящик. Любопытство было написано на его лице, когда он протянул ей оба предмета.

— Спасибо, — выпалила она через плечо, спеша к выходу. Если бы она помедлила еще дольше, он начал бы задавать вопросы, на которые она не в силах ответить.

В лифте Алли быстро набрала сообщение Хадсону и съезжилась, нажимая 'отправить'. Он несомненно будет в ярости. Но у него не оставалось времени привести план в действие, а она даже не знала, куда отвезет ее машина. Она предпочла бы позвонить ему, услышать его голос, успокоить его, но ей пришлось запрятать одноразовый телефон перед тем, как выйти в холл.

Ножницами она сделала маленькую прорезь на дне сумочки, засунув телефон под подкладку и положив сверху кошелек и косметику. Свой обычный телефон она положила в карман пальто, чтобы был под рукой, когда водитель попросит его отдать.

Ее глаза лихорадочно метнулись к табло над дверьми лифта. Еще пять этажей. Она быстро переключила рекордер в режим записи голоса и засунула его в лифчик, оставив две верхних пуговицы на блузке не застегнутыми в надежде, что ткань не заглушит звуки.

Боже, надеюсь, это сработает. Ее импровизированный план был далек от профессионального, и по правде говоря, основан по большей части на просмотренных ею фильмах. Нет никакой гарантии, что она сумеет увести разговор в нужную колею, не говоря уж о том, запишет ли устройство чистый звук. Но если есть хоть малейший шанс, что

Джулиан скажет что-то, избобличающее его, он должен быть готов.

Машина, присланная Джулианом, ждала на обочине. Алли тут же узнала водителя. Это был тот же самый наемный бандит из замка, который держал ее в библиотеке, пока Джулиан разбирался с безотлагательными вопросами. Он выбрался из черного Лексуса, как только Алли прошла через вращающиеся двери, и протянул руку в черной перчатке.

— Протокол, — сказал он с усмешкой.

Алли протянула свой смартфон и смотрела, как он его выключает.

— Куда мы направляемся? — спросила она, когда он распахнул заднюю дверцу.

— Домой, — его покровительственный тон послал по ее телу волну беспокойства.

Домой? Что, черт побери, это значит? Джулиан снимал номер люкс в Пенинсуле каждый раз, когда приезжал в город. Устроившись на кожаном сиденье, она задумалась, неужели этот заносчивый ублюдок действительно купил для них дом, где они будут жить как муж и жена. Она бы не удивилась. Он обращался с ней как с аксессуаром, и выбрать дом, не советуясь с ней, было бы в порядке вещей. Но чем дольше они ехали, тем очевиднее становилось место назначения. Машина направлялась на Лейк Форест.

Джулиан собирался встретиться с ней на месте преступления. Буквально.

Адреналин курсировал по венам Алли, а машина уже завернула в небольшой переулок, пролежавший параллельно озеру. Один за другим они проезжали исторические дома, разбросанные то тут, то там по северному побережью, и вскоре она увидела каменную стену, окружавшую прибрежную собственность ее семьи.

— Дом, милый дом, — сказал водитель, въезжая в железные ворота Мэйфлауэр Плейс.

Алли посмотрела на него в зеркало заднего вида.

— Дайте мне минутку, — ее живот скрутило от мысли вновь войти в этот дом, и на секунду ей показалось, что ее стошнит. Она сделала глубокий вдох и на дрожащих ногах выбралась из машины. Перед ней возвышался особняк из кирпича и камня, когда-то бывший ее домом. Теперь он являлся лишь местом преступления. Ее худшим ночным кошмаром, воплотившимся в жизнь.

Джулиан ждал ее в гостиной, сразу за фойе с мраморными полами.

— Добрый вечер, Алессандра. Как твоя поездка? Не слишком много пробок, надеюсь.

Алли нахмурилась. Он вел светский разговор с ней, как обычный мужчина в конце обычного рабочего дня. А не мужчина, заманивший женщину, которую он шантажирует, в дом, где он убил ее родителей.

— Выпьешь что-нибудь?

— Зачем мы здесь, Джулиан? — дрожь в ее голосе разрушила видимость спокойствия, которую она тщательно поддерживала.

Он подошел к набору графинов, стоящих на серебряном подносе. Порошок для снятия отпечатков пальцев, который покрывал их в прошлый раз, когда она здесь была, уже стерли, и грани хрусталя отражали свет камина.

— Я король замка, — сказал он, наполняя бокал щедрой порцией водки. Алли заметила, что он не потрудился добавить лед. — Могу и жить в нем.

Из всех садистских планов, которые Джулиан на нее имел, этот мог стать худшим. Проживание в Мэйфлауэр Плейс не имело ничего общего с престижным адресом. Их будущая резиденция должна была служить постоянным напоминанием того, на что он способен.

— С этой ужасной комнатой придется попрощаться, — сказал он, кивая на столовую.

Не подумав, Алли проследила за его взглядом. Отметки полицейского расследования исчезли, но комната все равно не была похожа на ту, которую она помнила. Когда-то скошенные зеркала покрывали каждый дюйм стен, но теперь одна секция пустовала. Пули раскололи висевшую там панель, и на ее месте остались лишь кровавые подтеки.

— Серьезно, твоя мать на самом деле полагала, что сможет создать свою версию Версаля? — он презрительно фыркнул. — Конечно же, декор в любом случае придется заменить. Все эти пятна от крови и мозгов, — он прищелкнул языком. — Жалко, что ковер забрали как улику. Он был единственной приемлемой вещью в комнате.

Алли закрыла глаза, сопротивляясь натиску образов, заполонивших ее мысли. Вновь открыв их, она впервые заметила, что стол элегантно сервирован для приема пищи. Белая скатерть, свежие цветы, любимый фарфор ее матери — все было готово для романтического ужина на двоих, если бы не кровь на стене. Даже горели свечи.

— К чему все это?

— Празднование, — поднеся стакан ко рту, он отпил большой глоток. — Ты хорошо поработала, Алессандра. Передача акций запущена, и я подумал, что нам стоит выпить за предстоящую церемонию, — он усмехнулся. — В конце концов, нет времени для вечеринки в честь помолвки.

— Ты уверен, что хочешь торопиться с этим, Джулиан? В смысле, ты же хотел роскошное торжество, о котором будет писать вся пресса? — спросила она, повторяя его же слова, которые он говорил раньше, пытаясь выиграть время.

— Уверю тебя, наша свадьба будет в точности такой, какой ее представляла твоя мать. Жаль, она не сможет ее увидеть, — в его голосе не прозвучало ни капли раскаяния. — Все распоряжения были отданы, просто никто из поставщиков не знает личности жениха и невесты. Как только ты получишь акции, мы сможем объявить о помолвке, — он взял графин и наполнил стакан доверху. — Мы поженимся на день святого Валентина, как и договаривались, а когда вернемся из медового месяца, ты скажешь совету, что передумала и не хочешь больше работать в Ингрэм. И тогда-то ты используешь свой внушительный пакет акций, чтобы твой муж занял вакантное место.

— Похоже, ты все продумал, — возможно, если она польстит его эго, ей удастся заставить его заговорить о своих планах. Пока что он показал себя как черствого шовиниста и ублюдка, но не сказал ничего инкриминирующего.

— Я тщательно подхожу к делу, Алессандра. И я всегда получаю желаемое. Тебе придется это запомнить. А что касается деталей нашего соглашения, не нужно беспокоиться. Все прописано в добрачном соглашении.

— Ты думаешь, что я подпишу брачный контракт?

— Детали очень щедрого свадебного подарка, который ты мне передашь.

Чтоб тебе провалиться. Вне контекста ни одно из его слов не походило на признание в совершенном преступлении.

Осушив бокал и поставив его на кофейный столик, он обошел комнату.

— На самом деле, давай покончим с бумагами до ужина, да?

Как будто он давал ей право выбора. Взяв ее за локоть, Джулиан отвел Алли в кабинет ее отца. Ее горло сдавило от воспоминаний о том, как она в последний раз шла по этому коридору, такая уверенная в своей миссии. Она планировала вернуть себе контроль над своей жизнью. Но вместо того разлетелась на тысячи кусочков.

Джулиан открыл дверь в кабинет, и на мгновение она вернулась в прошлое... ее отец,

лежащий на столе, кровь, вытекающая из груди, трубка телефона, лежащая в безжизненной руке. Полиция определила, что ее мать застрелили первой, она случайно наткнулась на стрелка на кухне. Слышал ли ее отец выстрелы? Пытался ли позвонить в 911? Ее сердце разбивалось на части, когда она представляла кошмарные последние моменты его жизни, и все же этот сценарий прокручивался в ее голове тысячу раз.

— Алессандра, если ты будешь уделять внимание, когда я с тобой говорю, это существенно облегчит процесс.

Алли повернулась и увидела, что Джулиан стоит возле сейфа, спрятанного в одном из книжных шкафов. На секунду она удивилась, откуда, черт подери, Джулиан знает комбинацию. Но потом вспомнила, что он месяцами был правой рукой ее отца, его несомненным преемником. Естественно, он знал комбинацию. Ее отец безоговорочно доверял Джулиану. А в ответ тот предал его, лишив жизни.

— Ты убил его, — прошептала она, отрывая взгляд от темных пятен крови на столе. — Он доверил тебе заботу не только о своей компании, но и о своем ребенке, а ты убил его.

После последнего поворота замок открылся.

— Ну, честно говоря, я просто заплатил человеку, который хладнокровно убил твоих родителей, — он усмехнулся, открывая небольшую железную дверцу. — Я же не нажимал на курок.

Гребаный мудака. Для него все это лишь какая-то извращенная игра. Но она поймала его. Теперь ей оставалось лишь молиться, чтобы рекордер записал его слова. И чтобы убраться от него подальше.

— Я не очень хорошо себя чувствую, — сказала она, выдавая единственный повод, который смогла придумать для внезапного ухода.

— Нет нужды разыгрывать головную боль, *ma cherie*. Позднее я ожидаю гостя, так что Филипп отвезет тебя в город после ужина, — похотливая улыбка скривила его губы. — Если, конечно, ты не захочешь присоединиться к нам. Эмбер питает особое пристрастие к блондинкам.

Джулиан перевернулся, и у Алли перехватило дыхание. В одной руке он держал добрачное соглашение, а в другой — пистолет.

— Зачем тебе пистолет? — во рту у нее настолько пересохло, что она едва выдавила эти слова.

Он подошел к ней, источая высокомерие. Сердцебиение Алли резко подскочило, когда он приблизился.

— Дополнительный стимул никогда не помешает, — сказал он, останавливаясь перед ней и кладя контракт на стол. — В конце концов, мне от тебя никакой пользы, если ты не подпишешь, — судя по голосу, он явно наслаждался ее страхом. Он погладил ее светлые волосы, накручивая прядку на палец. — Так что будь хорошей девочкой, и не заставляй меня убивать курочку, несущую золотые яйца.

— Просто скажи мне, что делать.

— Хмм... — уголок его рта приподнялся в ленивой улыбке. — Вот что мне хотелось бы услышать, — отпустив ее волосы, он провел указательным пальцем по горлу, проследившая бешено пульсирующую венку на шее. — Возможно, это соглашение будет не таким уж невыносимым, — он облизал губы, палец скользнул в глубокий V-образный вырез блузки. Алли напряглась под его прикосновением. Если он опустится чуть ниже...

Кончик пальца Джулиана забрался под блузку, и его рука застыла. Его ноздри

раздулись, лицо исказилось яростью.

— Это еще что за хрень?

(38) 190 см.

(39) Без малого 23 см.

Когда Хадсон остановил свой DB9 у периметра дома на Лейк Форест, было темно хотя глаз выколи. Он выключил фары примерно за пятьдесят метров и ехал в темноте, чтобы не быть замеченным. Судя по тому, что ему удалось разглядеть, на подъездной дорожке была припаркована только одна машина, кусок дерьма в стиле 'мы-вас-заберем', Лексус напрокат. Он почти ожидал, что его встретит банда головорезов Джулиана, но пока его встречала лишь тишина. Было тихо, слишком тихо, лишь гудение и потрескивание остывавшего двигателя автомобиля.

Он был в гараже под своим домом, когда получил сообщение Алли. Чертова смс-ка моментально выбесила его, оставив в бессильной ярости. Единственное преимущество, которое он имел в этой спасительной операции — одноразовый телефон, который давал возможность отследить ее. Но какого хрена она встречалась с этим мудаком наедине? Ее безопасность была для Хадсона важнее всего, а этот ход был полной противоположностью плану, который они обсудили и согласовали.

Будь все проклято.

Он провел рукой по волосам и посмотрел на часы. Где Макса черти носят? Хадсону нужно было сделать что-нибудь, чтобы успокоиться. Он вытащил телефон и нажал клавишу быстрого набора. Макс ответил после первого гудка.

— Когда будешь? — тихий голос Хадсона был острее бритвы.

— Двадцать минут.

Дерьмо, слишком долго. Выругавшись, Хадсон бросил трубку. Его нутро скрутило при мысли, что Алли так близко к этому социопату, кислород обжигал пересохшее горло при каждом вдохе. Иисусе, Джулиан способен на что угодно и не испытывал никаких угрызений совести.

В этот момент как раз зажегся свет в дальней части дома. По снимкам с места преступления Хадсон знал, что там располагался кабинет, в котором застрелили отца Алли. Сердце его тревожно заколотилось, и ему начало казаться, что оно взорвется у него в груди. Он должен что-то сделать. Не мог же он просто сидеть и ждать, пока Джулиан Бог знает что творил с его женой.

Хадсон дернул дверную ручку и быстро выбрался из машины. Широкими шагами он как можно скорее направился к кирпичному особняку, прямою к французским дверям в кабинет. Он обогнул высохшую поилку для птиц и перемахнул через ряд низких кустарников. Проклятье, слишком много стекла. Но сад снаружи образовывал неосвещенное убежище из низко свисающих ветвей, давая ему идеальное прикрытие.

Он подобрался вплотную к дому и прислушался. Ни единого звука, указывающего на чье-то приближение с боков или сзади. Изнутри доносился голос с французским акцентом, моментально выводивший Хадсона из себя. Он переместился и увидел, как этот мудака сам подписывает себе смертный приговор. Джулиан стоял в считанных дюймах от Алли, прижавшейся к массивному столу. Ее лицо застыло в маске, за которой она явно прятала ужасные сцены, которые ей довелось пережить не так давно.

Инстинкты подсказывали ему ворваться внутрь и взять ситуацию под контроль. Но как бы это его ни убивало, он понимал, что должен подождать. И все же эта нужда была почти

непреодолимой, и чувство только усилилось по мере развития событий.

Джулиан развернулся и пересек комнату, подойдя к сейфу, спрятанному в книжных полках. Хадсон прищурился, всматриваясь в железную коробку, когда Джулиан стал вращать ручку сейфа — вправо, влево, снова вправо. Распахнув дверцу, он повернулся, и кровь Хадсона застыла в жилах. Дело было не в бумагах в левой руке Джулиана, а в пушке, которую он держал в правой.

Ни за что на свете. Ни за что нахрен на свете.

Грудь Алли вздымалась и опадала с каждым вздохом, все ее тело дрожало. Джулиан подошел еще ближе, почти касаясь ее, и нахальное удовольствие на его лице было подобно удару по голове. Этот извращенец выглядел так, будто пребывал в агонии оргазмической горячки.

Хадсон переместил свой вес, разминая ноги на клочках снега, цеплявшихся за землю. Он выпрямил спину, шире расставил ноги, не отводя взгляда от парня, который опасно балансировал на грани собственной гибели.

Одно гребаное движение...

И потом он ее коснулся. Пальцы Джулиана зарылись в волосы Алли и спустились вниз по шее. Внезапно выражение его лица изменилось, черты исказились яростью. Алли вздрогнула, когда он одним резким движением разодрал ее блузку, оставляя от тонкой ткани лишь лохмотья и открывая записывающее устройство, торчавшее из ее кружевного лифчика.

Движимый ненавистью и инстинктом защитить, Хадсон со всех ног рванул вперед. Плечом он толкнул дверь, от чего она с грохотом ударилась о стену, и стекло разлетелось на миллион осколков. Джулиан резко повернул голову в сторону неожиданного вторжения, и дуло пистолета последовало за его взглядом. Хадсон знал, что Джулиан взял эту штуку с умыслом. Но и у него была цель. И каждый, кто встает у него на пути, все равно лезет под гребаный поезд, идущий на полной скорости.

Со всей силой Хадсон стремительно бросился на Джулиана. Двое мужчин столкнулись, и используя весь свой вес, Хадсон швырнул Джулиана к каминной полке. Фотографии в рамках посыпались на пол, разбилась хрустальная ваза. Одной рукой он схватил Джулиана за горло, другой вцепился в его запястье. Вены на шее Джулиана вздулись, и Хадсон усилил хватку, чертовски надеясь, что этот ублюдок заработает себе гипоксию. Но этот сукин сын не сдавался без борьбы. Глядя Хадсону в глаза, он развернул пистолет между их телами.

***

Весь мир Алли перестал вращаться от звука выстрела. Громоподобный звук эхом отдавался у нее в ушах, запах пороха обжигал ноздри. На несколько мучительных секунд она просто застыла, глядя на мужчин, сцепившихся в жестокой схватке с пистолетом, зажатым между ними. Но потом из глубины ее груди вырвался крик — Хадсон упал на пол, кровь пропитывала его рубашку, расползаясь алым кругом.

Она упала на колени рядом с ним. Его глаза были закрыты, а тело лежало так неподвижно.

— Хадсон... останься со мной... — слова застревали в горле, она задыхалась. — Пожалуйста. Не бросай меня, — от слез все перед глазами расплывалось, она положила обе руки на рану, пытаясь остановить кровь. Под ладонями она не чувствовала ни сердцебиения, ни поднимания и опадания груди, лишь кроваво-красную влагу.

Джулиан схватил ее за руку, впившись пальцами в ее плоть, и попытался оттащить ее.

— Нет, — Алли сопротивлялась его хватке. — Отпусти меня.

— Вставай, — зарычал он, рывком поднимая ее на ноги и тыкая дулом пистолета под ребра.

— Мы не можем просто оставить его так, — слезы горячими ручейками стекали по ее щекам, а он тащил ее дальше по коридору. — Надо позвонить в скорую.

Джулиан проигнорировал ее, но она заметила панику в его глазах. Над бровями и верхней губой выступил пот, дыхание вырывалось короткими прерывистыми вздохами. Если бы ей удалось урезонить его, даже предложить путь к отступлению, возможно, было еще не поздно.

— Пожалуйста, — Алли плакала, сотрясаясь всем телом от рыданий. — Не делай этого. Он может быть еще жив. Дай мне позвонить в скорую, — ее слова слились в отчаянную мольбу. — Ты можешь уехать с Филиппом. Клянусь, я никому не скажу, что ты был здесь. Я скажу, что кто-то вломился в дом, или что это была случайность, но пожалуйста...

— Заткнись, — заорал Джулиан. Сорвавшись, он ударил ее по лицу тыльной стороной ладони. Сила его удара отбросила ее к столу, и она с грохотом рухнула на стол, сервированный фарфором. — И прекрати рыдать, мать твою. Мне надо подумать.

В разбитом зеркале Алли видела, как Джулиан полез в нагрудный карман пиджака и вытащил сотовый. Он пару раз ткнул большим пальцем в экран и почти немедленно пролаял приказы:

— Пригони обратно машину... нет, в гараж. Возникла ситуация, которую тебе придется зачистить.

Алли вскочила на ноги. Куда ни глянь, она видела кровь. Кровь ее матери, забрызгавшая стену перед ней; ее собственная кровь, стекавшая из пореза на лице; и кровь Хадсона на белой скатерти, попавшая туда, когда Алли пыталась затормозить свое падение. В соседней комнате умирал ее муж, или возможно, он уже был мертв. Она должна быть рядом с ним. Джулиан лишил ее родителей. Ни за что на свете она не позволит ему забрать единственного мужчину, которого она любила.

Джулиан бросил трубку и направился к месту, где она стояла. Она вцепилась руками в стол и прерывисто вздохнула, когда он потянулся к ней. И когда его руки зарылись в ее волосы, ее пальцы сжались вокруг ножа, лежавшего возле разбитой тарелки.

— Пошли, — прорычал он и дернул Алли за корни волос. Она развернулась, стараясь не обращать внимания на ужас в глазах Джулиана, когда она вонзила нож ему в сердце.

Алли поехала с Хадсоном в скорой. Поначалу они пытались сказать ей, чтобы она ехала в другой машине, но обменявшись несколькими тихими фразами с Максом, ее усадили на сиденье в углу машины и сказали сидеть смирно и дать им работать. Она понятия не имела, что Макс сказал им или полиции, если уж на то пошло, но он дал ей возможность остаться с ее мужем, и она вечно будет благодарна за это.

Макс приехал вскоре после того, как она позвонила в 911, и тут же взял ситуацию в свои руки. Его спокойное и уверенное поведение стало для Алли просто спасительным тросом среди всего этого бедлама, воцарившегося после сцены, которая, казалось, длилась часы, но на самом деле заняла считанные минуты. Парамедики, полиция, громкие сирены и огни мигалок. Алли абстрагировалась от всего этого и сосредоточилась на мужчине, которому Хадсон доверял больше всех, полагаясь на него, доверяя ему провести ее через худший момент в ее жизни.

Поездка до госпиталя прошла как в тумане. Алли сидела в углу, как было сказано, одетая в пиджак, который ей дал Макс, чтобы прикрыть разодранную блузку, и безмолвно молилась. Команда врачей встретила их, как только они прибыли, и она в зачарованном ужасе наблюдала, как перед ней разворачивается сцена, точно сошедшая из сериалов Дика Вульфа (40). Мужчины и женщины в больничных костюмах и халатах выкрикивали слова, которые ей ничего не говорили. Она хотела задать им миллион вопросов, но прежде чем она успела произнести хоть один, Хадсона стремительно увезли сквозь двойные двери.

Она последовала за каталкой через просторный холл прямо в огромный приемный покой. Внутри него целая команда врачей двигалась в ритме, напоминавшем организованный хаос. Для нее это выглядело полным беспорядком, все бегают в разных направлениях, одновременно говорят, но для них это, похоже, было набором четко отлаженных действий. И в центре этого урагана был Хадсон. Она едва могла различить его за суматохой тел, но в какой-то момент она заметила его левую руку, неподвижно лежавшую сбоку от тела. На ней не было платинового ободка, который она надела всего девять дней назад.

— Вам нельзя здесь находиться, — крикнул кто-то.

Алли не пошевелилась. Она даже не дышала.

— Мэм, вам нужно подождать снаружи, — сказал мужчина позади нее.

— Так много крови, — прошептала она. Комната вокруг завертелась, и она покачнулась. Чьи-то руки обхватили ее за плечи.

— Дайте им делать свою работу. И присядьте. Вы же не хотите, чтобы они остановились, потому что вы потеряли сознание, правда? — произнес мужчина, осторожно уговаривая Алли выйти в коридор. — Вот так, садитесь. Кто-нибудь обязательно сообщит вам новости, когда что-то станет известно.

Она села на обитый винилом стул у сестринского поста, но не отводила взгляда от закрытых дверей той комнаты. Никто не входил и не выходил, но она знала, что несмотря на кажущееся внешнее спокойствие, внутри команда профессионалов изо всех сил старается сохранить жизнь ее любимому мужчине. Или, возможно, все кончено. Возможно, они потеряли его, и в любую минуту кто-то выйдет из этой комнаты, чтобы сказать, что она

стала вдовой. На глаза опять навернулись слезы, и борясь с ними, она раскачивалась на сиденье. Пожалуйста... пожалуйста, спасите его...

Позади нее с резким жужжанием открылись автоматические двери.

— Алли! — Ник кинулся к ней. Он держал Харпер за руку, и даже с такого расстояния Алли видела, что он сжимал ее до побеления костяшек. — Что происходит? Макс в сообщении сказал встретиться с тобой в приемном покое, но он не сказал, что за хрень стряслась.

Она встала и глубоко вздохнула, пытаясь собраться с силами, чтобы произнести это вслух.

— В Хадсона стреляли, — вот и все, что ей удалось выдать через вставший в горле ком.

От лица Ника отлила вся кровь.

— Насколько все плохо?

Алли сморгнула слезы. Она должна быть сильной ради Ника. Чем бы ни закончилось дело там, в комнате позади них, Ник был ее семьей. И как и Хадсон, она сделала бы все ради него.

— Еще не знаю, — сказала она, изо всех сил стараясь говорить спокойно. — Они все еще работают над ним.

Ник провел рукой по волосам.

— Как, мать твою, это случилось? — медсестра на посту подняла голову от экрана, и Ник понизил голос. — Мой брат живет не в том мире, где в людей стреляют, — он резко вскинул голову, и Алли увидела на его лице осознание. В глазах Ника отразилась вина. Он тяжело сглотнул, и когда он заговорил вновь, голос его сошел до шепота. — Это из-за меня?

— Нет, — Алли категорически покачала головой. — Это моя вина. Твой брат лежит там из-за меня, — суматоха в конце коридора удержала ее от дальнейших объяснений. Дверь комнаты открылась, и вышел молодой доктор в забрызганном кровью костюме.

— Я доктор Вебер, — сказал он, переводя взгляд с Алли на Ника и обратно. — Кто-то из вас является ближайшим родственником мистера Чейза?

Алли шагнула вперед.

— Я его жена, — позади она услышала, как Харпер резко втянула воздух, а Ник приглушенно выругался.

— Ваш муж потерял много крови, — сказал доктор. Это она уже знала. Чего она не знала, так это то, будет ли с ним все в порядке. Мужчина, стоящий перед ней, мог дать ей надежду или разрушить весь ее мир. Время, казалось, остановилось, пока она ждала, скажет ли он, что ее любимый мужчина все еще жив. — Пуля не задела ворота легкого, и это хорошо.

Алли кивнула, делая вид, что поняла. Но на самом деле она лишь уцепилась за слово 'хорошо'.

— Однако пульмональные травмы опасны сами по себе. Плевральная дренажная трубка, которую мы установили, полна крови, но мы не поймем степень серьезности травмы, пока не отвезем его в операционную.

— Ему понадобится операция? — спросила она.

— Да. Они готовят его прямо сейчас.

Как раз в этот момент двери распахнулись. Несколько человек бежали рядом с каталкой, увозившей Хадсона вдаль по коридору. Он лежал так спокойно, слишком

спокойно, и весь был покрыт трубками, как будто только они поддерживали в нем жизнь. Алли зажала рот ладонью, когда они проехали мимо нее, сдерживая рыдание, безмолвно сотрясавшее все ее тело. Если бы она не сдержалась, то, наверное, уже не перестала бы рыдать.

— Мы будем знать больше, когда они оценят ущерб, — доктор продолжал говорить, объясняя, что легкие состоят из множества сосудов и по сути представляют собой губки, заполненные газом. Алли слушала, пытаясь разобраться в сложном медицинском сленге, который он переводил на человеческий язык. Но она могла думать лишь о Хадсоне, которого в комнате где-то над ними готовили к операции, и его жизнь буквально находилась в руках команды врачей.

— Но они вылечат его, верно? — искреннее беспокойство в словах Ника развеяло туман, окутавший ее разум. Его вопрос был таким простым, точным и единственно важным.

— Операцию проводит доктор Катц. Она одна из лучших хирургов в мире.

Алли мельком задумалась, было ли совпадением, что известный на весь мир хирург случайно оказалась под рукой.

— Как долго придется ждать известий? — спросила она.

— Подобные операции занимают от четырех до шести часов, в зависимости от сложности травмы. На одном этаже с операционными есть комната ожидания для родственников. Хирург сообщит вам последние сведения, как только мистера Чейза переведут в реанимацию.

— Алессандра.

Алли повернулась и увидела Бена Вайса. От его вида у нее почти перехватило дыхание. Он был так похож на ее отца, почти сошел бы за настоящего дядю, и не из тех, кого зовешь этим титулом просто потому, что он друг семьи. Это было слишком. В этот раз, когда на глаза навернулись слезы, она уже никак не могла их сдержать.

— Я отправил вертолет Ингрэм, чтобы забрать Елену Катц, — сказал он. — Они приземлились на вертолетной площадке госпиталя несколько минут назад.

— Спасибо, — сказала она, обнимая мужчину, который последние несколько месяцев был для нее источником спокойной силы. — Я не знаю, чтобы без вас делала.

— Всегда пожалуйста, — вокруг его глаз собрались морщинки, когда он слегка улыбнулся. — И я слышал, что вас можно поздравить, миссис Чейз?

— Мы собирались сказать всем. Но столько всего произошло и... это сложно.

— Очевидно, — меж его бровей залегла глубокая складка. — Макс выиграл тебе немного времени с полицией, но они захотят взять показания как можно скорее. Я не сумею долго сдерживать их. И репортеров вдвое больше, чем было после... — он замолчал и глубоко вздохнул. — Мне нужно будет, чтобы ты все мне рассказала, Алессандра.

Ник оттолкнулся от стены, где он тихо переговаривался с Харпер.

— Меня это тоже касается. Начиная с того, кто, черт подери, стрелял в моего брата, и заканчивая тем, что вы двое поженились.

Ее взгляд метнулся к Харпер. При других обстоятельствах она набросилась на Алли, выпытывая детали и жалуясь, что ей не удалось познакомиться с симпатичными друзьями жениха. Но вместо этого она тихо стояла рядом с Ником, на лице ее читался страх и беспокойство. Ее нехарактерная молчаливость послужила лишним напоминанием о серьезности ситуации.

— Долгая история, — сказала Алли.

Ник обнял ее за плечи.

— Ну, если верить тому доку, нашим задницам предстоит несколько часов провести на пластиковых стульях. Давайте поднимемся, и ты расскажешь все по порядку.

***

Алли изо всех сил постаралась ответить на вопросы Ника. Она шаг за шагом провела его через последние несколько недель, тщательно избегая упоминания, что Джулиан использовал пленку в качестве рычага. Тот факт, что Хадсон сделал себя уязвимым перед шантажистом в ту ночь, когда он помог Нику скрыть убийство наркодилера, был лишь малой частью крайне запутанной истории. Но Алли знала, что Ник зацепится именно за эту деталь и во всем случившемся будет винить себя. Алли ни за что не позволила бы ему жить с этим чувством вины. Будь Хадсон здесь, он предпочел бы уберечь Ника от этого. И меньшее, что она могла сделать для своего мужа — это сделать так, как он хотел бы.

— Так ты записала этого ублюдка на рекордер? — спросил Ник, когда она закончила.

Алли вытащила записывающее устройство из кармана. Оно было забрызгано кровью, но она не знала, принадлежала она Хадсону или Джулиану. В любом случае, при виде красных подтеков весь ее живот скрутило.

— Он был включен, но я не знаю, записался разговор или нет. У меня не было возможности прослушать.

— Хочешь, чтобы я прослушал запись? — предложил Бен.

Она кивнула.

— Да, пожалуйста, — слушать, как Джулиан хвастается хладнокровным убийством ее родителей, было тяжело и в первый раз. Ей определенно не нужно было слышать, как он опять насмеяется над ней из могилы.

Как только Бен ушел, Харпер заняла его место рядом с Алли.

— Так моя лучшая подруга вышла замуж, а мне даже кусочка торта не перепало? — спросила она. Харпер пыталась говорить беззаботно, но Алли насквозь видела ее попытки разрядить атмосферу.

Ник, начавший было мерить комнату шагами, развернулся на пятках и пригвоздил ее взглядом.

— Да, что за хрень, мать твою?

— Ник! — возмутилась Харпер.

— Извини, не хотел, чтобы это прозвучало так, — сказал он с внезапным раскаянием и смущением. — Ты же знаешь, я без ума от тебя, Алли, и черт подери, ты лучшее, что случилось с моим братом, — он сел с другой стороны от нее. — Но великий Хадсон Чейз на поводке — я думал, никогда такого не увижу.

Несмотря ни на что, Алли улыбнулась. Она взяла их за руки и крепко сжала.

— Извините, что мы вам не сказали. Мы оба очень хотели, чтобы вы были там. И мы собираемся сделать это снова, если...

— Когда, — поправила Харпер. — Вы вновь поженитесь, когда Хадсон поправится. И плевать я хотела, что он там скажет, я устрою тебе девичник. Ни за что не пропущу шоу Чиппендейл (41) просто потому, что ты уже замужем.

Ник оживился.

— Значит, я могу заказать...

— Нет, — Харпер оборвала его еще до того, как он успел произнести 'стриптизершу'.

Ник хихикнул.

— Ну и ладно. Мистер Чопорность все равно не согласился бы.

Дверь открылась, и в комнату вошел Бен.

— Алессандра, — тихо сказал он. — Здесь детектив Грин, она хочет взять у тебя показания. Я говорил ей, что сейчас не лучшее время, но...

— Вы прослушали запись?

Он кивнул.

— Там все есть, — его глаза потемнели, и Алли знала, что он вновь переживает потерю лучшего друга. — Если повезет, все это закончится быстро.

Детектив Грин ждала ее на сестринском посту. Она коротко поздоровалась, поинтересовалась, есть ли информация о состоянии Хадсона, и отвела ее в небольшую комнатку в конце коридора. В небольшом помещении располагался стул и двухместный диванчик, а на столике между ними стояла упаковка бумажных платочков. Это была одна из тех комнат, где семьям сообщают плохие новости и дают минутку справиться с горем. И от этого Алли бросило в холодный пот.

— Прошу вас, мисс Синклер, присаживайтесь, — сказала она, опускаясь в кресло.

— Миссис Чейз, по правде говоря, — пробормотала Алли. Они с Беном сели рядом на небольшой диван.

Детектив на мгновение замерла, но тут же продолжила доставать блокнот и ручку из потертой сумки. Где-то в голове Алли промелькнула мысль, что эту женщину не так-то просто застать врасплох.

— Поздравляю. Не знала, что вы с мистером Чейзом поженились.

— Об этом объявлено совсем недавно, — ответил Бен от ее имени. — И они решили пока не сообщать журналистам. Уверен, вы понимаете, учитывая, давление на мисс... миссис Чейз со стороны прессы в связи с гибелью ее родителей.

— Не говоря уж о реакции мистера Лорена, — добавила Грин. Взгляд Алли зацепился за царпину на деревянном кофейном столике, которая стала ее точкой равновесия. Она посмотрела детективу в глаза. — Я говорила с Максом Найтом (42) на месте происшествия, — сказала она, и Алли не в первый раз задумалась, настоящая ли это фамилия. — Он объяснил, что мистер Лорен угрожал вам.

Бен наклонился вперед.

— Если вы уже получили его показания, я не понимаю, почему это не может подождать, учитывая сложившуюся ситуацию.

Выражение на лице детектива ясно говорило, что это не подлежит обсуждению.

— Поэтому мы беседуем здесь, а не в участке, — она повернулась к Алли. — Мне нужно, чтобы вы рассказали вашу версию событий, которые привели к инциденту, произошедшему сегодня в Мэйфлаэур Плейс.

Алли глубоко вздохнула. Она прекрасно знала, что Макс никогда не выдал бы то, что имел против них Джулиан. Его заявление бесспорно было кратким и по делу, сосредоточенным на преступлениях Джулиана, а не Хадсона.

— Джулиан связался со мной, когда мы уезжали в Европу на новогодних каникулах. Он хотел, чтобы я вернула его кольцо, но когда я его принесла, он был очень зол из-за разрыва нашей помолвки. В его глазах все выглядело так, будто я сорвала деловое соглашение, и он имеет право на компенсацию.

Детектив не записала ни слова в приготовленном блокноте. Вместо этого она

внимательно смотрела на Алли. Испытующий взгляд вынуждал Алли следить не только за каждым произнесенным словом, но и за каждым жестом. Она сложила руки на коленях, пытаясь не дать дрожащим пальцам выдать ее нервозность.

— Он хотел, чтобы я порвала с Хадсоном, а затем предложила ему вновь сойтись, но только если он перепишет на меня свой пакет акций Ингрэм. После этого Джулиан хотел, чтобы я вышла за него замуж, подписав брачный контракт, согласно которому он получал полную власть над компанией, которую считал по праву своей.

— Что вы ему сказали?

Алли раздраженно выдохнула.

— Что он сошел с ума, и я ни за что на это не соглашусь. И тогда он сказал, что убил моих родителей, — ее голос дрогнул, и она на мгновение перевела взгляд на свои руки. Прочистив горло, Алли продолжила: — Он убил их, детектив, точно так же, как если бы самолично спустил курок, — она встретилась с ее пристальным взглядом. — И он угрожал навредить Хадсону, если я не сделаю в точности, как он говорит.

— Вам приходило в голову обратиться в полицию? — спросила Грин, нацарапав в блокноте несколько слов, которые Алли не удалось разобрать.

— Конечно, приходило. Но расследование не давало никаких результатов, а у меня не было доказательств. Было лишь мое слово против его. До сих пор. Сегодня я спрятала в блузке цифровой рекордер. Джулиан нашел его как раз перед тем, как появился Хадсон, — она тяжело сглотнула. — Это его и спровоцировало.

— Он признал свою причастность?

Алли кивнула.

— Он сознался во всем.

Бен достал устройство из кармана устройство. Оно было завернуто в носовой платок, который обычно идеальным квадратиком выглядывал из нагрудного кармашка.

— Все здесь.

Грин вытащила из кожаной сумки пластиковый пакетик с надписью УЛИКА и положила туда рекордер.

— Джулиан Лорен убил моих родителей, и все, что я могу сделать сейчас — это сидеть в комнате ожидания и молиться, чтобы он не забрал у меня еще и мужа. Джулиан, может, и мертв, но урон, нанесенный им, необратим. Поэтому он никогда не исчезнет из моей жизни насовсем, но чем скорее я начну пытаться оставить его позади, тем лучше.

— Если запись на этом устройстве подтверждает вашу историю, я не вижу никаких трудностей, — ее взгляд смягчился. — Я не особо религиозная женщина, миссис Чейз, учитывая, что я вижу каждый день. Но я буду молиться за здоровье вашего мужа. Если кто и заслуживает счастливого конца, это вы двое.

— Спасибо, детектив, — краем глаза Алли заметила проблеск голубого. Она повернулась как раз, чтобы заметить женщину в больничной одежде, вошедшую в комнату для ожидающих семей. — С вашего позволения, — сказала она и поспешила по коридору, даже не дождавшись ответа.

— Он в порядке? — выпалила Алли, едва ворвавшись в комнату.

Женщина в халате стояла перед Ником, сидевшим на одном из пластиковых стульев. Ступней он отбивал бешеный ритм, от чего дрожала вся нога, его лицо выглядело намного старше двадцати двух лет.

— Он все еще в операционной, — сказал Ник. Голос его был таким тихим и слабым, что

Алли едва его узнала.

— Здесь личные вещи мистера Чейза, — сказала женщина, протягивая большой пакет из манильской бумаги. — Жаль, что у меня нет для вас хороших новостей. Надеюсь, скоро кто-нибудь выйдет и сообщит последние сведения.

— Спасибо, — Алли села на один из стульев у противоположной стены и взяла пакет. Внутри был смартфон Хадсона и его бумажник, но не было одноразового телефона. Он точно взял его с собой, иначе как бы он получил сообщение и узнал, что она с Джулианом? Но где же этот телефон, черт подери? Макс, подумала она. Ну конечно же, он позаботился обо всех хвостах до приезда полиции. В отличие от незарегистрированного телефона, который Хадсон использовал для их общения, смартфон, который держала Алли, был для бизнеса. Четыре дюйма современных технологий, служивших ему связью с постоянно растущим конгломератом. Алли чувствовала себя увереннее, раз все его контакты будут рабочими, но если есть малейший шанс, что осталось что-то уличающее его...

Она включила телефон и невольно улыбнулась — паролем был день ее рождения. Но как только загрузился домашний экран, улыбка исчезла, на глаза навернулись слезы. На экране устройства, на которое Хадсон смотрел целыми днями, управляя своей империей, красовалось их селфи со дня их свадьбы. Она впитывала каждую деталь фото, начиная от того, как близко она прижималась к своему новоиспеченному мужу, до того, как властно его рука обвивала ее плечи. Но именно выражение их лиц заставило ее сердце болезненно сжаться. Их взгляд как будто говорил: 'Я дома'.

Ей стало любопытно, сохранилось ли на телефоне фото их поцелуя после пробы свадебного торта, и Алли нажала на иконку галереи. Она нашла не только то фото, но и дюжину других. Все они были сняты в повседневной обстановке, на всех была она. Копалась в рулонах оберточной бумаги на Кристкиндрлмаркете; смеялась перед камином вместе с Харпер; читала книгу, закутавшись в кашемировый плед в библиотеке Хадсона. Куча снимков, на которых она незаметно запечатлена в моменты счастья. И тот факт, что Хадсон не только сфотографировал это, но и хранил в телефоне, был лишним доказательством его романтической натуры, существование которой он категорически отрицал. Она улыбнулась про себя. Когда он очнется, она его за это отчитает.

Когда он очнется...

Если он очнется...

Нет. Она покачала головой, чтобы отбросить эти мысли. Они никому не помогут. Она должна думать о лучшем. Если не ради себя, то ради Ника. За исключением редких моментов, когда Харпер усаживала его на стул, он не переставал мерить комнату шагами. Паника и страх в его глазах, когда он изредка поглядывал на Алли, заставляла ее грудь мучительно сжиматься. Все его чувства, как и трезвость, болтались на волоске. И при виде Алли, бьющейся в истерике, ему было бы намного сложнее держаться в и без того непростой ситуации. Меньше всего ей хотелось ухудшить положение вещей.

Так что вместо просмотра фотографий, вызывавших до боли счастливые воспоминания, Алли переключилась на пакет из манильской бумаги. Она потянулась за его бумажником, но тут рука нащупала что-то еще — его обручальное кольцо. Она подняла платиновый ободок и впервые поняла, что на нем была гравировка. Алли не заметила ее, когда надевала кольцо ему на палец. Амбар был освещен тусклым светом свечей, и ее взгляд был прикован к любимому мужчине, а не к кольцу. Но в больничной комнате ожидания, под резким флуоресцентным светом невозможно было не заметить слов, выгравированных на

внутренней стороне.

Навеки ее. 17.01.15.

Это было слишком. Алли стиснула кольцо в ладони и прижала его к груди. Хадсон был ее любовью, ее жизнью. Она не могла представить себе мир, в котором его нет. Слезы сбегали по щекам тяжелыми каплями, все ее тело затряслось от рыданий.

— Миссис Чейз? — Алли подняла голову и обнаружила женщину в бледно-голубом хирургическом костюме, стоявшей прямо в дверях. Изящные черты его лица помрачнели от усталости. — Я доктор Катц. Почему бы нам не найти уединенное местечко, чтобы поговорить?

(40) Ричард Энтони 'Дик' Вульф — американский продюсер и сценарист, специализирующийся на криминальных драмах вроде 'Полиция Майами' и 'Закон и порядок'.

(41) Чиппендейл — самое популярное в мире шоу мужского стриптиза.

(42) Фамилия Макса пишется как Knight, что переводится как 'рыцарь'.

Хадсон пришел в себя, и первым его инстинктом было сесть. Дерьмо, охренеть какая плохая идея. Его бок завопил от такой сильной боли, что ему пришлось прерывисто вздохнуть. Потому что более глубокий вдох был подобен пистолетному выстрелу меж ребер.

Пистолет... Джулиан... Алли...

Что этот мудака сделал с ней? Он поборол желание как можно быстрее рвануть из... где, черт подери, он находился? Здесь было тепло, как в холодильнике для мяса, а внешне это место напоминало что-то среднее между цветочным магазином и похоронным бюро. Иисусе, он что, умер? Нет, боль, отдававшаяся во всем теле, служила явным напоминанием, что он очень даже жив. Голова и грудь болели, веки отяжелели, но он был жив. Охренительно жив.

Ему нужно было попасть к жене.

Вместо очередной попытки встать Хадсон повернул голову. Ангельское личико покоилось на больничном одеяле, светлые волосы растрепались, губы слегка приоткрыты. Его взгляд переключился на хрупкую руку, покоившуюся в его ладони, и он сжал ее со всей небольшой силой, что у него оставалась.

— Алли... — прохрипел он. Горло как будто горело.

Она подняла голову и моргнула.

— Хадсон... — весь сон пропал, на глаза ее навернулись слезы. — Слава Богу.

— Где я?

— Северо-западный госпиталь. Ты в реанимации.

— Долго я был без сознания?

— Сутки, — она начала отстраняться, но он крепче сжал ее ладонь.

— Нет. Остайся, — его хриплый голос прозвучал громче, чем ему казалось возможным.

— Ш-ш, все хорошо, — она ободряюще улыбнулась. — Я здесь. Я никуда не уйду. Но мне нужно сообщить им, что ты очнулся. Они проверят твои показатели, и кажется, тебе не помешает еще одна доза морфина.

— Нет, не надо. Я хочу быть в сознании. Расскажи мне, что случилось.

— Что ты помнишь? — спросила она.

— Я помню, как видел вас двоих через окно, — образ Джулиана, лапающего его жену, вызвал в груди Хадсона куда более сильную боль, чем та, с которой он очнулся. — И я помню, как мы боролись за пистолет. После этого — ничего.

— Пистолет очутился между вами, — она помедлила, и Хадсон знал, что она старается совладать с эмоциями. Его убивала одна лишь мысль о том, через что ей пришлось пройти за последние двадцать четыре часа. Если бы ситуация была обратной, он бы сошел с ума.

— Они арестовали Джулиана? — Хадсон вздрогнул от острого укола боли, который так же внезапно отступил.

— Он мертв, — лицо Алли побледнело. — Ты истекал кровью на полу, а он пытался увести меня отсюда. Если бы я его не остановила... — ее голос сорвался, но она прокашлялась и вновь заговорила. В этот раз в ее словах звучала неоспоримая решительность. — Я бы сделала это снова, если бы это понадобилось ради спасения твоей

жизни.

Он потянулся к ней.

— Иди сюда, — Алли наклонилась, и дрожащими руками он прижал ее к себе. — Ты такая храбрая. Я восхищаюсь тобой, — сказал он, прижимаясь нежным поцелуем к ее губам. — Спасибо.

Облегчение от того, что Джулиан больше не был проблемой, было недолгим, и реальность атаковала его по всем фронтам.

— Проклятье, — выругался он. — Что насчет Ника? Они узнали о нем? Видео? — он попытался встать с постели. — Где мой телефон?

— О нет, ты никуда не пойдешь, — Алли осторожно положила руку ему на плечо. — Не двигайся. Приказ доктора.

— Ладно, — Хадсон опустил голову. Как будто он далеко ушел бы с этими километрами трубок и гребаным катетером. — Теперь ответь мне.

— Твой телефон у меня, — и прежде чем он успел заговорить, она добавила: — И он тебе не нужен. Даррен позаботится обо всех делах в офисе. А что касается Ника, — она заговорила тише. — Макс приехал вскоре после того, как я позвонила 911. Я не знаю всех деталей и не уверена, стоит ли это обсуждать здесь, но он заверил меня, что угрозы больше нет.

— Полиция уже была здесь?

— Вчера приходила детектив Грин и взяла у меня показания. Я отдала ей запись.

— Ты записала его признание?

Алли кивнула.

— Во всем. Судя по всему, теперь до закрытия дела остались чистые формальности. Хотя кажется, тебе все же придется объясниться.

— Объясниться? В меня стреляли, черт вас дери, что тут объяснять?

— Не детективу. Твоему брату. Он в ярости.

Хадсон выгнул бровь.

— И с чего бы это?

— Во всей этой суматохе он, возможно, услышал, что я теперь твоя ближайшая родственница.

— Вот как?

Она безуспешно пыталась подавить улыбку.

— Угу. И возможно слегка взбесился, что не было мальчишника.

— Дерьмо, — Хадсон потер щетину на подбородке. Ник без сомнений попытается воссоздать клуб Плейбой прямо посреди его пентхауса. Да уж, ни за что на свете.

— Он в комнате ожидания с Харпер. Никто из них не пошел домой.

Смутное воспоминание промелькнуло в голове Хадсона, и он хитро посмотрел на нее.

— У меня были галлюцинации от обезболивающих, или ты правда разыгрывала карту да-вы-хоть-знаете-кто-я-такая?

Она покраснела.

— Разыгрывала, к моему стыду. Но ни что не помешало бы мне попасть в эту реанимацию, какой бы страшной ни была медсестра.

Он рассмеялся и тут же вздрогнул от боли в груди.

Алли нахмурилась.

— Уверен, что не хочешь обезболивающих?

— Пока нет. Я еще не готов снова заснуть. Но воды не помешало бы. Горло точно огнем горит.

— Это от интубации. Они сказали, что через пару дней пройдет, — Алли налила воды в пластиковый стаканчик и поднесла трубочку к его губам.

— А как насчет остальной части меня?

— Через несколько недель. И прежде чем ты еще что-то скажешь, ты будешь отдыхать все это время.

— А ты будешь моей медсестрой?

— Если пообещаешь вести себя прилично.

— Ни единого гребаного шанса.

Она широко улыбнулась.

— Я надеялась, что ты так скажешь.

— Я люблю тебя.

— А это я надеялась услышать еще сильнее, — Алли наклонилась, чтобы снова поцеловать его. — Я тоже тебя люблю.

— Как насчет того, чтобы полежать со мной?

— О, нет, — Алли издала гортанный смешок. — Прибереги это до тех пор, пока тебе не станет лучше.

— Уверяю вас, долго ждать не придется, миссис Чейз. Но как насчет медового месяца, когда мне станет лучше?

— Звучит идеально.

Хадсон погладил волосы Алли.

— Куда бы ты хотела отправиться?

Она запечатлела еще один поцелуй на его губах.

— Куда угодно, только не в Париж.

Алли выглянула из-под навеса овального шезлонга. Апрель считался лучшим месяцем для поездки на Мальдивы, и пока что оправдывал свою репутацию. По правде говоря, после целой недели на солнышке под голубым небом, они с Хадсоном всерьез рассматривали возможность перенести их штаб-квартиры на какую-нибудь удаленную цепочку островов. Хотя бы на зимние месяцы.

Она засунула в уши наушники и откинулась на груди белых подушек. Темный плетеный лежак с толстым матрасом напоминал скорее овальную кровать, чем шезлонг как таковой, и был прекрасным выбором для пары в медовом месяце. Принимать солнечные ванны, держась за руки, стало их ежедневным ритуалом, как и смотреть на звезды ночью. Хотя если честно, обычно это включало нечто большее, чем просто держаться за руки.

Одним движением пальца Алли включила плейлист, который создала специально для поездки. Запел Эд Ширан, и она закрыла глаза, вспоминая, как они с Хадсоном танцевали не только той ночью в январе, но и на небольшом приеме, который они устроили для семьи и друзей перед самым отъездом. Изначально они планировали устроить масштабное мероприятие, подобающее союзу магната-мультимиллионера и наследницы целого состояния. Но в итоге они поняли, что им хотелось вовсе не такого праздника. Так что вместо зала с пятью сотнями людей, на которых им было совершенно наплевать, Хадсон и Алли повторили свои свадебные клятвы на закрытой церемонии перед самыми близкими людьми.

Первая песня сменилась второй, и Синатра запел о летних ветрах. Алли нажала центральную клавишу на телефоне и глянула на фото на экране. Это был снимок Хадсона, который она сделала, когда они только приехали на остров. Они сидели на террасе, окружавшей их надводное бунгало по периметру, наслаждались фруктовыми коктейлями, которых подавали в кокосовой скорлупе с крошечными зонтиками.

Панорамный вид точно сошел с туристического буклета, но не захватывающие дух виды Индийского океана и даже не стайка любопытных дельфинов вдохновили Алли сделать первый кадр в этой поездке. Это Хадсон, просиявший улыбкой, которая, как она хорошо выучила за три месяца замужества, говорила "ты скоро будешь голой". Его глаза были того же синего оттенка, что и бирюзовая лагуна, тропический ветер играл с его волосами, придавая им тот самый сексуальный взерошенный вид, который она считала просто неотразимым. Хадсон почти каждый день щеголял с прической 'точно только что потрахался', будь то конференц-зал или спальня, но по крайней мере в последнее время ее название соответствовало действительности. Похоже, что всю первую неделю их медового месяца ее муж провел глубоко в ней.

С началом второй недели она настояла, чтобы они посмотрели что-нибудь помимо их бунгало. Хадсон наконец согласился, но только на один день. Он по максимуму наполнил его всеми развлечениями, какие предлагались курортом. Прошлым утром они исследовали удаленный остро и посетили Марин Дискавери Сентер, где Хадсон сделал щедрое пожертвование от лица своей новоиспеченной жены. После ланча они отправились нырять с морскими дьяволами и держась за руки, бродили по девственным песчаным пляжам, простиравшимся вдоль коралловых рифов. Алли даже попыталась доплыть до буйков, но

наотрез отказалась кормить акул, заявив, что в последнее время в ее жизни было достаточно опасностей. Когда они наконец вернулись в бунгало, едва она переступила порог, как Хадсон затащил ее в овальную кровать королевских размеров. Они уснули только на рассвете, и она едва вытащила себя на шезлонг к обеду. Seriously, этот мужчина просто ненасытен.

Инстинктивно она тут же посмотрела на этого сексуального бога. Он сидел на краю их личного бесконечного бассейна и смотрел на лагуну, одетый лишь в пару черных плавок. Прикрыв глаза от солнца, она наслаждалась видом мужа, впитывая каждую деталь, от резко очерченных контуров загорелой груди до кубиков пресса и суперсексуального V-образного силуэта бедер. Единственным несовершенством на его безупречном теле был небольшой шрам там, где пуля прошила его легкое. Его вид должен был приносить укол горя, вызывая воспоминания о той ужасной ночи. Но вместо того он успокаивал его. Потому что как бы ни было ненавистно вспоминать ту ночь, когда она едва не потеряла своего мужа, это напоминало ей о том, что он выжил.

Шрамы на его душе тоже исцелялись. После того разговора на диване в ночь накануне их свадьбы Хадсон стал более открытым. Он все еще с неуверенностью говорил о своем прошлом, но потихоньку рассказывал о своем детстве, и плохое, и хорошее. Ник даже уговорил его на несколько сеансов терапии. Хадсон ворчал о том, что кто-то копается у него в голове, но Алли уже чувствовала, что бремя, которое он нес на своих плечах, уменьшилось.

Конечно, отчасти это из-за успехов Ника. Шесть месяцев трезвости творили с ним чудеса. Он не только сохранил работу в кофейне, но его даже рассматривали на должность менеджера. Хадсон сто раз просил его устроиться в Чейз Индастриз, но Ник настаивал, что должен сам нести ответственность за свою жизнь. Алли думала, что в конце концов оба брата будут работать в одном здании, но уважала стремление Ника добиться всего самостоятельно. Когда придет время, он естественно будет настаивать на том, чтобы пройти весь путь с самого начала, а она конечно же убедит Хадсона согласиться на это, но в конце концов все у них будет хорошо.

Алли гадала, станет ли присутствие Ника достаточным стимулом для Харпер, чтобы та присоединилась к ней в штаб-квартире Ингрэм. Хотя Алли и продолжала сотрудничать с фондом, она скучала по ежедневной работе с подругой. Теперь, когда Алли вышла замуж, а Харпер почти каждый вечер проводила с Ником, их девичьи вечера стали совсем редкими. Отношения ее лучшей подруги и деверя за последние три месяца стали серьезными, и хоть их дружба никогда не закончится, Алли все равно скучала по их болтовне за коктейлями в 'Таверне' или за салатом у нее в кабинете. Харпер стала домоседкой, предпочитая тихий вечер дома с Ником и Харлей вместо выхода в свет с кем-то еще.

Алли закрыла глаза и невольно улыбнулась при мысли о своей собачьей 'племяннице'. Маленькая Харлей стала не только желанным прибавлением в семействе, она обожала своего дядю Хадсона. Несмотря на все старания Хадсона держать йорки на расстоянии вытянутой руки, она всегда оказывалась у него на коленях. Он закатывал глаза и гладил ее так, точно она была из какого-то взрывоопасного материала, но Алли знала, что в глубине души Хадсон не просто ценил то, какой эффект она оказывала на Ника, но и сам питал к ней нежную привязанность. Он мог называть ее твякающей белкой или ругаться из-за пожеванного ботинка, но никакие его протесты не отменяли потайной записки с собачьими вкусняшками, которую она обнаружила в ящике его стола.

На лицо Алли упала тень, а на ее голый живот закапала вода. Она открыла глаза и

увидела, что Хадсон навис над ней всем телом, блестящим в лучах предзакатного солнца, и улыбнулась еще шире.

Он достал крошечные наушники из ее ушей.

— Весьма довольная улыбка, миссис Чейз.

Толстый матрас прогнулся, когда он забрался на шезлонг. Он прижался губами к животу, слизывая капли воды, перекатывавшиеся по ее коже точно жемчужины, а секунду спустя завладел ее ртом в страстном поцелуе. Как будто он нуждался в этом. Как будто ему было мучительно больно не касаться ее всего пятнадцать минут. Как будто прошлой ночью он не поимел ее во всех возможных позах.

Алли застонала, раскрывая губы, и его язык ворвался внутрь, лаская ее бархатистыми ударами. Она постоянно жаждала своего мужа, но когда он бывал таким, каждая клеточка в ее теле оживала от его неукротимого и ненасытного желания.

— Так что вызвало то выражение на твоём лице? — сказал он, наконец прервав поцелуй.

— А? — переспросила она, на мгновение растерявшись. — О, просто думала о Харлей.

Его губы погладили ее щеку. Потирание щетины напомнило ей, каково было ощущать ее между бедер, и укол наслаждения пронзил ее естество.

— Тебя целует твой полуголый муж, а ты думаешь о твякяющей белке? Понятно.

— Не сейчас, до этого, — она хихикнула, когда его губы добрались до его шеи. — И я думала скорее о том, как мой полуголый муж относится к этой белке. Я тебя насквозь вижу, Чейз. Тебе она нравится.

Он издал звук, напоминавший скорее фырканье, чем согласие, а его губы скользнули по ее ключице.

— Она хорошо влияет на Ника, который непременно позволит ей носиться по всему пентхаусу, пока нас нет.

Ник и Харпер нашли отменное применение третьему этажу, когда их с Хадсоном не было в городе. Несмотря на все их попытки дрессировки и тщательную уборку после Харлей, вечно оставалась одна собачья лужица. Именно та, которую Хадсон непременно обнаруживал голой ногой.

— Скажи рыженькой, пусть побыстрее приучит эту чертову собаку к горшку, — его смешок пощекотал кожу Алли. — И раз уж на то пошло, пусть и Ника к горшку приучит.

Алли закатила глаза, зная, что он все равно не увидит.

— Говори, что хочешь, но ты очень мило с ней обращаешься, — ее тон сделался серьезным. — Ты будешь прекрасным отцом.

Хадсон замер. Секунду спустя он поднял голову, и в его глазах плескалась смесь любящего беспокойства и чистой паники.

— Ты... — он тяжело сглотнул.

— О боже, нет, — выпалила она, осознав, что нечаянно создала впечатление, будто она беременна.

Хадсон перекатился на спину и выдохнул. Алли не хотела его пугать и определенно понимала его облегчение, учитывая, сколько времени прошло. Они были вместе относительно недавно, и большую часть этого времени вынуждены были справляться с ситуациями намного хуже тех, с которыми сталкиваются обычные пары. И желание просто насладиться друг другом было абсолютно логичным, даже уместным.

Но опять-таки, они уже не подростки. И они женаты. Неужели все было бы так плохо,

окажись она и вправду беременной? Она представила образ маленького мальчика с синими глазами Хадсона и его темными волнистыми волосами, и теплое ощущение наполнило ее живот. Она даже на мгновение не задумывалась, что может забеременеть, и не была готова стать матерью, но и не могла отрицать укол разочарования из-за того, что не носила в себе дитя Хадсона. Более того, она не могла отделаться от беспокойства из-за контраста их реакций.

Она посмотрела на мужа. Он лежал, положив руку на глаза, и ее сердце упало. Они не особо обсуждали вопрос детей до свадьбы. Черт, да они даже сам брак не обсуждали до свадьбы.

Алли повернулась на бок и оперлась на локоть.

— Извини. Я не хотела тебя пугать.

Он провел рукой по лицу.

— Ты просто застала меня врасплох. Я даже не учитывал такой возможности.

— Ну, возможность всегда есть, даже когда предохраняешься, — она хихикнула. — А мы часто практикуемся, — ее неуклюжая шутка не вызвала никакой реакции, и Алли забеспокоилась еще сильнее. Она глубоко вдохнула и заговорила тихим голосом: — Я знаю, мы поженились в спешке, Хадсон. И не при самых удачных обстоятельствах, — в горле встал ком. — Если ты передумал насчет... — она замолчала, не желая и не имея сил закончить предложений.

Хадсон убрал руку с лица и одним движением перекатил ее под себя.

— Никогда не говори этого снова. Даже не думай об этом, — он перенес свой вес на локти, чтобы посмотреть ей в глаза. Интенсивность его взгляда лишь усиливалась выразительным тоном его голоса. — Ты весь мой чертов мир, Алли. Воздух, которым я дышу. Ты любовь всей моей жизни. Ты была ею десять лет назад, являешься ей сейчас и всегда будешь. Навеки.

— Но ты испытал такое облегчение...

Он покачал головой.

— Ты просто застала меня врасплох, вот и все. Конечно, я хочу от тебя детей. Ты хоть представляешь, что делает со мной одна лишь мысль о том, что в тебе растет мой ребенок? — его пальцы погладили ее живот, посылая мурашки по всей коже. — Иисусе, Алли, я хочу этого. Но я эгоистичный ублюдок, и еще не готов делить тебя.

— Я боялась, что теперь, когда все улеглось... — В этот раз Хадсон выгнул бровь, и Алли не стала заканчивать мысль. Его взгляд был одновременно мрачным и игривым, и будь это любая другая тема, она продолжила бы просто для того, чтобы посмотреть, куда это заведет. Но их будущее — не тема для шуток. Так что хотя ее тело уже отвечало на мысль о том, какую сладкую пытку он приготовил ей в наказание, она отбросила пошлые фантазии.

— Ладно, — сказала она, краснея под его горячим взглядом. — Не буду говорить.

Хадсон широко улыбнулся.

— Уже прогресс, — он взял ее за руку и поднес их переплетенные пальцы к губам, целуя ободок ее обручального кольца. — Ты от меня никуда не денешься. Я думал, что клятвы, не говоря уж о кольцах, это ясно говорят, — между его бровей залегла небольшая складка, а затем лицо озарила хорошо знакомая улыбка. — Не двигайся, — сказал он, запечатлев быстрый поцелуй на ее губах, и выбрался из шезлонга.

Алли перекатилась на живот, чтобы понаблюдать за ним сквозь стеклянные стены виллы. Он прошел в дальнюю часть комнаты, частично скрытую полупрозрачной белой

тканью балдахина над кроватью. Она не разглядела, что он искал, но это лежало в его чемодане. Она перекатилась как раз тогда, когда он повернулся к стеклу, но недостаточно быстро. Попалась.

— Ты хоть когда-нибудь делаешь, как тебе сказано? — спросил он. Его голос должен был изобразить разочарование, но глаза светились весельем.

— Что? — невинно спросила Алли. — Я не двигалась, — она широко улыбнулась. — Ну почти.

Хадсон улыбнулся и покачал головой.

— Я составил эти бумаги перед нашим отъездом, — в руке он держал толстую пачку бумаг, сложенную втрое и перевязанную белой сатиновой ленточкой. Не открывая, она поняла, что это какой-то официальный документ, но не знала, какой именно. Точно не брачный контракт. Они дважды поженились без него, хотя Бен настаивал, чтобы она разрешила ему набросать что-то для защиты семейных активов. Но она убедила его, что эта бумажная волокита ни к чему — она собиралась оставаться женой Хадсона до конца своих дней. Если их отношения закончатся, потеря половины нажитого в браке имущества будет волновать ее меньше всего. Кроме того, учитывая, что сеть компаний Хадсона стоимостью превышала несколько миллиардов, для него это было более актуально. Поэтому Алли спросила у Хадсона, не хочет ли он, чтобы она подписала брачный контракт. Разговор продлился примерно десять секунд. Как раз столько, сколько потребовалось Хадсону, чтобы сказать 'Да ни за что нахрен'.

— Считай это запоздалым подарком на свадьбу, — сказал он, протягивая ей документ и ложась рядом на шезлонг.

— Что это?

— Передача акций.

— Хадсон, мне не нужны твои акции Ингрэм. То, как они распределяются, теперь уже не важно. И я предпочту быть мистер и миссис Гендиректоры. Я хочу, чтобы мы оставались партнерами, — она одарила его игривой улыбкой. — Если, конечно, ты можешь справиться с тем, что я доминирую в зале совета.

Что-то темное мелькнуло в его глазах.

— Валяй. Только будь готова потом к жесткой ночке в спальне.

У нее перехватило дыхание. Хадсон любил столкнуться с ней лбами на заседаниях совета, но он ни капельки не извинялся за свои манеры пещерного человека, когда они оставались наедине в спальне. Или когда он нагибал ее на ее же столе. Или приковывал к потолку. И честно говоря, ей это чертовски нравилось.

— Если это должно было меня напугать...

— Не должно было.

Она склонила голову набок.

— Тогда из-за чего все это?

— Открой, — произнес он беззвучно.

Алли дернула за ленточку и развернула страницы. И увидев содержимое, застыла. Как и говорилось, документ уполномочивал передачу акций на имя Алли. Но речь шла не об Ингрэм Медиа. А о Чейз Индастриз. Широко раскрыв глаза, она встретила его спокойный взгляд.

— Я не могу это принять.

— Можешь и примешь, — невозмутимо сказал Хадсон. Как будто предлагал ей

коктейль майтай, а не половину мультимиллиардной корпорации.

— Ты построил Чейз Индастриз с нуля. Я не могу позволить тебе вот так запросто переписать половину компании на меня.

— Этой компании не существовало бы, не встретить я тебя, — сказал Хадсон. — Когда я впервые тебя увидел, мой мир сошел с привычной оси. Вот так просто ты вызвала желание стать лучшим мужчиной. Ради тебя, — налетевший бриз зашуршал соломенной крышей над их головами и взметнул светлый локон Алли. Хадсон убрал его за ухо, погладив ее щеку костяшками пальцев. — И между прочим, она носит и твое имя, миссис Чейз, — он склонился ближе, его губы замерли в считанных дюймах от ее рта. — Ты моя жена, моя любовь, мой партнер. Не просто в Ингрэм или Чейз. Во всем, — прошептал он перед тем как их губы встретились.

Слово 'партнер' эхом отозвалось в сердце и мыслях Алли, когда Хадсон углубил поцелуй. Он был прав: неважно, с какими бы препятствиями или сложностями они ни сталкивались, они всегда принадлежали друг другу, и всегда будут.

Навеки.

Больше книг на сайте — Knigolub.net